

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

**УЧЕНЫЕ
ЗАПИСКИ
ИТТСПИ**

2023 № 3

УЧЕНЫЕ
ЗАПИСКИ
НТГСПИ

SCIENTIFIC
NOTES
OF NTSSPI

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ НТГСПИ

Серия: История и филология

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Нижнетагильского государственного
социально-педагогического института

2023
№ 3

SCIENTIFIC NOTES OF NTSSPI

Series: History & Philology

JOURNAL

published by
Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (NTSSPI)

2023

NUMBER THREE

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Будаев Эдуард Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и русской филологии НТГСПИ (ф) РГППУ

Члены редколлегии

Андерсон Ричард, доктор философии (PhD), профессор политологии Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе.

Аникина Татьяна Вячеславовна, кандидат филологических наук, зав. кафедрой иностранных языков и русской филологии НТГСПИ (ф) РГППУ.

Голубкова Екатерина Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор кафедры лексикологии английского языка Московского государственного лингвистического университета.

Дзюба Елена Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Кириллов Виктор Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук НТГСПИ (ф) РГППУ.

Кушнерук Светлана Леонидовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета.

Ларионова Марина Бариевна, кандидат исторических наук, зав. кафедрой документоведения, истории и правового обеспечения Российского государственного профессионально-педагогического университета.

Неклюдов Евгений Георгиевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

Ольховиков Константин Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Попова Татьяна Георгиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Военного университета Министерства обороны РФ.

Поршнева Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Рыжкова Ольга Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук НТГСПИ (ф) РГППУ.

Сериков Юрий Борисович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник НТГСПИ (ф) РГППУ.

Солопова Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета).

Чудакова Наиля Муллахметовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и русской филологии НТГСПИ (ф) РГППУ

Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета.

Editor-in-Chief

Budaev E. V., Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Foreign Languages and Russian Philology, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University

Editorial Board

Anderson Richard, PhD, Professor of Political Science in University of California in Los Angeles.

Anikina T. V., Candidate of Philological Sciences, Head of Department of Foreign Languages and Russian Philology, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University.

Chudakova N. M., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Russian Philology, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University.

Chudinov A. P., Doctor of Philological Sciences, Head of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University.

Dzyuba E. V., Doctor of Philological Sciences, Professor of Institute of Humanities of Saint-Petersburg State Polytechnic University.

Golubkova E. E., Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of English Lexicology, Moscow State Linguistic University.

Kirillov V. M., Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Humanities and Socio-Economic Sciences, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University.

Kushneruk S. L., Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of Theory and Practice of the English Language, Chelyabinsk State University.

Larionova M. B., Candidate of Historical Sciences, Head of Department of Document Studies, History and Legal Enforcement, Russian State Vocational Pedagogical University.

Neklyudov E. G., Doctor of Historical Sciences, Principal Researcher of Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences.

Olkhovikov K. M., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Popova T. G., Doctor of Philological Sciences, Professor of the English Language Department, The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Porshneva O. S., Doctor of Historical Sciences, Head of Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Ryzhkova O. V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Sciences, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University.

Serikov Yu. B., Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University.

Solopova O. A., Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of Linguistics and Translation, South Ural State University (National Research University).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Кайдышева Н. Н.

Развитие кооперации в Нижнем Тагиле
в дореволюционный период:
последняя треть XIX – начало XX в..... 8

Кириллов В. М., Лущиков Д. В.

Политика реабилитации и места памяти жертв
политических репрессий в Свердловской области..... 26

Мочалова Н. Ю., Попов Д. А.

Эволюция мифа о либерализме в истории России..... 42

ФИЛОЛОГИЯ

Аникина Т. В., Головина Е. В.

Словообразовательные особенности
американского сленга
(на материале песенных текстов)..... 54

Диденко Д. А., Южанинова Е. В.

Семантическая характеристика
политических эвфемизмов и приемов эвфемизации
(на основе немецкой прессы)..... 69

Зырянова И. П.

Политкорректность в выступлениях
канцлера ФРГ Ангелы Меркель..... 82

Куликовская Э. Э., Зырянова И. П.

Особенности перевода эпитетов из романа
«Гарри Поттер и дары смерти» Дж. Роулинг
на русский язык..... 105

Информация для авторов..... 127

CONTENTS

HISTORY

Kaidysheva N. N.

Development of cooperation in Nizhny Tagil
in the pre-revolutionary period:
the last third of the XIX – beginning of the XX centuries..... 8

Kirillov V. M., Lushchikov D. V.

Rehabilitation policy and places of memory
of political repression victims
in the Sverdlovsk region..... 26

Mochalova N. Yu., Popov D. A.

Evolution of the myth of liberalism
in the history of Russia..... 42

PHILOLOGY

Anikina T. V., Golovina E. V.

Word-formation peculiarities of American slang
(based on the material of song texts)..... 54

Didenko D. A., Yuzhaninova E. V.

Semantic characteristics of political euphemism
and euphemization techniques
(based on German press)..... 69

Zyryanova I. P.

Political correctness in public speeches of
Angela Merkel, the chancellor of Germany..... 82

Kulikovskaya E. E., Zyryanova I. P.

Peculiarities of translating epithets from the novel
"Harry Potter and the Deathly Hallows"
by J. Rowling into Russian language..... 105

Submission Guidelines 127

ИСТОРИЯ

УДК 908

РАЗВИТИЕ КООПЕРАЦИИ В НИЖНЕМ ТАГИЛЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД: ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XIX – НАЧАЛО XX В.

Н. Н. Кайдышева

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
kainatalya@yandex.ru

Аннотация. В статье освещается деятельность кооперативных организаций Нижнетагильского завода в последней трети XIX – начале XX в. (до революционных событий 1917 г.). В рассматриваемый период Нижний Тагил – крупнейший заводской поселок Пермской губернии, активно включенный в процессы модернизации российского общества. В статье показана роль земских организаций в зарождении кооперации в Нижнетагильском заводе, всячески поощрявших разного рода формы экономического сотрудничества. Автор приходит к выводу о сотрудничестве местной общественности и властных структур в области удовлетворения экономических потребностей жителей завода и развития в заводском поселке сельского хозяйства. Кооперативные организации, выступая главным образом как общества взаимопомощи, видели свою цель в повышении благосостояния заводского населения, однако задачи значительного числа участников кооперативного движения даже в условиях экономических кризисов с исключительно частно-собственнических интересов постепенно смещались в плоскость общественных нужд. Развитие кооперации как никакой другой сферы деятельности стало полем пересечения интересов власти и общества, что благоприятно сказывалось на решении широкого круга социальных проблем и распространении практик гражданской деятельности.

Ключевые слова: потребительские общества, сельскохозяйственные общества, кредитные товарищества, ссудо-сберегательные товарищества, заводское поселение, общественные инициативы, деятельность земств, Средний Урал.

1. Введение

Кооперативные объединения в дореволюционной России представляют интерес как форма самоорганизации различных слоев населения и поле взаимодействия общества и властных структур. Изучение данной темы на материалах Нижнего Тагила – третьего по величине населенного пункта Пермской губернии и крупнейшего на Среднем Урале заводского поселка – поможет на конкретных примерах проследить процесс формирования сферы гражданской деятельности и раскрыть особенности объединительных процессов в кооперативном движении заводов, выявить роль в

этом процессе земских организаций, их вклад в решение экономических проблем заводского населения и эффективность их хозяйственной политики. Специальных исследований, посвященных изучению кооперативного движения в Нижнем Тагиле в дореволюционный период, не проводилось. Отсутствуют труды и по другим заводским поселениям Пермской губернии, в границах которой до революции располагался Нижнетагильский завод. Однако при этом существуют работы, в которых содержится анализ различных сторон развития кооперации на Среднем Урале в рассматриваемый период.

Труды по осмыслению развития кооперации на Урале появились еще в начале XX в. [Бобылев, 1907; Мавричев, 1910; Материалы по кооперации, 1913; Панин, 1919]. Исследования в основном имели практико-ориентированный характер и в большей степени негативно оценивали положение уральской кооперации [Материалы по кооперации, 1913, с. 195–197; Панин, 1919, с. 42]. В работах советских исследователей история уральской кооперации, как правило, рассматривалась через освещение деятельности большевистских организаций [Попов, 1963; Ольховая, 1966; Державин, 1986].

Возрождение интереса к данной теме наблюдается в современной историографии, появляются работы обобщающего характера. О. Н. Шмаков в диссертационном исследовании «Кооперативное движение на Среднем Урале в конце XIX – начале XX века» приходит к выводу о том, что земство и кооперация, несмотря на существовавшие между ними противоречия, «стояли на позиции взаимной поддержки друг друга» [Шмаков, 1995, с. 15]. Главным фактором развития кооперации в Пермской губернии автор называет капиталистические преобразования пореформенного периода, а в качестве ее социальной базы определяет крестьянство. Характерной чертой кооперативного движения на Среднем Урале в рассматриваемый исследователем период являлось образование кооперативных союзов и объединений [Там же]. Высоко оценена роль сельскохозяйственной кооперации на Среднем Урале в диссертационном исследовании В. Д. Мингалев [Мингалев, 1996].

Уральские исследователи анализируют деятельность общественных организаций Урала, в том числе экономических, через призму процессов формирования сферы гражданской деятельности [Казакова-Апкаримова, 2011]. Объектом исследований выступают, как правило, организации, действовавшие в городах как форма поселений, условия в которых способствовали зарождению структур гражданского общества. Многие городские кооперативные объединения не только придерживались экономических целей, но и ставили широкие социокультурные задачи. Так, Е. Ю. Казакова-Апкаримова, говоря о потребительских обществах, отмечает, что эти кооперативы не жалели средств на культурную деятельность, полагая, что

она способствует сплочению отдельных членов вокруг однородной крепкой и мощной организации. Уральские потребительные общества, за небольшим исключением, как отмечает исследователь, щедро ассигновали средства из своих прибылей на школы, библиотеки, народные дома, научные кинематографы и другие культурные начинания [Казакова-Апкаримова, 2010, с. 155]. Е. Ю. Казакова-Апкаримова делает вывод о позитивном влиянии структур гражданского общества на экономическое развитие региона [Казакова-Апкаримова, 2011, с. 51].

В контексте модернизационной теории и процесса профессионализации в монографиях уральских исследователей «Актеры российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение» и «Профессиональные группы и общества как актеры российской поздней имперской модернизации (на материалах Урала второй половины XIX – начала XX в.)» освещается деятельность ссудо-сберегательных и кредитных товариществ [Актеры российской имперской модернизации ... , 2016; Профессиональные группы и общества ... , 2016]. Эти кооперативы определяются авторами как общества взаимопомощи и профессиональные организации, создаваемые приказчиками, служащими, ремесленниками, рабочими и др. В указанных работах в том числе отмечается, что «принадлежность к профессиональной общественной организации становилась мощным средством социальной идентификации отдельных профессиональных групп» [Актеры российской имперской модернизации ... , 2016, с. 296; Профессиональные группы и общества ... , 2016, с. 143]. Следует сказать, что в обеих монографиях представлены исследования функционирования городских общественных организаций.

Анализируя деятельность кредитной кооперации в заводских поселениях и сельской местности, С. А. Пьянков пишет о том, что, хотя учреждения мелкого кредита охватывали достаточно широкие слои сельскохозяйственных производителей, главным условием участия в них была «определенная имущественная обеспеченность, отвечавшая требованиям кредитных отношений» [Пьянков, 2015, с. 45–46]. В качестве основных направлений работы кооперативных учреждений мелкого кредита автор называет мобилизацию государственных и свободных частных средств для нужд крестьянских хозяйств в выдаче ссуд и посредничестве при закупках товаров для своих членов.

В статье О. Н. Богатыревой и Н. Н. Попова представлена деятельность сельскохозяйственных обществ, рассматриваемая в свете аграрной политики земских учреждений Пермской губернии конца XIX – начала XX в. На материале уральских городов исследователи приходят к мнению о невозможности в условиях российских реалий силами одних земств решить многочисленные экономические проблемы сельского населения, для этого, полагают они, необходимо было осуществление комплексных мер со стороны властей всех уровней [Богатырева, Попов, 1997, с. 58].

Особое внимание уральских историков заслужила история потребительских кооперативов. Так, Н. Л. Габриель в диссертации «Потребительская кооперация в Пермской губернии (вторая половина XIX в. – 1917 г.)», рассматривая основные этапы развития данного вида кооперативных организаций, отмечает рост потребительских обществ в последнее десятилетие XIX в. и массовое их появление в период с 1905 по 1917 гг. [Габриель, 2010, с. 15]. В развитии потребкооперации, по мнению исследователя, активную роль сыграли интеллигенция и служащие, наряду с крестьянством и рабочими все больше включавшиеся в кооперативное движение. В качестве особенностей уральской потребительской кооперации автор называет «ее большую отзывчивость на культурные запросы общества» и все большую политизацию с конца XIX в., связанную с тем, что Урал являлся местом сырьевой, а также «лидирующее положение в координации кооперативной деятельности и создании кооперативных союзов» [Там же, с. 22, 23]. Ученый приходит к выводу о выполнении потребительской кооперацией компенсаторной функции, так как она решала те задачи, которые, по сути, входили в обязанности государства: снабжала качественными и по сравнительно небольшим ценам продовольствием и товарами первой необходимости [Там же, с. 23].

В статье С. А. Пьянкова отмечается, что первоначальное развитие потребительских кооперативов происходило в горнозаводских центрах с последующим распространением на сельскую периферию. «К началу Первой мировой войны, – отмечает исследователь, – потребительская кооперация представляла значительную экономическую силу и заметное общественное явление, перейдя от создания первичной кооперативной сети к стадии образования кооперативных союзов» [Пьянков, 2012, с. 132].

Участие кооперативных организаций Нижнего Тагила в благотворительной деятельности в годы Первой мировой войны получило освещение в работах Н. Н. Кайдышевой [Кайдышева, 2016; Кайдышева, 2022]. Автор пишет о том, что Первая мировая война способствовала все большему вовлечению кооперативных учреждений в благотворительную деятельность, что особенно было заметно в сельской местности и заводских поселениях, где именно кооперативы нередко становились центрами благотворительной помощи [Кайдышева, 2016, с. 249]. Отсутствие значительных средств заставляло их подходить к делу оказания помощи со всей ответственностью, что делало ее более эффективной. Кроме того, в заводах и сельских поселениях кооперативные объединения «продолжали играть роль главного спонсора развития культуры и просвещения». Общественная активность кооперативов способствовала превращению их в каналы вовлечения заводского и сельского населения в сферу филантропии [Кайдышева, 2022, с. 20].

Анализ работ уральских исследователей позволяет говорить о том, что в уральской историографии изучению в той или иной степени подверглись

все виды кооперативных учреждений дореволюционного Урала. Деятельность кооперативов Пермской губернии изучалась главным образом на материалах уральских городов, что не позволяет выявить специфику развития кооперации в заводских поселениях, занимавших важное место в экономике уральского края.

2. Материалы и методика исследования

Источниками для настоящего исследования послужили делопроизводственная документация Верхотурского и Пермского губернского земств и кооперативных организаций, частично отложившаяся в фондах Государственного архива Пермского края (ГАПК), статистические материалы и уральская периодическая печать. Основным подходом, применение которого нашло отражение в данном исследовании, является регионально-ориентированная теория модернизации, помогающая выявлению специфических особенностей становления и развития кооперации в заводской среде. Работа основана на принципах критической интерпретации и систематизации сведений исторических источников. Применение историко-сравнительного метода позволяет сравнить развитие местной кооперации и кооперативного движения в других поселениях Среднего Урала, прежде всего городских. Метод классификации использован для определения типов кооперативов как общественных организаций.

3. Анализ

Кооперативные организации в дореволюционной России были представлены сельскохозяйственными и потребительскими обществами, ссудо-сберегательными и кредитными товариществами. Начало кооперативному движению было положено во второй половине XIX в. созданием первых потребительских кооперативов. Пионером в развитии потребительской кооперации стала Пермская губерния: в 1864 г. здесь появилось Кыновское потребительское общество. На Урале, как и в целом в России, наиболее бурное развитие кооперативное движение получило в последней трети XIX – начале XX в. Примером тому служит и история развития кооперации в Нижнетагильском заводе. Зарождение в заводе кооперативного движения было ознаменовано открытием в 1871 г. Первого ссудо-сберегательного товарищества [Панин, 1919, с. 2]. В 1878 г. при участии Демидовых появляется и потребительское общество [Нижнетагильские и Луньевские заводы ... , 1896, с. 107]. А до начала XX в. в заводе появилось еще два кооперативных объединения: Второе ссудо-сберегательное товарищество (1875 г.) [Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1900 год, с. 98] и Второе общество потребителей служащих Пермской железной дороги (1890 г.). Пять кооперативных организаций было создано в начале XX в.: в 1905 г. – Товарищество по улучшению породы крупного рогатого скота, в 1907 г. – Кредитное товарищество, в 1909 г. – Сельскохозяйственное общество, в 1911 г. – Отдел Российского общества коннозаводства и в

1913 г. – Общество взаимного кредита [Устав Второго общества потребителей в Нижнетагильском заводе, 1890; Пермская земская неделя, 1908, № 17, с. 35; Пермская земская неделя, 1911, № 23, с. 35; ГАПК, ф. 111, оп. 2, д. 1335, л. 80, об.; Зауральский край, 1913, № 27, с. 3].

Таким образом, к началу Первой мировой войны в заводском поселке существовали все типы кооперативных организаций, действовавших в России. Обстоятельства появления, численный и социальный состав, участие в жизни заводского поселка этих экономических организаций были различны.

Пожалуй, ключевая роль в развитии в Нижнем Тагиле кооперативного движения принадлежала земству. В 1900 г. при Пермской губернской управе был учрежден фонд ссудо-сберегательных товариществ, из средств которого выдавались субсидии в размере 3 тыс. рублей на одно товарищество сроком на 10 лет под 3 % годовых [Журналы Верхотурского уездного земского собрания ... , 1901, с. 865–866]. Их цели не выходили за пределы самих организаций и заключались в оказании содействия своим членам. Второе ссудо-сберегательное товарищество занималось выдачей ссуд, первое – еще и принимало деньги на вклады. Более широкие возможности, по-видимому, обеспечили ему большее число членов. Численность членов первого ссудо-сберегательного товарищества колебалась в районе 100 человек, второго – не превышала 50. Основную долю членов этих кооперативных объединений составляли рабочие и служащие [ГАПК, ф. 111, оп. 2, д. 3439, л. 2–6, об.; ГАПК, ф. 111, оп. 2, д. 3820, л. 10, об.; Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии» ... , 1910, с. 34].

Потребительские общества в заводских поселениях, как правило, создавались владельцами, служащими заводов или управляющими заводскими округами. В Нижнем Тагиле ссуда «для первого обзаведения и устройства» потребительского общества была выделена Демидовыми [Нижнетагильские и Луньевские заводы ... , 1896, с. 107]. Первое Нижнетагильское потребительское общество включало в свой состав в основном заводских мастеровых. Просуществовав в заводском поселке 19 лет, оно завершило свою деятельность в 1890 г. «вследствие убытков» [Красноперов, 1894, с. 89].

Второе Нижнетагильское общество потребителей было создано по инициативе служащих Пермской железной дороги. В члены общества принимали всех желающих жителей Нижнетагильского округа. Каждый вступающий в ряды его членов обязан был внести плату в размере двух рублей и пай в 15 рублей. Целью потребительских обществ являлось предоставление возможности своим членам приобретать товары более высокого качества по сниженным ценам, а также способствовать сбережению денежных средств из дивидендов, выплачиваемых обществом [Устав Второго общества потребителей в Нижнетагильском заводе, 1890, с. 3]. На 1907 г. общество держало в Нижнем Тагиле три лавки, в которых торговали хлебным, бакалейным и

мануфактурным товаром, и несколько складских помещений, еще три магазина были открыты им в близлежащих заводах [ГАПК, ф. 111, оп. 2, д. 1335, л. 82, об.; Пермская земская неделя, 1909, № 19, с. 29]. Хотя в состав организации входили все слои населения Нижнетагильского заводского поселка: крестьянство, купечество, интеллигенция, духовенство и др., – однако основная масса его членов была представлена рабочими заводов и ремесленниками [Второе Нижнетагильское общество потребителей. Годовой отчет за 1915–1916 г., с. 2]. В состав правления главным образом входили служащие и интеллигенция, часть из которых трудилась в общественной организации на добровольных началах [ГАПК, ф. 111, оп. 2, д. 2634, л. 12]. Деятельность общества была весьма успешной: ежегодно увеличивались суммы денежного оборота, росли численный состав и количество торговых точек. В 1911 г. обществом в заводе был открыт еще один магазин, а к 1913 г. его годового оборот составил около 1 млн рублей [Уральский кооператор, 1912, № 5, с. 21; Уральский кооператор, 1913, № 8, с. 18]. Число членов организации к 1917 г. достигло 1152 человек [Подсчитано по: Второе Нижнетагильское общество потребителей. Годовой отчет за 1915–1916 г., с. 2]. Заметной вехой в развитии кооперации Нижнетагильского завода стал 1912 г. Он был отмечен не только объединением местных кооперативных учреждений, но и значительным прогрессом в развитии собственно кооперативного начала: общество вступило в ряды членов Московского союза потребительских обществ, приобрело акции Московского народного банка, примкнуло к организации Бюро кооперативов Урала и впервые за все время существования стало активным потребителем кооперативной литературы. В этом же году потребительское общество учредило ссудо-сберегательную кассу для своих членов [Уральский кооператор, 1913, № 1, с. 15]. В годы Первой мировой войны эта тенденция получила дальнейшее развитие: обществом была создана собственная кооперативная библиотека-читальня [Уральская жизнь, 1916, № 282, с. 3].

Из всех экономических организаций Нижнего Тагила только Второе потребительское общество участвовало в общественной жизни завода. Оно внесло вклад в развитие образования и благотворения. В числе ежегодных статей расходов этой организации значились пособия Обществу вспомоществования нуждающимся учащимся Нижнетагильских заводских училищ, голодающим (суммы перечислялись в Екатеринбургский уездный благотворительный комитет), нескольким образовательным фондам Пермской губернии. Из бюджета организации на постоянной основе выделялись суммы в фонд пособий на образование детей лиц, служащих в обществе и недостаточных членов общества, переименованного после смерти Николая Ивановича Кларка в его честь. Н. И. Кларк 14 лет прослужил членом правления потребительского общества и шесть лет подряд избирался его председателем [ГАПК, ф. 111, оп. 2, д. 2634, л. 12; Краткий отчет Правления 2-го Ниж-

нетагильского Общества потребителей за 1911–1912 г., с. 21, 24, 25; Уральский кооператор, 1913, № 1, с. 15]. Сочетанием просветительских и благотворительных начал было отмечено участие Второго потребительского общества в общественной жизни заводского поселка в годы Первой мировой войны. Летом 1915 г. потребительский кооператив для детей членов общества устроил бесплатную летнюю площадку с играми, спектаклями, декламацией стихов, а в рождественские праздники – бесплатную елку с постановкой детской пьесы, играми и музыкой для всех заводских детей. Проводилось она в течение двух дней, на что было потрачено 1 тыс. 600 рублей. Большинство из 4 тыс. детей, посетивших елку, были из семей рабочих [Уральская жизнь, 1916, № 33–34, с. 37]. Правда, не все кооператоры придерживались высокой гражданской позиции и готовы были на безвозмездную помощь. «Пустой тратой общественных денег» были названы эти мероприятия со стороны некоторых членов общества [Уральский кооператор, 1916, № 35–37, с. 37, 46]. Благотворительные практики членов потребительского общества постоянно ширились. В 1916 г. общество ассигновало средства на местный Народный дом, на помощь беженцам и нужды армии [Уральская жизнь, 1916, № 282, с. 3]. Как показывают приведенные факты, участие в деле просвещения и благотворения общества потребителей заметно выделяло это общественное объединение на фоне других экономических организаций завода. Его активное участие в общественной жизни заводского поселка в большей степени было обусловлено присутствием среди его членов значительной доли наиболее прогрессивно мыслящих представителей интеллигенции и служащих завода.

Развитие сельскохозяйственной кооперации в Нижнем Тагиле в значительной степени являлось заслугой местных земских организаций. По инициативе земства здесь было организовано Товарищество по улучшению породы крупного рогатого скота. В начале XX в. в Нижнем Тагиле на 5 тыс. 279 домохозяйств приходилось 5,5 тыс. голов крупного рогатого скота, а нижнетагильская молочная порода, созданию которой когда-то способствовали заводчики Демидовы, долгое время славилась далеко за пределами поселка, сюда приезжали покупатели из разных городов Урала и Восточной Сибири. Однако вывоз молочного скота большими партиями привел к значительному снижению качества местной породы, основу которой составляли голландские коровы [Выставка крупного рогатого скота в Нижнетагильском заводе Верхотурского уезда, 1906. с. 1–3, 8–9]. В 1905 г. губернское земство, ставившее цель сохранения породистого молочного скота, выделило на создание товарищества ссуду в размере 510 рублей и приобрело несколько голов голландской породы из лучших стад в известных крупных поместьях Московской и Смоленской губерний [Пермская земская неделя, 1907, № 2, с. 43]. Деятельность товарищества, созданного с легкой руки земства и всячески им поддерживаемая, постепенно начала давать первые ре-

зультаты: к 1909 г. в Нижнем Тагиле имелось 11 голов чистокровного голландского скота [Приложение к журналам Верхотурского уездного Земского собрания 40-й очередной сессии 1909 года, с. 215–216].

Иначе обстояло дело с учреждением в Нижнетагильском заводе сельскохозяйственного общества. Идею о его создании выдвинули местные жители во время первой сельскохозяйственной выставки 1904 г. В том же году в губернскую администрацию от группы жителей поступило ходатайство и проект устава новой экономической организации, который губернские власти, однако, не спешили утверждать, мотивируя отказ его некоторыми техническими недочетами. Экономический кризис начала XX в., приведший к росту безработицы и снижению уровня жизни части заводского населения, снова сделал актуальной мысль о создании в заводе сельскохозяйственного общества. Повторно проект его устава заводчанами был подан в 1908 г., но и тогда он не был одобрен уже «ввиду политической неблагонадежности» отдельных учредителей будущей общественной организации. Только в середине 1909 г. устав сельскохозяйственного общества получил утверждение. При этом свою деятельность общество фактически стало осуществлять с 1910 г., опять же при финансовой поддержке со стороны губернской власти. Губернское земство выделило ссуду в размере 500 рублей на 9 мес. под 5,5 % годовых, пермское управление земледелия и землеустройства в 1910 г. выслало для пользования обществом бесплатно несколько единиц сельскохозяйственной техники. В 1910 г. ссуда губернского земства составила уже 1 тыс. 500 рублей [Пермская земская неделя, 1911, № 23, с. 35]. Сельскохозяйственное общество ссужало местное сельское население семенами овса, пшеницы, ячменя, для распространения знаний о возможностях сельскохозяйственного оборудования обществом был организован показ сельскохозяйственной техники, находящейся на Нижнетагильском земском складе, а в 1910 г. открыто опытно-показательное поле на 3 десятины «для демонстрации сельскохозяйственных орудий и посевов разных семян» [Там же]. Эта деятельность также осуществлялась на пособия со стороны губернского земства и управления земледелия и землеустройства, общая сумма которых в 1911 г. составила 325 рублей.

Примером проявления активности со стороны жителей завода, занимавшихся сельским хозяйством, стало решение съезда сельских хозяев в июне 1911 г. В газете «Пермская земская неделя» сообщалось, что съезд постановил просить земство об организации сельскохозяйственных курсов, выставки крупного рогатого скота, а также об улучшении пчеловодства и созыве в Нижнем Тагиле съезда пчеловодов [Пермская земская неделя, 1911, № 29, с. 22]. Сохранение интереса жителей завода к разведению пчел способствовало тому, что в сельскохозяйственном обществе было решено проводить лекции по пчеловодству и устройству пасек, а в 1913 г. – организовать пасеку на артельных началах, в число артельщиков сразу записалось 20 человек [Пермские губернские ведомости, 1913, № 92, с. 3].

Продолжением деятельности по развитию животноводства в заводском поселке в 1911 г. стала инициатива местных жителей по учреждению Отдела Российского общества коннозаводства. Общество организовало питомник породистых коз в несколько голов, потомство от которых должно было предоставляться в качестве ссуды членам общества с возвратом первого приплода [Зауральский край, 1913, № 37, с. 3]. Для развития своей деятельности общество содержало торговое заведение [ГАПК, ф. 111, оп. 2, д. 1335, л. 80, об.]. Как показывают приведенные данные, стремление к самоорганизации и сотрудничеству с земскими организациями становится характерной чертой экономической жизни Нижнетагильского завода.

Одной из самых крупных экономических организаций Нижнего Тагила стало кредитное товарищество, основанное в 1907 г. представителями кустарных производств. Причиной к объединению выступило стремление мелких производителей противостоять крупным торговцам, скупавшим изделия ремесленников по низким ценам. Кредитное товарищество выдавало займы и принимало деньги на вклад, что позволяло поддерживать местных кустарей. По замечанию И. А. Панина, такого рода кредитное товарищество, возникавшее как объединение кустарей, «было поставлено в роль предпринимателя-скупщика» [Панин, 1919. с. 58]. Появление данного формата кредитной организации в заводе не противоречило существующей тенденции в развитии кредитной кооперации в Пермской губернии, где более 17 % кредитных организаций создавались именно кустарями, что во многом было обусловлено неудачами начинавших свою деятельность трудовых артелей на Урале [Там же]. Число членов местной кредитной организации быстро росло. По прошествии года с начала деятельности в состав товарищества входило 106 человек, а в следующем году членов организации насчитывалось уже 256 человек [Пермская земская неделя, 1908, № 17, с. 35; Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии» ... , 1910, с. 32]. Ее успеху способствовали ориентации на объединение усилий отдельных кооперативных объединений. В 1913 г. в Нижнем Тагиле состоялось собрание представителей местных кооперативов: кредитного и двух ссудо-сберегательных товариществ, сельскохозяйственного товарищества и Второго общества потребителей. Собрание представителей кооперативов решило совместно развивать кооперативную деятельность: построить или приобрести общее здание, объединить капиталы ссудо-сберегательных обществ с капиталом кредитного товарищества, членам потребительского общества вступить в ряды кредитного товарищества и др. В результате уже в 1913 г. численность кредитной организации превысила 1 тыс. 300 человек [Подсчитано по: ГАПК, ф. 111, оп. 2, д. 4089, л. 5–39]. Основная масса ее членов была представлена ремесленниками и крестьянами Нижнего Тагила и других близлежащих населенных пунктов, в состав организации входили также жители Верхотурья и Екатеринбурга [Там же]. С вступлением в его

ряды членов одного из крупнейших кооперативов заводского поселка расширился социальный состав кредитного товарищества, пополнившись служачими, купечеством и интеллигенцией.

Значительный рост числа торгово-промышленных предприятий обусловил создание в Нижнем Тагиле в январе 1913 г. еще одной кредитной организации – Общества взаимного кредита. Все избранные в Совет Общества являлись представителями предпринимательского класса, купечество и торговцы преобладали и среди рядовых членов нового экономического общества. Общественная организация по примеру других кооперативных учреждений завода имела устав и членство [Зауральский край, 1913, № 27, с. 3]. Инициаторами ее открытия стали купец Арсений Осипович Лошкарев и частный поверенный Хлебин. К 1 января 1917 г. в обществе состояло 354 человека [Отчет Нижнетагильского Общества взаимного кредита за 1917 год, с. 27].

Курс на объединение, взятый кооперативами Нижнетагильского завода, был продолжен в годы Первой мировой войны. В 1915 г. кредитная организация, созданная нижнетагильскими торговцами, включила в свой состав и кредитное товарищество местных кустарей, и членов потребительского общества, превысив численностью 3 тыс. человек [Подсчитано по: Список членов Нижнетагильского Общества взаимного кредита на 21 января 1916 г., с. 1–12]. Объяснялось это экономическим кризисом, вызванным войной, в условиях которого все слои заводского населения, а главным образом – купечество, были озабочены стремлением как-то нивелировать его последствия. Эти факты также позволяют согласиться с выводами С. А. Пьянкова о том, что действий земств по решению проблем экономического характера оказывалось недостаточно. Следовательно, обществу приходилось самому прилагать усилия для преодоления экономических трудностей, что, в свою очередь, способствовало сплочению заводского населения вокруг экономических организаций.

4. Заключение

Итак, развитие кооперативного движения в Нижнем Тагиле в дореволюционный период в основном пришлось на последнюю треть XIX – начало XX в., вплоть до Первой мировой войны в заводском поселке шел процесс создания новых кооперативных объединений. Главными организаторами в нем выступили Верхотурское уездное и Пермское губернское земства, при финансовой и организационной помощи которых появилась значительная доля местных кооперативов. Земство заложило основы самоорганизации среди кооператоров Нижнего Тагила. Проявление инициативы со стороны местного населения явилось характерной чертой кооперативного движения Нижнетагильского завода в начале XX в. обстоятельством, повлиявшим на развитие кооперации, стал спад экономики начала XX в. Наибольшая активность в деле продолжения кооперативных начал в это время принадлежала местному предпринимательству. Вступление России в Первую мировую

войну, приведшее к ухудшению материального положения значительной части населения завода, усилило данную тенденцию, ставшую особенностью развития кооперации Нижнетагильского завода. Указанные причины породили еще одно явление в жизни кооперативов Нижнего Тагила – стремление к объединению их усилий по всем направлениям. Среди кооперативов заводского поселка преобладали средние (свыше 50 человек) и крупные организации (свыше 100 человек). Их основу составляли мастеровые и крестьянское население, а цели, как правило, были ограничены экономическими вопросами. Анализ развития кооперативного движения в Нижнетагильском заводе показал, что здесь не настолько сильно, как в уральских городах, но все же был запущен процесс профессионализации отдельных категорий занятого населения (служащих, рабочих, занимавшихся сельским хозяйством).

Список литературы

Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, О. Н. Богатырева [и др.]; отв. ред. И. В. Побережников. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2016. – 316 с. – Текст : непосредственный.

Бобылев, Д. М. Мелкий народный кредит в Пермской губернии / Д. М. Бобылев. – Пермь : Электротипография Губернского земства, 1907. – 65 с. – Текст : непосредственный.

Богатырева, О. Н. Аграрный аспект деятельности земских учреждений Пермской губернии в конце XIX–XX вв. / О. Н. Богатырева, Н. Н. Попов. – Текст : непосредственный // Первые Татищевские чтения : тезисы докладов и сообщений : тезисы докладов и сообщений (Екатеринбург, 14–15 ноября 1997 г.). – Екатеринбург : Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский государственный университет им. А. М. Горького, 1997. – С. 56–58.

Габриель, Н. Л. Потребительская кооперация в Пермской губернии (вторая половина XIX в. – 1917 г.) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Габриель Наталья Леонидовна ; Удмуртский государственный университет. – Ижевск, 2010. – 25 с. – Текст : непосредственный.

Державин, В. А. Революционная деятельность большевиков Урала в кооперативах трудящихся (1910–1914 гг.) / В. А. Державин. – Текст : непосредственный // Борьба большевиков Урала за массы в 1905–1917 годах. – Челябинск : Изд-во Челябинского государственного педагогического института, 1986. – С. 52–62.

Казакова-Апкаримова, Е. Ю. Общественные организации как фактор социально-экономической жизни уральского города во второй половине

XIX – начале XX века / Е. Ю. Казакова-Апкаримова. – Текст : непосредственный // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2010. – № 2 (28). – С. 151–156.

Казакова-Апкаримова, Е. Ю. Формирование сферы гражданской деятельности в уральском городе во второй половине XIX – начале XX в. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Казакова-Апкаримова Елена Юрьевна ; Институт истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург, 2011. – 66 с. – Текст : непосредственный.

Кайдышева, Н. Н. Благотворительная деятельность в Пермской губернии в годы Первой мировой войны: 1914 – февраль 1917 гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Кайдышева Наталья Николаевна ; Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург, 2016. – 325 с. – Текст : непосредственный.

Кайдышева, Н. Н. Участие кооперативов Пермской губернии в благотворительном движении в начале XX века (до февраля 1917 г.). / Н. Н. Кайдышева. – Текст : непосредственный // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – № 5, Ч. 2. – С. 16–21.

Мавричев, В. В. Обзор деятельности кредитных товариществ Екатеринбургского уезда, Пермской губернии в 1909 году / В. В. Мавричев. – Екатеринбург : Касса мелкого кредита Екатеринбург. уезд. земства, 1910. – 59 с. – Текст : непосредственный.

Материалы по кооперации в Пермской губернии : анкетное обследование : 1913 год / Екатеринбургский биржевой комитет. – Екатеринбург : типография Товарищества «Уральский край», 1913. – 198 с. – Текст : непосредственный.

Мингалев, В. Д. Становление и развитие сельскохозяйственной кооперации на Среднем Урале : специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Мингалев Владимир Дмитриевич ; Уральский государственный экономический университет. – Екатеринбург, 1996. – 18 с. – Текст : непосредственный.

Ольховая, Л. В. Из истории кооперативного движения на Урале в 1905–1914 годах / Л. В. Ольховая. – Текст : непосредственный // Пермский университет им. А. М. Горького. Ученые записки. Т. 158 : Вопросы истории Урала. Материалы 2-й науч. сессии вузов Уральской зоны в г. Перми. 20–22 апреля 1965 г. – Пермь : [б. и.], 1966. – С. 251–257.

Панин, И. А. Кооперативное союзное строительство в Пермском крае / И. А. Панин ; Совет Екатеринбург. окруж. кооператив. съездов. – Екатеринбург : [б. и.], 1919. – 59 с. – Текст : непосредственный.

Попов, Г. С. Первое в России (к 100-летию Кыновского потребительского общества) / Г. С. Попов. – Пермь : Пермское книжное издательство, 1963. – 80 с. – Текст : непосредственный.

Профессиональные группы и общества как акторы российской позднимперской модернизации (на материалах Урала второй половины XIX – начала XX в.) // Институт истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2016. – 148 с. – Текст : непосредственный.

Пьянков, С. А. Потребительская кооперация Пермской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. / С. А. Пьянков. – Текст : непосредственный // Девяты́е Татищевские чтения : материалы всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 19–20 апреля 2012 г.) ; отв. ред. В. А. Шкерин. – Екатеринбург : Издательство УМЦ УПИ, 2012. – С. 129–133.

Пьянков, С. А. Создание и функционирование сельских учреждений мелкого кредита на Урале в конце XIX – начале XX века / С. А. Пьянков. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. Серия : История : научный журнал. – 2015. – Вып. 66, № 24 (379) – С. 38–49.

Шмаков, О. Н. Кооперативное движение на Среднем Урале в конце XIX – начале XX века : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Шмаков Олег Николаевич ; Московский педагогический государственный университет им. В. И. Ленина. – Москва, 1995. – 229 с. — Текст : непосредственный.

Источники

Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1900 год. Издание Пермского губернского статистического комитета ; под ред. секретаря к-та Р. Попова. – Пермь : Типография С. П. Басовой, 1900. – 352 с.

Второе Нижнетагильское общество потребителей. Годовой отчет за 1915–1916 г. – Нижний Тагил : Типография Е. Е. Широкова, 1916. – 15 с.

Выставка крупного рогатого скота в Нижнетагильском заводе Верхотурского уезда. – Пермь : Типография Губернской земской управы, 1906. – 78 с.

ГАПК – Государственный архив Пермского края. Ф. 111. Оп. 2. Д. 1335.

ГАПК – Государственный архив Пермского края. Ф. 111. Оп. 2. Д. 2634.

ГАПК – Государственный архив Пермского края. Ф. 111. Оп. 2. Д. 3439.

ГАПК – Государственный архив Пермского края. Ф. 111. Оп. 2. Д. 3820.

ГАПК – Государственный архив Пермского края. Ф. 111. Оп. 2. Д. 4089.

Журналы Верхотурского уездного земского собрания XXXI очередной и XVII чрезвычайной сессий 1900 года с докладами Управы, представленными на рассмотрение этих собраний. – Верхотурье : Типография А. Я. Селиванова, 1901. – 1021 с.

Зауральский край. – 1913. – № 24.

Зауральский край. – 1913. – № 27.

Зауральский край. – 1913. – № 37.

Красноперов, Е. Работы статистического бюро, учрежденного при Пермской губернской земской управе. Статистические материалы к вопросу об организации в среде крестьян и заводских мастеровых Пермской губернии кредита, продовольствия и общественного призрения / Е. Красноперов. – Пермь : [б. и.], 1894. – 103 с.

Краткий отчет Правления 2-го Нижнетагильского Общества потребителей за 1911–1912 год (Двадцать второй год существования общества). – Нижний Тагил : Типография В. Г. Лебедихина, 1912.

Нижнетагильские и Луньевские заводы наследников П. П. Демидова князя Сан-Донато, находящиеся в Пермской губернии, в Верхотурском, Соликамском и Пермском уездах. – Пермь : Типолитография Губернского правления, 1896. – 118 с.

Отчет Нижнетагильского Общества взаимного кредита за 1917 год (Пятый операционный год Общества). – Нижний Тагил : Электротипография В. Г. Лебедихина, 1918.

Пермская земская неделя. – 1907. – № 2.

Пермская земская неделя. – 1908. – № 17.

Пермская земская неделя. – 1909. – № 19.

Пермская земская неделя. – 1911. – № 23.

Пермская земская неделя. – 1911. – № 29

Пермские губернские ведомости. – 1913. – № 92.

Приложения к журналам Верхотурского уездного Земского собрания 40-й очередной сессии 1909 года. – Т. IV : По медицинской и ветеринарной части, по общественному призрению, содействию сельскому хозяйству и об учреждении земской кассы мелкого кредита. – Ирбит : типография И. А. Лопаткова. 1910. – 262 с.

Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губ.», изд. в 1908–9 гг. и др. краткие статистические сведения о Пермской губернии ; вст. ст. А. Колотилова. – Пермь: Электротипография губернского земства, 1910. – 82 с.

Список членов Нижнетагильского Общества взаимного кредита на 21 января 1916 г. – Нижний Тагил : Типография Е. Е. Широкова. – 1916. – 12 с.

Уральская жизнь. – 1916. – № 33–34.

Уральская жизнь. – 1916. – № 282.

Уральский кооператор. – 1912. – № 5.

Уральский кооператор. – 1913. – № 1.

Уральский кооператор. – 1913. – № 8.

Уральский кооператор. – 1916. – № 35–37.

Устав Второго общества потребителей В Нижнетагильском заводе (Верхотурского уезда, Пермской губернии). – Пермь : Типолиитография Губернского правления, 1890. – 14 с.

Получена: 11.09.2023

Принята: 15.10.2023

DEVELOPMENT OF COOPERATION IN NIZHNY TAGIL IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD: THE LAST THIRD OF THE XIX - BEGINNING OF THE XX CENTURIES

N. N. Kaidysheva

Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Institute
(branch) of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
kainatalya@yandex.ru

Abstract. The article highlights the activities of the cooperative organizations of the Nizhny Tagil plant in the last third of the 19th – early 20th centuries (before the revolutionary events of 1917). During the period under review, Nizhny Tagil is the largest factory settlement in the Perm province, actively involved in the modernization of Russian society. The article shows the role of zemstvo organizations in the emergence of cooperation in the Nizhny Tagil plant, which in every possible way encouraged various forms of economic cooperation. The author comes to the conclusion about the cooperation of the local community and power structures in the field of meeting the economic needs of the inhabitants of the plant and developing agriculture in the factory village. Cooperative organizations, acting mainly as mutual aid societies, saw their goal in improving the welfare of the factory population, however, the tasks of a significant number of participants in the cooperative movement, even in conditions of economic crises, gradually shifted from exclusively private property interests to the plane of public needs. The development of cooperation, like no other area, has become a field of intersection of the interests of the authorities and society, which has a positive effect on solving a wide range of social problems and spreading the practices of civic activity.

Key words: consumer societies, agricultural societies, credit partnerships, savings and loan partnerships, factory settlement, public initiatives, activities of zemstvos, the Middle Urals.

References

Aktory rossiiskoi imperskoi modernizatsii (XVIII – nachalo XX v.): regional'noe izmerenie [Actors of Russian imperial modernization (18th – early 20th century): regional dimension] (2016). Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii.

Bobylev, D. M. (1907). *Melkij narodnyj kredit v Permskoj gubernii* [Small public credit in the Perm province]. Perm: Elektrotipografiia Gubernskogo zemstva.

Bogatyreva, O. N. & Popov, N. N. (1997). *Agrarnyi aspekt deiatel'nosti zemskikh uchrezhdenii Permskoi gubernii v kontse XIX–XX vv.* [The agrarian aspect of the activity of zemstvo institutions of the Perm province at the end of the 19th–20th centuries]. In *Pervye Tatishchevskie chteniya* (pp. 56–58). Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi universitet im. A. M. Gor'kogo.

Gabriel, N. L. (2010). *Potrebitel'skaja kooperacija v Permskoj gubernii (vtoraja polovina XIX v. – 1917 g.)* [Consumer cooperation in the Perm province (second half of the 19th century – 1917)]. [Abstract of candidate's thesis, Udmurt State University].

Derzhavin, V. A. (1986). *Revolutsionnaia deiatel'nost' bol'shevikov Urala v kooperativakh trudiashchikhsia (1910–1914 gg.)* [Revolutionary activity of the Bolsheviks of the Urals in workers' cooperatives (1910–1914)]. In *Bor'ba bol'shevikov Urala za massy v 1905–1917 godakh* (pp. 52–62). Cheliabinsk: Izdatel'stvo Cheliabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta.

Kazakova-Apkarimova, E. Yu. (2010). *Obshchestvennye organizatsii kak faktor sotsial'no-ekonomicheskoi zhizni ural'skogo goroda vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka* [Public organizations as a factor in the socio-economic life of the Ural city in the second half of the 19th – early 20th century]. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2 (28), 151–156.

Kazakova-Apkarimova, E. Yu. (2011). *Formirovanie sfery grazhdanskoj deyatel'nosti v ural'skom gorode vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Formation of the sphere of civil activity in the Ural city in the second half of the XIX – early XX century]. [Abstract of doctoral dissertation, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences].

Kaidysheva, N. N. (2016). *Blagotvoritel'naja dejatel'nost' v Permskoj gubernii v gody Pervoj mirovoj vojny: 1914 – fevral' 1917 gg.* [Charitable activities in the Perm province during the First World War: 1914 – February 1917]. [Abstract of candidate's thesis, Ural Federal University].

Kaidysheva, N. N. (2022). *Uchastie kooperativov Permskoi gubernii v blagotvoritel'nom dvizhenii v nachale XX veka (do fevralia 1917 g.)* [Participation of the cooperatives of the Perm province in the charitable movement at the beginning of the 20th century (until February 1917)]. *Sovremennaiia nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 5, 16–21.

Mavrichev, V. V. (1910). *Obzor deiatel'nosti kreditykh tovarishchestv Ekaterinburgskogo uезда, Permskoi gubernii v 1909 godu* [Review of the activities of credit partnerships of the Yekaterinburg district, Perm province in 1909]. Ekaterinburg: Kassa melkogo kredita Ekaterinburg. uезд. zemstva.

Materialy po kooperatsii v Permskoj gubernii: anketnoe obsledovanie: 1913 god [Materials on cooperation in the Perm province: questionnaire survey: 1913] (1913). Ekaterinburg: Tipografiia Tovarišchestva Ural'skii krai.

Mingalev, V. D. (1996). *Stanovlenie i razvitie sel'skokhoziaistvennoi kooperatsii na Srednem Urале* [Formation and development of agricultural cooperation in the Middle Urals]. [Abstract of candidate's thesis, Ural State University of Economic].

Olkhovaia, L. V. (1966). *Iz istorii kooperativnogo dvizheniia na Urале v 1905–1914 godakh* [From the history of the cooperative movement in the Urals in 1905–1914]. Permskii universitet im. A. M. Gor'kogo. Uchenye zapiski, 158, 251–257.

Panin, I. A. (1919). *Kooperativnoe soiuзное stroitel'stvo v Permskom krae* [Cooperative union construction in the Perm region]. Ekaterinburg.

Popov, G. S. (1963). *Pervoe v Rossii* [The first in Russia]. – Perm: Permskoe knizhnoe izdatel'stvo.

Professionalnye grupy i obshchestva kak aktory rossiiskoi pozdneimperiiskoi modernizatsii (na materialakh Urала vtoroi poloviny XIX – nachalo XX v.) [Professional groups and societies as actors of Russia's late imperial modernization (on the materials of the Urals in the second half of the 19th – early 20th centuries)] (2016). Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii.

Pyankov, S. A. (2012). *Potrebitel'skaia kooperatsiia Permskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.* [Consumer cooperation of the Perm province in the second half of the 19th – early 20th centuries]. In V. A. Shkerin (Ed.), *Devyatye Tatishchevskie chteniya* (pp. 129–133). Ekaterinburg: Izdatel'stvo UMTs UPI.

Pyankov, S. A. (2015). *Sozdanie i funktsionirovanie sel'skikh uchrezhdenii melkogo kredita na Urале v kontse XIX – nachale XX veka* [Creation and functioning of rural institutions of small credit in the Urals in the late 19th – early 20th century]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriia*, 24 (379), 38–49.

Shmakov, O. N. (1995). *Kooperativnoe dvizhenie na Srednem Urале v kontse XIX – nachale XX veka* [Cooperative movement in the Middle Urals in the late XIX – early XX century]. [Abstract of candidate's thesis, Moscow Pedagogical State University].

Submitted: 11.09.2023

Accepted: 15.10.2023

УДК 323.282(091) : 070(470.51/54)

ПОЛИТИКА РЕАБИЛИТАЦИИ И МЕСТА ПАМЯТИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В. М. Кириллов

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
history_vmk@mail.ru

Д. В. Лущиков

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
dmitry.luschikov@yandex.ru

Аннотация. В качестве предмета исследования в статье избрана проблема увековечения памяти жертв политических репрессий в России. Актуальность и новизна исследования заключаются в комплексном рассмотрении реабилитационного процесса, включающего в себя проблему увековечения памяти жертв политических репрессий через создание «мест памяти» в Свердловской области. В качестве основных исторических источников избраны нормативно-правовые акты по вопросам реабилитации, делопроизводственные документы государственных и общественных организаций, материалы периодической печати, в том числе электронные ресурсы.

Теоретической основой работы стал синтез институционального и нормативно-ценностного подходов. Кроме того, были использованы теоретические разработки французского историка П. Нора применительно к проблемам исторической памяти и «местам памяти».

Проведенное исследование показало, что в пределах Свердловской области с конца 1980-х гг. по настоящее время проделана значительная работа по созданию «мест памяти» с целью увековечения памяти жертв политических репрессий; идет активная научно-исследовательская деятельность; осуществляются общественные проекты; формируются электронные ресурсы и базы данных, сопровождаемые целенаправленной информационной политикой в сфере коммеморации. В этой систематической работе сочетаются усилия органов государственной власти и инициатива общественности.

Ключевые слова: жертвы политических репрессий, реабилитация, коммеморация, «места памяти».

1. Введение

Общественно-политическая актуальность избранной нами темы исследования, заключается в том, что она тесно связана, во-первых, с анализом сущности диктатуры большевиков и последствий ее деятельности для общества, во-вторых, с разработкой основ политики памяти, призванной сформировать объективное представление об истории нашего отечества.

Научная актуальность темы выражается в том, что современная историческая наука сравнительно недавно приступила к изучению истории государственной реабилитационной политики в тесной связи с общественно-политическим движением за увековечение памяти жертв политических репрессий в России.

В отечественной историографии относительно немного научных работ, в которых процесс реабилитации рассматривается в единстве с вопросами увековечения памяти жертв политических репрессий.

В исследовании проблемы мы исходим из следующего положения: реабилитационный процесс включает в себе не только восстановление правового статуса человека, его политических и гражданских прав, материальную компенсацию, но и публичную реабилитацию через средства массовой информации, установление мемориальных знаков, как акт восстановления доброго имени безвинно репрессированных граждан России. Именно на этом основании мы фокусируем внимание в нашей работе на комплексном рассмотрении реабилитационного процесса, включающего в себя проблему увековечения памяти жертв политических репрессий через создание «мест памяти».

2. Материал и методика исследования

Источниковая база исследования представлена нормативно-правовыми актами по вопросам реабилитации, делопроизводственными документами государственных и общественных организаций, материалами периодической печати, в том числе электронных ресурсов.

Теоретической основой нашей работы стал синтез различных подходов к изучению прошлого. Институциональный подход дал возможность определить роль государственных и общественных институтов в формировании политики памяти. Нормативно-ценностный подход позволил рассмотреть политику реабилитации и увековечения памяти жертв политических репрессий в современной России как неотъемлемый элемент гражданского общества. Кроме того, были использованы теоретические разработки французского историка П. Нора применительно к проблемам исторической памяти и «местам памяти» [Realms of Memory, 1996].

3. Анализ

Политические репрессии в России и СССР осуществлялись в разных формах на протяжении всего времени существования советской власти, среди них - красный и белый террор времён гражданской войны; массовая практика лишения избирательных прав в 1920-х гг.; кампания раскулачивания-спецпереселения на рубеже 1920-30-х гг.; массовый террор и бессудные расправы Большого террора 1937-1938 гг.; депортация народов в годы войны; массовая практика спецпоселения, кампании против космополитов, «дело врачей», иные репрессивные акты на рубеже 1940-50-х гг.; вплоть до сер. 1980-х гг. шла борьба с инакомыслием. В целом жертвами репрессий, по объективным оценкам, стали от 12 до 13 млн. человек.

Процесс реабилитации начался с амнистии 1953 г., прошел несколько этапов в своем развитии и продолжается по настоящее время. Длительное время реабилитация являлась неполной, частичной и, по сути, соответствовала понятию амнистия. Только во время «второй оттепели» на рубеже 1980-1990-х гг., особенно после выхода в свет «Закона о реабилитации жертв политических репрессий» 1991 г., начинается действительная реабилитация жертв политических репрессий, сам процесс реабилитации приобретает правовой смысл. Формулу реабилитации данного периода мы можем представить как восстановление социальной и юридической справедливости в отношении жертв репрессий и увековечение их памяти. Это означает, что она включила в себя весь комплекс реабилитационных действий: юридических, политических, социальных. Особое значение приобретает публичная реабилитация: публикуются списки репрессированных, выходят сотни книг памяти.

Опираясь на отчетные доклады соответствующих органов и данные музея ГУЛАГа, мы можем представить общее число реабилитированных за период с 1954 по начало 2015 г. – 6 629 000 чел. (данные получены от сотрудников Музея ГУЛАГа (г. Москва), они отражены в экспозиции Музея). Сопоставив это число с упомянутым выше количеством жертв политических репрессий, приходим к выводу, что останавливать реабилитационный процесс еще слишком рано. Поэтому, заявления Председателя Комиссии по реабилитации при Президенте РФ А. Н. Яковлева, его преемника М. А. Митюкова и органов Генеральной прокуратуры о завершении реабилитационного процесса смущали многих: и общественные организации, и отдельных исследователей, занимающихся изучением тоталитарного прошлого нашей страны.

В государственных институтах, в научной литературе, и в целом в обществе процесс реабилитации воспринимается неоднозначно. Одни по-прежнему считают (и все чаще в последнее время), что реабилитировали «врагов России», «пятую колонну» и сделали это в виде массовой политической кампании, так же как в свое время массово репрессировали. Другие полагают, что процесс реабилитации остановился и далек от завершения, критикуют урезанные социальные льготы репрессированным. Неоднозначно оцениваются этапы реабилитации, критикуется само определение этого термина в отечественной историко-правовой литературе.

В Российской Федерации отсутствует единая государственная программа увековечения памяти репрессированных. Проект такой программы, разработанный в 2011 г. был превращен усилиями чиновников в урезанную Концепцию государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий (она утверждена Правительством РФ 15.08.2015 г.), без определения механизма реализации и условий финансирования [Распоряжение Правительства, 2015]. Конечным сроком реализации программы определен 2024 г.

Мы стали свидетелями подъема новой волны ностальгии по сталинизму. Это проявляется и в законодательной сфере, и в действиях исполнительной власти, и в волеизъявлении граждан. Заявления «общественности» о воссоздании памятников Сталину стали обыденным явлением, социологические опросы подтверждают повышенное позитивное восприятие личности большевистского вождя.

В российском обществе и государстве существуют разные представления о том, что достойно сохранения в исторической памяти народа. Одни делают упор на «великие подвиги народа», особенно в Великой Отечественной войне, верят в мудрость и рационализм Сталина; другие предлагают дать оценку разумности понесенных жертв, подчеркивают, что нужно помнить не только «о великих победах, но и о национальных трагедиях»; третьи пытаются полностью отказаться от какого бы то ни было позитивного советского прошлого.

В обществе продолжается своеобразная гражданская война в области коммеморации, как порождение тотального раскола в ментальности нации, вызванного Великой революцией начала прошлого века, хотя давно уже созрели условия для национального примирения.

Между тем, ключевые постулаты «новой мемориальной культуры» заключаются в том, что от ответственности за преступления сталинизма невозможно избавиться; проработка этой вины не может быть завершена, и ответственность за нее, как «эстафету памяти», придется передать следующим поколениям.

В сложном соотношении понятий «новой мемориальной культуры» («социальная память», «коллективная память», «историческая память», «историческое сознание», «политика памяти», «культурная память», «коммуникативная память», «идентичность») и в процессе определения посттравматической идентичности, по нашему мнению, следует сделать главный акцент на категории «культурная память». Эта категория предполагает формирование новой идентичности путем взаимодействия наиболее рациональных элементов коллективного и индивидуального исторического сознания в рамках государственной политики покаяния.

Работа над памятью происходит каждодневно и в разнообразных формах, она неостановима, поскольку вызвана искренней потребностью людей помнить прошлое ради иного будущего. Государство может создать для этой работы благоприятные условия, а может, наоборот, воздвигнуть многочисленные препятствия ради ложно понятых патриотических целей. Но оно не может прекратить работу над памятью. Обращаясь к проблемам увековечения памяти, остановимся на близком нам российском материале.

Коммеморация является формой публичной реабилитации жертв политических репрессий и осуществляется в нескольких направлениях: публикации списков жертв репрессий, издании Книг памяти, создании музеев, формировании «мест памяти» в виде памятников и мемориальных знаков, в

работе по сохранению документального наследия страны, политике рассекречивания документов, мемориальной политике в СМИ.

Обратим особое внимание на проблему увековечения памяти жертв репрессий. Одним из практических действий в этом направлении является создание «мест памяти».

Понятие «место памяти» введено в научный оборот французским учёным Пьером Нора и означает единство духовного и материального, которое со временем и по воле людей стало символическим элементом наследия национальной памяти общности: памятники культуры и природы, праздники, эмблемы, торжества в честь людей или событий, прощальные, погребальные речи, похвальные слова.

Функционально-символическое значение «мест памяти» - сохранение памяти общности людей. Поскольку они создают преставления социума о самом себе и своей истории, то фактически являются элементами исторического самосознания и коллективной идентичности. По этой причине, трактовка их содержания и значения позволяет проследить динамику перемен коллективной памяти нации.

Как в проекте общенациональной программы, так и в действующей Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий «местам памяти» придается первостепенное значение, как одному из средств построения национальной идентичности. В Концепцию вписана формула новой идентичности: «Россия не может в полной мере стать правовым государством и занять ведущее место в мировом сообществе, не увековечив память десятков миллионов своих граждан, ставших жертвами политических репрессий».

Особое значение в этом отношении имеет осознание трагического опыта России, пережитого страной и ее гражданами после октябрьских событий 1917 г., отмеченного разрывом с традициями, утратой преемственности культурного опыта, разрушением связей поколений» [Место памяти].

В Концепции поставлена задача мемориализации: «формирование и развитие мемориальных мест в местах массовых захоронений жертв политических репрессий, увековечивающих память жертв политических репрессий» [Распоряжение Правительства, 2015].

В связи с определением понятия «места памяти», в государственной программе можно увидеть их перечень: музейно-мемориальные комплексы, иные мемориальные объекты; архивные документы и другие материалы, имеющие отношение к истории репрессий; пособия и учебные программы; музейные экспозиции и выставки; мультимедийная книга памяти и база данных жертв политических репрессий; научные, культурно-просветительские мероприятия; интернет-ресурсы; олимпиады, конкурсы научно-исследовательских работ, форумы, конференции и вебинары по теме увековечения памяти жертв политических репрессий.

В российском обществе идут глубинные процессы, которые свидетельствуют не только о желании использовать традиционные жесткие меры по реформированию государства, но и о поиске демократических альтернатив неизбежно принудительной российской модернизации.

В законодательной сфере продолжается действие Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» 1991 года. Общественная жизнь демонстрирует нам множество инициатив в деле коммеморации: создаются и действуют музеи (в том числе виртуальные), продолжают издаваться Книги памяти (в которых сегодня уже содержится около 3 млн имен жертв репрессий); создаются электронные базы и банки данных; действуют тематические сайты правозащитных и иных общественных организаций; проводятся «экспедиции памяти»; осуществляется социальная поддержка репрессированных; происходят общественные дискуссии, мемориальные акции; проходят тематические конференции (например, в серии «История сталинизма»); действуют научно-исследовательские центры; проводятся публичные конкурсы (например, «Человек в истории. Россия – XX век»); финансируются инициативы, связанные с интерпретацией истории; создан общенациональный памятник жертвам репрессий в Москве («Стена скорби»).

В конце 90-х по инициативе общественности начались работы по установке мемориалов, монументов и памятных знаков в местах памяти, связанных с репрессиями по всей стране, в том числе в Свердловской области. Некоторые памятные знаки сегодня описаны и каталогизированы. Например, правозащитным центром им. А. Сахарова в каталог внесено 1736 мемориальных мест, в пределах бывшего СССР [Полный список памятников], из них всего пять в Свердловской области. Поэтому, мы попытались выявить более полный список «мест памяти» в Екатеринбурге и области.

Политические репрессии в России и СССР хронологически охватывают период с 1917 по сер. 1980-х гг. Память о них включает в себя множество объектов, составляющих сложную систему, отражающую как институциональные, государственные, так и общественные, индивидуальные исторические феномены. Она основывается на широком спектре источников: законодательных и нормативных актах, делопроизводственных документах, судебно-следственной и тюремно-лагерной документации, кинофотофонодокументах, периодической печати, источниках личного происхождения, произведениях литературы и искусства, массовых и статистических источниках.

В соответствии со сложностью анализируемого исторического явления можно, хотя бы частично, представить системные элементы структуры исторической памяти о репрессиях – документы государственных, общественных и личных архивов; картографический материал; здания карательных ведомств, мест заключения и спецпоселения; места массовых расстрелов и захоронений; объекты, построенные с помощью принудительного

труда, отражающие борьбу с религией, принудительным использованием труда ученых; мемориальные места и памятные знаки; материалы научных исследований по истории политических репрессий; материалы периодической печати и СМИ [Кириллов, 2021]; книги памяти и электронные базы данных.

Из вышеприведенного перечня выделим лишь один элемент - мемориальные места и памятные знаки. На наш взгляд, они являются одним из важнейших средств формирования исторической памяти о репрессиях.

По нашим наблюдениям, в Свердловской области, насчитывается сегодня около 70 объектов, посвященных увековечению памяти жертв политических репрессий. Одним из первых знаков такого рода является мемориальная доска, посвященная памяти первого на Урале Героя Советского Союза генерал-майора авиации С. А. Черных, расположенная на здании улицы, переименованной в его честь. Инициатором установки знака был Горисполком г. Нижний Тагил. Летчик был осужден по ложному обвинению в начале Великой Отечественной войны и расстрелян 16.10.1941 г., а реабилитирован 05.08.1958 г. Впоследствии памятная доска была установлена на здании школы № 38, где он учился. Появление этого мемориального места стало проявлением первого этапа реабилитационного процесса (1953-1962 гг.) [Кужильный, Волков, 2016].

С большим разрывом, уже в ходе третьего этапа реабилитации, вероятно по инициативе Нижнетагильского горкома партии, появилась мемориальная доска памяти Ш. С. Окуджавы на доме № 20 по улице К. Маркса в г. Нижний Тагил. Надпись на памятном знаке гласит: «В этом доме с 1934 по 1937 г. жила семья Окуджавы Ш. С. – первого секретаря Нижнетагильского городского комитета ВКП (б), который стал жертвой Большого террора и расстрелян 4 августа 1937 г. Реабилитирован в 1956 г.» [Булат Окуджава и Нижний Тагил].

С началом подлинной правовой реабилитации подобного рода знаки становятся частым явлением. Еще до выхода в свет Закона о реабилитации жертв политических репрессий 1991 г. был открыт 15.09.1990 г. памятник, посвященный памяти немцев-трудармейцев у ограды Рогожинского кладбища в Нижнем Тагиле. Он стал первым памятником репрессированным российским немцам в пределах России, установленным по инициативе общественной организации – общества немецкой культуры «Возрождение» («Wiedegeburgt») [Кириллов, 2017].

По инициативе этого же общества в 1991 г. установлен мемориальный знак на месте массового захоронения спецпереселенцев, репрессированных в 1930-1940-х годах, в Комсомольском парке г. Карпинска [Кладбище Богословлага].

Центральное и системообразующее место среди всех мест памяти является собой Мемориальный комплекс жертв политических репрессий 30-50-х годов на 12-км. Московского тракта близ г. Екатеринбург [Мемориал

жертв]. Здесь располагался расстрельный полигон НКВД, где в годы Большого террора захоронено более 20 тыс. жертв политических репрессий приговоренных к высшей мере наказания по решению внесудебных органов (в границах Свердловской и Пермской областей). В 1992 г. по инициативе общественной организации Ассоциация жертв политических репрессий и Администрации города это место было объявлено мемориальной зоной, а 26.10.1996 г. открыта первая очередь Мемориального комплекса, через несколько лет вторая. Мемориал постоянно развивается: добавляются новые плиты с именами репрессированных, создаются дополнительные памятные знаки. В 2003 г. по инициативе АЖПР поставлен Памятник безымянным жертвам репрессий, погибшим в тюрьмах и лагерях ГУЛАГа, в 2003 г. скульптурная композиция «Маски скорби» по проекту Э. Неизвестного, в 2022 г. открыта постоянная выставка «Большой террор и массовые репрессии на Урале». В ее создании приняли участие Администрация Екатеринбурга, Государственный музей ГУЛАГа, Фонд памяти, АЖПР СО, «Уральский Мемориал» [Выставка].

Анализ процесса формирования «мест памяти» в Свердловской области позволил нам установить его хронологические рамки, выявить количество мемориальных мест по годам их создания, месту расположения, определить вид знаков памяти и инициаторов их установления.

Из 66 «мест памяти» (см. Приложение) в период 1965–1988 гг. появился 1 знак в виде мемориальной доски; в 1989 – кон. 1990-х гг. – 9 (1 мемориальная доска, 4 памятника, 2 мемориала и 2 мемориала-некрополя); в 2000–2010 гг. – 14 (7 мемориальных досок и знаков, 1 мемориал-некрополь, 2 храма-памятника, 4 памятника); в 2011–2015 гг. – 14 (4 памятных знака, 3 мемориала, 7 памятников); в 2017–2022 гг. – 25 (1 мемориал, 1 мемориальная доска и 22 памятных знака в виде табличек «Последний адрес»).

Весьма представлен спектр инициаторов проекта, среди них: административные органы (2 проекта), общество российских немцев «Возрождение» (3), администрация совместно с АЖПР (1), конкретные персоналии (4), правительство Польши (2), представители общественности (6), фонд «Богословский Урал» (1), РПЦ (5), центр «Судьба династии» и административный орган (1), трест Тагилстрой (1), общественность и административный орган (1), общество «Мемориал» (24), административный орган и «Мемориал» (1), Музей ГУЛАГа и государственные, общественные организации (1).

Довольно широко по области представлены места установки мемориальных знаков: Екатеринбург (32 «места памяти»); Нижний Тагил (6); Краснотурьинск (2); по одному знаку – города: Артемовский, Верхняя Пышма, Волчанск, Дегтярск, Ирбит, Каменск-Уральский, Кушва, Новоуральск, Ревда, Реж, Североуральск, Серов, Сухой Лог, Тавда, Туринск; пгт

Буланаш; поселки: Баяновка, Баранчинский, Костоусово, Мартюш, Озерный, Шабровский; село Аверино; дер. Полдневая¹.

Жертвы репрессий представлены различными категориями спецконтингента. Среди них: заключенные концлагеря периода гражданской войны (1); члены монархической династии (4); жертвы репрессий 1917–1950-х гг. (1); жертвы репрессий 1920–1950-х гг. (1); крестьяне-спецпереселенцы 1930-х гг. (5); жертвы политических репрессий 1930–1950-х гг. (18); священнослужители (1); персоналии репрессированных в 1930-х гг. (25); спесоселенцы-поляки 1939 г. (2); трудармейцы 1940-х гг. (2); трудармейцы 1940-х гг. и крестьяне-спесоселенцы 1930-х гг. (2); узники Богословлага (2); узники Тагиллага (1); погибшие в годы Великой Отечественной войны воины Красной армии, труженики тыла и трудармейцы (1).

Кроме «мест памяти», в виде проанализированных выше мемориалов, памятников и иных памятных знаков, публичная коммеморация в Свердловской области осуществляется в ходе научно-исследовательской работы, публикации статей, монографий, сборников документов, воспоминаний, книг памяти, создания электронных ресурсов, проведения торжественных мероприятий в дни, связанные с памятью о жертвах репрессивной политики.

Усилиями Государственного архива административных органов, силовых и иных государственных ведомств издано 10 томов «Книги памяти жертв политических репрессий», идет работа над многотомной публикацией Книги памяти раскулаченных крестьян – жертв насильственной коллективизации [Книга памяти жертв политических репрессий]. Уже сегодня сформирована электронная база данных по персоналиям раскулаченных с поисковой системой, которая включает в себя имена лишенных избирательных прав [Поиск репрессированных по базе данных «Книга памяти раскулаченных Свердловской области»].

Сотрудниками лаборатории «Исторической информатики» НТГСПИ - филиала РГППУ в г. Нижний Тагил в 2012 г. создан электронный ресурс «Политические репрессии в истории города и края» [Кириллов В.М.]. В Музее истории Екатеринбурга идет разработка ресурса «Государственный советский террор на Урале».

В 2000 г. российские немцы инициировали проект «Gedenkbuch» (Книга памяти о российских немцах – жертвах политических репрессий, участниках войн и конфликтов) [Проект «GEDENKBUCH»].

Центром осуществления проекта стала лаборатория «Исторической информатики». К настоящему времени издано 13 книг памяти, посвященных советским немцам-трудармейцам, три «черные книги» по депортации, тру-

¹ Всего в Свердловской области насчитывается 47 городов и 26 поселков городского типа/URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Городские населенные пункты Свердловской области](https://ru.wikipedia.org/wiki/Городские_населенные_пункты_Свердловской_области) (дата обращения: 17.09.2023).

довой мобилизации, спецпоселению, списки депортированных, сформирован электронный банк данных на 100 тыс. персоналий репрессированных российских немцев. В пределах бывшего СССР увековечено более 120 некрополей и памятных мест, связанных с репрессиями против немецкого народа.

Систематическую работу по увековечению памяти жертв репрессий проводят такие общественные организации, как «Ассоциация жертв политических репрессий», «Уральский Мемориал», Комиссия по восстановлению прав жертв политических репрессий при губернаторе Свердловской области, институт уполномоченного по правам человека Свердловской области, Музей истории Екатеринбурга, энтузиасты-общественники.

Большую работу, связанную с памятью новомучеников и исповедников Екатеринбургской митрополии, а также священнослужителей, пострадавших от репрессий ведет Духовно-просветительский Центр «Царский». Одним из результатов деятельности РПЦ в масштабах России является реализация проекта культурно-образовательных центров под названием «Исторический парк «Россия–Моя история», в том числе в Екатеринбурге. В этом центре есть раздел экспозиции, посвященный истории политических репрессий.

Результаты научных исследований по истории репрессий в Екатеринбурге и области нашли отражение в двухтомной публикации «Екатеринбург репрессированный», предпринятой по инициативе Музея истории Екатеринбурга [Книга памяти: Екатеринбург репрессированный].

4. Заключение

В качестве вывода можно резюмировать, что в пределах Свердловской области с конца 1980-х гг. по настоящее время проделана значительная работа по созданию «мест памяти» с целью увековечения памяти жертв политических репрессий, идет активная научно-исследовательская деятельность, осуществляются общественные проекты, формируются электронные ресурсы и базы данных, осуществляется целенаправленная информационная политика в сфере коммеморации. В этой систематической работе сочетаются усилия органов государственной власти и инициатива общественности.

Приложение

Места памяти Свердловской области

№ п/п	Годы открытия /кол-во	Мемориалы/знаки	Место	Инициаторы
1	1965/1	Мемориальная доска	Нижний Тагил	адм. орган
2	1989/1	Мемориальная доска	Нижний Тагил	адм. орган
3	1990/1	Памятник	Нижний Тагил	общество «Возрождение»

4	1991/1	Памятник	Карпинск	общество «Возрождение»
5	1992/1	Мемориал	Екатеринбург	адм. орган, АЖПР
6	1995/2	Мемориал-некрополь	Краснотурьинск	И. Ф. Вайс. «Возрождение»
7		Мемориал-некрополь	Нижний Тагил	Л. Ф. Брисский
8	1997/1	Памятник	пос. Озерный	правительство Польши
9	1998/1	Мемориал	Верхняя Пышма	А. П. Казанцев АЖПР
10	Кон. 1990-х/1	Памятник	пос. Баяновка	общественность
11	2000/2	Мемориальный крест	Волчанск	Фонд «Богословский Урал»
12		Мемориал-некрополь (Ганина яма)	Екатеринбург	РПЦ
13	2001/1	Памятник	Каменск-Уральский	«Мемориал», АЖПР, адм. орган
14	2003/2	Храм-памятник	Екатеринбург	РПЦ
15		Памятник	Екатеринбург	АЖПР
16	2005/2	Мемориальный знак	Екатеринбург	центр «Судьба династии», адм. орган
17		Храм-памятник	Нижний Тагил	Трест «Тагилстрой»
18	2006/1	Знак памяти	пос. Баранчинский	общественность, адм. орган
19	2007/2	Памятник	пос. Костоусово	правительство Польши
20		Памятник	село Аверино	общественность
21	2008/1	Мемориальная доска	Краснотурьинск	Н. М. Паэгле «Мемориал»
22	2009/2	Мемориальная доска	Екатеринбург	РПЦ
23		Мемориальная доска	Екатеринбург	РПЦ
24	2010/1	Мемориальная доска	Североуральск	общественность
25	2011/3	Памятный знак	пос. Мартюш	общественность
26		Памятный знак	пос. Шабровский	общественность
27		Памятник	Дегтярск	АЖПР
28	2012/3	Мемориал	Кушва	АЖПР
29		Памятник	д. Полдневая	общественность
30		Памятный знак	Нижний Тагил	В. М. Кириллов
31	2013/2	Памятник	пгт. Буланаш	АЖПР
32		Памятник	Ревда	АЖПР
33	2014/2	Памятный знак	Ирбит	Л. И. Шевчук
34		Памятник	Ирбит	АЖПР
35	2015/4	Памятник	Артемовский	АЖПР
36		Памятник	Тавда	Е. В. Максименко
37		Мемориал	Сухой Лог	РПЦ
38		Мемориал	Реж	АЖПР

39	2017/2	Памятник	Екатеринбург	адм. орган, «Мемориал»
40		Памятник	Новоуральск	АЖПР
41- 63	2017- 2023/22	Пам. знаки Последний адрес	Екатеринбург	«Мемориал»
64	2018/1	Мемориал	Серов	АЖПР
65	2021/1	Мемориальная доска	Екатеринбург	«Мемориал»
66	2022/1	Пост. выставка	Екатеринбург	Музей ГУЛАГа, гос. и обществ. орг.-ии

Источники: [Мерзлякова, 2022; Кириллов, 2017; Паэгле, 2008, с. 108].

Список литературы

12 километр. Екатеринбург. – Текст : электронный. – URL: <https://ekmemorial.org/12-kilometr/istoriya.html> (дата обращения: 17.12.2022).

Булат Окуджава и Нижний Тагил. – Текст : электронный. – URL: https://tagilib.ru/for_profi/biblioprofi/bulat-okudzhava-i-nizhniy-tagil.php (дата обращения: 16.09.2023).

Выставка «Большой террор и массовые репрессии на Урале». – Текст : электронный. – URL: <https://gmig.ru/events/terror-ural/> (дата обращения: 10.09.2023).

Закон РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» (с изменениями и дополнениями). – Текст : электронный. – URL: <https://base.garant.ru/10105390/> (дата обращения: 18.09.2023).

Кириллов, В. М. Экскурсионный маршрут «Топография террора. Политические репрессии в Нижнем Тагиле» / В. М. Кириллов. – Текст : непосредственный // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Город, социум, среда: история и векторы развития», Нижний Тагил 14-15.09.17. – Нижний Тагил : НТГСПИ (ф) РГППУ, 2017. – С. 197–205.

Кириллов, В. М. Отражение истории политических репрессий в публикациях периодической печати Урала (1928-1939 гг.) / В. М. Кириллов. – Текст : непосредственный // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. – 2021. – № 4. – С. 56–75.

Кладбище Богословлага в г. Карпинск / Некрополь террора и ГУЛАГа. Картотека захоронений и памятных мест. – Текст : электронный. – URL: <https://www.marofmemory.org/66-10> (дата обращения: 14.09.2023).

Книга памяти (посвящается тагильчанам – жертвам репрессий 1917–80-х гг.) / автор-сост. В. М. Кириллов. – Екатеринбург : УИФ «Наука», 1994. – 368 с. – Текст : непосредственный.

Книга памяти жертв политических репрессий. Свердловская область. – Текст : электронный. – URL: <https://xn--80aah0car.xn--p1ai/?cat=127> (дата обращения: 17.09.2023).

Книга памяти: Екатеринбург репрессированный. 1917 – сер. 1980-х гг.: Часть I. Научные исследования / В. М. Кириллов [и др.]. / Науч. ред. В. М. Кириллов. – [б.м.] : Издательские решения, 2022. – 752 с. – Текст : непосредственный.

Кужильный, Д. Улица Черных: от Тагильского Криуля до истории трагической судьбы летчика-героя, ставшего жертвой сталинских репрессий / Д. Кужильный, С. Волков. – Текст : электронный. – URL: http://historyntagil.ru/history/tagil_labirint_2016_05_14.htm (дата обращения 15.09.2023).

Мемориал жертв политических репрессий (Екатеринбург). – Текст : электронный. – URL: https://www.ekmap.ru/monuments/859/photos/5874#_photo (дата обращения: 10.09.2023).

Мерзлякова, Т. Г. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Свердловской области о работе по увековечиванию памяти безвинно пострадавших в годы массовых политических репрессий / Т. Г. Мерзлякова. – Текст : электронный. – URL: https://map.ombudsmanrf.org/Karta_Yadro/prav_z_karta/sub_fed/uralsk_fed/sverdlovsk_oblast/dokument_sverdlovsk/dokument_48/dokument_48web.pdf (дата обращения: 17.12.2022).

Место памяти. – Текст : электронный. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Место_памяти (дата обращения: 19.08.2023).

Пазгле, Н. М. За колючей проволокой Урала / Н. М. Пазгле. – Кн. 1. – Краснотурьинск : Чароид, 2008. – 471 с. – Текст : непосредственный.

Поиск репрессированных по базе данных «Книга памяти раскулаченных Свердловской области». – Текст : электронный. – URL: https://xn--80aah0car.xn--p1ai/?page_id=19229 (дата обращения: 17.09.2023).

Полный список памятников и памятных знаков. – Текст : электронный. – URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/pam/?t=list&c=all> (дата обращения: 18.09.2023).

Проект «GEDENKBUCH». Электронная книга памяти российских немцев – жертв политических репрессий. – Текст : электронный. – URL: <https://enc.rusdeutsch.ru/articles/5647> (дата обращения: 18.09.2023).

Распоряжение Правительства РФ от 15 августа 2015 г. № 1561-р. О концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий. – Текст : электронный. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71064538/> (Дата обращения: 19.08.2023).

Realms of Memory / Ed. by P. Nora (ed.). – New York : Columbia University Press, 1996. – Vol. 1. – 652 p. – Текст : непосредственный.

Статья получена: 21.09.2023

Статья принята: 25.10.2023

REHABILITATION POLICY AND PLACES OF MEMORY OF POLITICAL REPRESSION VICTIMS IN THE SVERDLOVSK REGION

V. M. Kirillov

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
history_vmk@mail.ru

D. V. Lushchikov

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
dmitry.lushchikov@yandex.ru

Abstract. The subject of the research is the problem of perpetuating the memory of victims of political repression in Russia. The relevance and novelty of the study lies in a comprehensive consideration of the rehabilitation process, which includes the problem of perpetuating the memory of victims of political repression through the creation of “places of memory” in the Sverdlovsk region. The main historical sources selected are regulatory legal acts on rehabilitation issues, records of state and public organizations, periodicals, including electronic resources.

The theoretical basis of the work was the synthesis of institutional and normative-value approaches. In addition, the theoretical developments of the French historian P. Nora were used in relation to the problems of historical memory and “places of memory”.

The study revealed that within the Sverdlovsk region since the late 1980s. to date, significant work has been done to create “places of memory” to perpetuate the memory of victims of political repression; active research activities are underway; public projects are carried out; electronic resources and databases are being formed, accompanied by a targeted information policy in the field of commemoration. This systematic work combines the efforts of government authorities and the initiative of the public.

Key words: victims of political repression, rehabilitation, commemoration, “places of memory”

References

12 kilometr. Ekaterinburg [12th kilometer. Yekaterinburg]. Retrieved from <https://ekmemorial.org/12-kilometr/istoriya.html>

Bulat Okudzhava i Nizhniy Tagil [Bulat Okudzhava and Nizhny Tagil]. Retrieved from https://tagilib.ru/for_profi/biblioprofi/bulat-okudzhava-i-nizhniy-tagil.php

Kirillov, V. M. (2017). Ekskursionnyy marshrut «Topografiya terrora. Politicheskie repressii v Nizhnem Tagile» [Excursion route “Topography of Ter-

ror. Political repressions in Nizhny Tagil”] In *Materials of the All-Russian scientific and practical conference “City, society, environment: history and vectors of development”* (pp. 197–205). Nizhny Tagil: NTGSPi (f) RGPPU.

Kirillov, V. M. (2021). *Otazhenie istorii politicheskikh repressij v publikacijah periodicheskoj pechati Urala (1928-1939 gg.)* [Reflection of the history of political repressions in the publications of the periodicals of the Urals (1928–1939)]. *Scientific notes of NTSSPI. Series: History & Philology*, 4, 56–75.

Kirillov, V. M. (ed.) (1994). *Kniga pamyati (posvyashchaetsya tagil'chanam – zhertvam repressij 1917–80-kh gg.)* [Book of memory (dedicated to Tagil residents – victims of repressions of the 1917–80s)]. Yekaterinburg: UIF “Science”.

Kirillov, V. M. (ed.) (2022). *Kniga pamyati: Ekaterinburg repressirovannyi. 1917 – ser. 1980-kh gg.* [Book of memory: Ekaterinburg repressed. 1917 – mid. 1980s]. [n.d.]: Publishing solutions. Part I.

Kladbishche Bogoslovлага v g. Karpinsk / Nekropol' terrora i GULAGA. Kartoteka zakhoronenyi i pamyatnykh mest [Bogoslovlag cemetery in Karpinsk / Necropolis of terror and the Gulag. Card index of burials and memorial places]. Retrieved from <https://www.mapofmemory.org/66-10>

Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressij. Sverdlovskaya oblast' [Book of memory of victims of political repression. Sverdlovsk region]. Retrieved from <https://xn--80aah0car.xn--p1ai/?cat=127>

Kuzhilny, D. & Volkov, S. (2016). *Ulitsa Chernykh: ot Tagil'skogo Kriulya do istorii tragicheskoy sud'by letchika-geroya, stavshogo zhertvoy stalinskikh repressij* [Chernykh Street: from the Tagil Kriul to the history of the tragic fate of a hero pilot who became a victim of Stalin's repressions]. Retrieved from http://historyntagil.ru/history/tagil_labirint_2016_05_14.htm

Memorial zhertv politicheskikh repressij (Ekaterinburg) [Memorial to the Victims of Political Repression (Yekaterinburg)]. Retrieved from https://www.ekmap.ru/monuments/859/photos/5874#_photo

Merzlyakova, T. G. *Spetsial'nyy doklad Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Sverdlovskoy oblasti o rabote po uvekovechivaniyu pamyati bezvinno postradavshikh v gody massovykh politicheskikh repressij* [Special report of the Commissioner for Human Rights in the Sverdlovsk Region on the work to perpetuate the memory of innocent victims during the years of mass political repression]. Retrieved from https://map.ombudsmanrf.org/Karta_Yadro/prav_z_karta/sub_fed/uralsk_fed/sverdlovsk_oblast/dokument_sverdlovsk/dokument_48/dokument_48web.pdf

Mesto pamyati [Place of memory]. Retrieved from https://ru.wikipedia.org/wiki/Место_памяти

Nora P. (ed.). (1996). *Realms of Memory*. New York: Columbia University Press, 1996. Vol. 1.

Paegle, N. M. (2008). *Za kolyuchey provolokoy Urala* [Behind the barbed wire of the Urals]. Book 1. Krasnoturinsk: Charoid.

Poisk repressirovannykh po baze dannykh «Kniga pamyati raskulachennykh Sverdlovskoy oblasti» [Search for repressed people using the database “Book of Memory of the Dispossessed of the Sverdlovsk Region.”]. Retrieved from https://xn--80aah0car.xn--p1ai/?page_id=19229

Polnyy spisok pamyatnikov i pamyatnykh znakov [Complete list of monuments and memorial signs]. Retrieved from <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/pam/?t=list&c=all>

Proekt «GEDENKBUCH». Elektronnaya kniga pamyati rossiyskikh nemtsev – zhertv politicheskikh repressiy [Project “GEDENKBUCH”. Electronic book in memory of Russian Germans – victims of political repression]. Retrieved from <https://enc.rusdeutsch.ru/articles/5647>

Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 15 avgusta 2015 g. № 1561-r. O kontseptsii gosudarstvennoy politiki po uvekovecheniyu pamyati zhertv politicheskikh repressiy [Order of the Government of the Russian Federation of August 15, 2015. No. 1561-r. On the concept of state policy to perpetuate the memory of victims of political repression]. Retrieved from URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71064538/>

Vystavka «Bol'shoy terror i massovye repressii na Urale» [Exhibition “The Great Terror and Mass Repressions in the Urals.”]. Retrieved from <https://gmig.ru/events/terror-ural/>

Zakon RF ot 18 oktyabrya 1991 g. № 1761-I «O reabilitatsii zhertv politicheskikh repressiy» (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Law of the Russian Federation of October 18, 1991 No. 1761-I “On the rehabilitation of victims of political repression” (amended and supplemented)]. Retrieved from <https://base.garant.ru/10105390/>

Submitted: 21.09.2023

Accepted: 25.10.2023

УДК 329.12

ЭВОЛЮЦИЯ МИФА О ЛИБЕРАЛИЗМЕ В ИСТОРИИ РОССИИ

Н. Ю. Мочалова

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
mochalova_n2008@mail.ru

Д. А. Попов

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
danil-p2003gr@mail.ru

Аннотация. Современная политическая обстановка в стране, нестабильность социальных структур позволяет исследователям поставить вопрос об однолинейности традиционного подхода к рассмотрению истории либерализма. Авторы статьи применяют структурно-системный и сравнительно-исторический методы, позволившие выйти на новый концептуальный уровень оценки политических мифов о либеральном режиме. История российского либерализма рассматривается в сравнительном контексте с традиционным западным либерализмом. В отличие от раннего европейского (английского) либерализма, который выражал индивидуальную свободу капитала от государственного контроля, русский либерализм отстаивал позитивную роль государства как гаранта гражданских свобод и ратовал за постепенное достижение социальной справедливости через реформы. Обе формы либерализма пережили сходную эволюцию как системы ценностей и символов, нужных для воспроизводства социальных институтов и политических идеологий. Проблема оценки истинности идеи либерального мироустройства обретает новую актуальность в контексте современной реальности.

Ключевые слова: политический миф, мифотворчество, либерализм, оппозиция, властные структуры.

1. Введение

На протяжении всего своего существования человечество участвует в процессе мифотворчества, при этом до сих пор дискуссионными остаются вопросы о сущности, функциях, месте и роли мифа в современной культуре, что способствует образованию различных, зачастую диаметрально противоположных точек зрения и концепций [Белов, 2018; Завершинский, 2015; Захарова, 2008; Корн, 2007; Рязанова, 2013; Фишман, 2006; Флад, 2004; Шестов, 2003; Яркеев, 2022; Ferri, 2021; Shteynman, 2016]. Существуют попытки как демифологизации массового сознания, так и целенаправленного создания политических мифов. Именно из-за этого возникает необходимость осмысления такого сложного явления, как «политический миф».

Как отмечает С. В. Рязанова, «если обратиться к человеческой культуре на протяжении всей ее истории, то неминуемо столкнешься с большим числом мифов, возникших в разное время и на разных территориях» [Рязанова, 2010, с. 78]. Важно знать, какими особенностями и возможностями может обладать политический миф в политическом процессе как стабильных обществ, так и для обществ, находящихся на пути преобразований, как современная Россия. Именно в идеолого-политическом пространстве наиболее интенсивно идет процесс рождения мифа. В результате возникающие образы становятся наиболее завершенными и эффективными в плане воздействия на общественное сознание, формируя стратегии развития общества.

Актуальность темы обусловлена одним из самых сложных, многогранных и, действительно, противоречивых явлений в истории политической мысли – российским либерализмом. Ценности и практика, традиционно ассоциируемые с западным либерализмом, такие как свобода личности, права собственности или верховенство закона, часто неоднозначно проявлялись в российском историческом опыте в различных измерениях и сочетаниях. Противостояние либеральных и консервативных течений в постсоветской России было, есть и будет, поэтому тема либерализма актуальности не теряет. Травма, полученная после распада Советского союза и «лихих 90-х», на которую с удовольствием ссылается нынешняя российская власть, по-прежнему болезненна как для левых консерваторов – левопатриотических политических сил, так и для правых – сторонников имперского национализма.

В настоящее время либерализм является идеологией, имеющей довольно неоднозначные оценки в современном обществе России. С одной стороны, он рассматривается как важнейшее достижение мировой социально-философской и теоретико-политической мысли, благодаря которой стали возможны демократия, гражданское общество и правовое государство. С другой – общественное мнение нашей страны возлагает на либерализм большую долю ответственности за крах и распад Советского Союза.

Вместе с тем, как показывает российская история, чрезмерное усиление диктата охранительной идеологии неминуемо приводит к стагнации социально-экономических и политических процессов в нашей стране. Отсюда можно сделать вывод, что либеральные тенденции в социально-политической практике не только неизбежны, но и жизненно необходимы. Неоднозначность оценок либерализма в русской общественной мысли прошлого и настоящего приводит к необходимости проведения исследования воздействия данной идеологии на ход развития российской истории.

2. Материал и методология исследования

Позиции просвещенного либерализма в российской культуре изучаются с разных методологических позиций и ценностных установок. Методология настоящего исследования базируется на комплексе принципов и методов, способствующих всеобъемлющему и всестороннему изучению

проблемы. Методологический фундамент исследования составляют диалектический, сравнительно-исторический, структурно-системный, ретроспективный методы, методы типологизации и исторического моделирования.

Основополагающими принципами исследования мифологии русского либерализма могут служить методы историзма, объективности, системности, комплексности. Принцип историзма позволяет рассматривать общественно-политическую деятельность русских либералов в неразрывной связи с конкретными историческими событиями, а также с факторами, оказавшими влияние на концептуальную динамику политических теорий. Принцип научной объективности дает возможность представить совокупность разнообразных точек зрения на конкретные события, явления, процессы, на основе непредвзятого исследования дать им аргументированную критическую оценку. При анализе различных концепций он обуславливает выявление положительных и отрицательных сторон различных теоретических построений, отход от политизированных и идеологизированных оценок времен СССР, долгое время господствовавших в отечественной историографии. Принцип научной объективности также позволяет понять и объяснить основные суждения и мотивы деятельности представителей русского либерализма, вникнуть в суть споров и политических отношений. Принцип системности открывает широкие возможности для упорядоченного исследования концепций государственного переустройства. Принцип комплексности, выступающий в неразрывной связи с системным, обуславливает освещение всего комплекса проблем развития либерализма в России.

В настоящее время большая часть населения страны разочаровалась в либеральной идеологии, однако, нельзя не отметить роста популярности либеральных течений среди молодежи. Новые российские либералы озвучивают справедливые требования соблюдения гражданских прав и свобод и тем самым привлекают сторонников, которые не помнят трагедии 90-х годов XX века, напрямую связанной с «либеральными» реформами и последующим «диким капитализмом».

Все эти противоречия, споры и проблемы возвращают к истокам русского либерализма в исторической перспективе. Проблемы восприятия нынешней формы либерализма заставляют оглянуться назад и взглянуть на картину целиком, о чем и пойдет речь в данной работе.

3. Анализ

Мы можем с полным основанием отнести истоки либерализма к XVII и XVIII векам. Он возник с ранним развитием капитализма и стал особенно сильным с развитием промышленного среднего класса в 1750-х годах. На территории России либерализм в XVIII–XX вв. развивался как ответная реакция на нападки со стороны более сильных консервативных, а в дальнейшем и социалистических конкурентов. Трудность создания надежного понимания русского либерализма в начале его становления заключается в из-

начально крайней расплывчатости и неопределенности, которые были характерны для самого понятия «либерализм» с момента его распространения в русской общественной мысли и культуре.

Деятнадцатый век был расцветом «классического либерализма». Великобританию можно рассматривать как общество, в котором либерализм был наиболее близок к народу, к власти пришло «либеральное» правительство, опирающееся на идеи утилитаризма. Утилитаризм как моральное обоснование власти утверждал, что разум можно использовать для реализации прав человека и организации человеческих институтов. Утилитаризм измерял правильность любого поступка степенью, в которой он способствовал счастью. Люди стремились максимизировать удовольствие и минимизировать боль в рациональном преследовании собственных интересов. Только индивидуум мог знать, что считается лучшим для него, а не государство. Утилитаристы заявляли, что демократия — лучшее средство обеспечения «наибольшего счастья для наибольшего числа» в обществе. Эта доктрина существенно повлияла на либеральную мысль и практические меры, хотя и подвергалась критике за то, что она подчиняла индивидуальные права человека воспринимаемому благу общества.

Поразительной чертой политической теории двадцатого века является утрата ею веры в возможность нахождения рациональных оснований для моральных и политических предписаний. Приверженность либеральным или антилиберальным принципам стала вопросом поддержки идеологии. Либеральные практики, тем не менее, были глубоко укоренены в англоязычных обществах, но, как оказалось, в меньшей степени в обществах континентальной Европы, прежде всего, в Германии и России. В этих странах в хаосе последствий Первой мировой войны и экономических невзгод 1920-х и 1930-х годов мощные антилиберальные политические движения фашизма и коммунизма захватили власть, разрушили формы либерального общества и поставили под угрозу само выживание либерализма в западном мире.

Стоит отметить, что российский либерализм — это сложный, весьма неоднородный и противоречивый феномен. «Историческую судьбу России вряд ли можно представить без русской либеральной идеи. Её история — длительный процесс. До начала XX века русская либеральная политическая идеология развивалась в русле западноевропейских либеральных традиций, и только к началу XX века она приобрела специфичные национальные черты. Русский либерализм стал представлять стройную систему взглядов и установок» [Соломагина, 2003, с. 4].

Миф о российском либерализме начала XX в. связан с именем еще одного представителя культуры русского зарубежья, В. В. Леонтовича. В его исследовании «История либерализма в России», написанном в 1950-е годы, последовательно проводилась мысль, что истинными носителями либеральных перемен в России были не оппоненты власти, а государственные дея-

тели от Екатерины II до П.А. Столыпина. С точки зрения Леонтовича, истинный либерализм «относится с величайшим уважением к субъективным правам отдельных людей» и именно поэтому «должен действовать с чрезвычайной осторожностью» даже по отношению к устаревшим общественным институтам [Леонтович, 1995, с. 21]. Именно поэтому, считал Леонтович, следует «настоящим либерализмом считать только либерализм консервативный, враждебно настроенный ко всякой революции; а российские либералы-кадеты начала XX в., расшатывавшие собственное государство, заслуживают скорее названия радикалов» [Леонтович, 1995, с. 22].

Ранее либеральные идеи были довольно широко распространены, особенно среди буржуазии и интеллигенции. Однако, после Октябрьской революции 1917 года, когда большевики пришли к власти, либерализм потерял свою популярность. В течение XX в. вокруг российского либерализма сложилось достаточно много мифов, многие из которых дошли до наших дней. Так, Н.А. Бердяев, неоднократно говорил о том, что русской душе сама по себе чужда либеральная идеология и практика. «Русский народ не может создать серединного гуманистического царства, он не хочет правового государства в европейском смысле этого слова. Это – апокалиптический народ по строению своего духа, он устремлен к концу истории, к осуществлению царства Божьего. Он хочет или царства Божьего, братства во Христе, или товарищества в антихристе, царства князя мира сего» [Бердяев, 1994, с. 452]. Поэтому, как уточнял Бердяев, «русский пафос свободы был скорее связан с принципиальным анархизмом, чем с либерализмом. Единственным философом либерализма можно было бы назвать Б. Н. Чичерина» [Бердяев, 1990, с. 171].

После Октябрьской большевистской революции 1917 года либерализм был запрещен в Советском Союзе. Лидеры кадетской партии, уехавшие из России, попытались воссоздать либеральную доктрину в эмиграции. Множественные попытки создать союз с другими политическими силами успехом не увенчались.

Власти не признавали индивидуальные свободы и права человека, что было основополагающим принципом либеральной идеологии. С началом НЭПа в 1921 году, возобновилась небольшая активность либеральных мыслителей, и в общественной жизни появились новые идеи и концепции, которые отражали отдельные элементы либерализма. Однако, многие либеральные мыслители покидали Россию в период Гражданской войны, из-за политических репрессий и нарушения прав человека.

Когда Сталин был у власти, почти никто не осмеливался открыто не соглашаться с советской властью. Хрущев выступил с критикой культа личности Сталина на XX съезде Коммунистической партии и освободил политзаключенных. Общество пыталось вести диалог с властью, снимались фильмы и писались книги, которые при Сталине были бы невозможны [Elie, 2007].

Указом Президиума ВС СССР от 18 сентября 1973 г. был ратифицирован Международный пакт о гражданских и политических правах, о чем сообщалось в советских газетах. Советские граждане были удивлены, узнав, что Комиссия ООН по правам человека заботится об их правах и что они могут обратиться к ней в случае нарушения их прав. Действия несогласных сводились к двум видам деятельности. Первый заключался в написании коллективных писем советским властям, а второй — в распространении информации о нарушениях прав. Сначала они называли себя «правозащитниками» или «Демократическим движением», а позже — просто инакомыслящими или «диссидентами». Иностранные корреспонденты затруднились описать явление, которое не было ни правым, ни левым, ни оппозиционным движением [Климова, 2001].

Миф о расцвете политического диссидентства в России того периода не был убедительным. Единой оппозиции как политического течения не было, не было и признанного лидера, и каждый индивидуально решал степень своей причастности к идее либерализма. Письма физика Андрея Сахарова, заявления писателя Александра Солженицына, роман Б. Пастернака имели больший вес, чем заявления нескольких подпольных студенческих организаций.

Нельзя однозначно соотнести деятельность «инакомыслящих» с либеральными идеями, однако, в целом, либерализм выступает за свободу мысли, слова, вероисповедания и собраний, а также за гражданские права и свободы личности, и поэтому может рассматриваться как основа для защиты прав и свобод «инакомыслящих». Некоторые либеральные идеи, такие как, например, свобода выражения, могут быть особенно важными для них, ведь они могут сталкиваться с преследованием или дискриминацией со стороны властей или общества.

С приходом к власти Л. И. Брежнева началась новая эпоха «неосталинизма». «Закручивание гаек» властью ударило по правозащитному движению, но отдельные политические организации пытались обрести официальный статус, идя на сотрудничество с властью. Так, в ноябре 1970 г. физик Валерий Чалидзе создал параллельную организацию — Комитет по правам человека в СССР. Естественно, органы власти отказались сотрудничать с таким самозванным комитетом. В то же время Комитет по правам человека в СССР был первой организацией гражданского общества, ставшей членом международной организации; в 1971 г. он стал филиалом Международной лиги прав человека.

В конце 1960-х многие левые социалистические диссидентские группы изменили свое мнение по поводу власти. Во-первых, большинство этих людей оказались арестованными или заключенными в специальные «политические» трудовые лагеря. Эпизодично они принимали участие в дебатах, в ходе которых большинство эволюционировали идеологически и считали свои прежние социалистические и марксистские убеждения наивными. От

таких переосмыслений родились очень неожиданные пути: многие стали националистами, православными христианами или либеральными правозащитниками; другие сохранили свои марксистские убеждения [Климова, 2001].

К концу 1980-х г.г. либеральная утопия советской интеллигенции оказалась в кризисе, с приходом «нового либерала» М. С. Горбачева снова замыкало «светлое социалистическое» будущее. Лидер страны обратился за помощью в процессе перестройки ко многим деятелям науки и культуры. В частности, к либеральному герою А. Сахарову. Это время нового либерального мифа об утопической головокружительной силе перестройки. Либералы получили статус «перестроечного авангарда» периода гласности, критикующих чиновников и бюрократов.

Выдающиеся ученые, писатели, художники, музыканты и актеры, создающие окружение четым Горбачевым (Раиса Максимовна стояла во главе Советского фонда культуры), совместными с журналистами усилиями создавали новый миф о «безъядерном мире» и «общем европейском доме», разрушая тем самым старый советский «миф о враге». В эти недолгие перестроечные годы интеллигенция оставалась опорой горбачевских реформ, а либерально настроенная советская интеллигенция была его политическим союзником как внутри, так и вне коммунистической партии.

Интеллектуалы могли свободно выражать свои взгляды и выбирать свою политическую ориентацию. Однако, новая среда идеологической и политической свободы породила удивительный эффект: концепция интеллигенции, сочетавшая свободу и социализм, трансформировалась в радикальную антикоммунистическую политику, направленную на полное разрушение социалистических основ и самого государства. В этой новой политике убеждения старой интеллигенции раскололись и изменились до неузнаваемости [Горбачев, 2021]. Интеллектуалы хотели либерализации и разрушения государства, но не видели, что это увеличит воздействие рынка. Люди, из круга советников Б.Н.Ельцина, активистов Демократического Российского движения, ранее разделявшие повестку дня «социализма с человеческим лицом», в одночасье перешли к антикоммунизму. Произошло это под влиянием западного потребительского шока, который произвел столь преобразующий эффект, от получения западных идей либеральной демократии. Фактически, явное превосходство западной экономики и общества доказало правильность западных идей в глазах тех, кто ранее придерживался советской реформистской программы [Горбачев, 2021].

В идеологическом плане переориентация интеллигенции была борьбой против «тоталитаризма» до конца, до полного уничтожения всех форм советского строя, против партии-государства. В этом сказался идеализм мышления либеральной советской интеллигенции. Прыжок в западную либеральную демократию, в цивилизованный западный рынок стоил обретенной

суверенности бывшим советским республикам. Опьяненные лозунгами рыночного либерализма, радикальные интеллектуалы отказались просчитать минусы этих преобразований. Большинство из тех, кто поддерживал Ельцина, не понимают, что они участвовали в быстром демонтаже Советского Союза. Они действовали, исходя из убеждения, что старую тоталитарную государственность необходимо уничтожить в любой момент. Старые советские элиты расплавились и трансформировались, возникли разные социальные группы; тандем власти и денег заменил идеократическую государственную и культуроцентричную советскую цивилизацию.

Исторический процесс неумолим, староформатные системы не могут избежать упадка, пусть и замедленного. Авторитарная власть становится жесткой и негибкой, теряет чувство реальности и связь с обществом. Российскому правящему классу нужна перестройка, но при сохранении командных высот: ему нужна управляемая перестройка, предполагающая консенсус среди элит. Элиты расколоты на сторонников режима и либеральную оппозицию (члены которой в основном набираются из интеллигенции) несмотря на то, что с экономической и статусной точки зрения обе стороны вполне довольны нынешним положением дел [Кобрин, 2020].

4. Заключение

По итогам исследования можно сделать несколько резюмирующих выводов. В отличие от раннего европейского (английского) либерализма, который выражал индивидуальную свободу капитала от государственного контроля и от «тирании большинства», русский либерализм отстаивал важность законности в правительстве, позитивную роль государства как гаранта гражданской свободы и ратовал за постепенное достижение социальной справедливости через реформы.

Изучение проблемы либеральной традиции в России показало, что государственная либерализация политики и экономики в России сверху, не органически выросшая из общества, как на Западе, имеет негативные последствия. Сильное государство, управляемое авторитарным правительством, не было готово к изменению политических и экономических отношений, основанных на патерналистской ментальности.

Практический анализ исторических мифов подтвердил, что либеральная традиция должна расти органически, снизу, прежде чем она может быть введена в практики политической деятельности. Чтобы создать сильную либеральную традицию в России, необходимо учитывать народные потребности, а не навязывать государственные реформы и определять их исход сверху.

Попытка включить либеральные идеи в повестку дня Советской власти были заведомо обречены на провал, но, вопреки властным структурам движение правозащитников из числа интеллигенции старалось, по мере сил, принимать активное участие в политической жизни страны. Характерными

периода подъема можно считать 1968 год и период Горбачевской перестройки.

Либерализм вновь возник в измененной форме во время «краха коммунизма», когда неолiberaлы потребовали для либерализма видное место в «нормальной» расстановке российских политических сил. Основными целями постсоветского либерализма являлись защита гражданских и политических прав и свобод, установление верховенства права, приоритетное утверждение прав личности и постепенное построение свободной рыночной экономики.

В данный момент либеральные течения в России переживают не лучшие времена в связи с резким изменением внешнеполитической обстановки в мире. Однако, как и иные формы политической мысли, либерализм занимает свое место в умах людей.

Список литературы

Белов, С. И. Соотношение концептов «политический миф» и «исторический миф» / С. И. Белов. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2018. – № 3. – С. 39–48.

Бердяев, Н. А. Философия творчества, культуры и искусства / Н. А. Бердяев. – Москва : Искусство, 1994. – Т. 2 : Русские философы XX века. – 508 с.

Горбачев, М. С. Перестройка и новое мышление: Ретроспектива / М. С. Горбачев. — Текст: электронный. — URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/perestroika-and-new-thinking/> (дата обращения: 10.05.2023).

Завершинский, К. Ф. Политический миф в структуре современной символической политики / К. Ф. Завершинский. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. – 2015. – № 2. – С. 16–25.

Захарова, Т. И. Инструменты сакрализации: политический миф / Т. И. Захарова – Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2008. – Т. 8, № 1. – С. 148–151.

Климова Ю. Русские либералы // Российские либералы / Под ред. Б. С. Итенберга и В. В. Шелохаева. – Москва : РОССПЭН, 2001. – С. 112–134.

Кобрин, К. Российская либеральная интеллигенция и постпутинский консенсус. — Текст: электронный. – Открытая демократия: [сайт]. 2020 — URL: <https://www.opendemocracy.net/en/odr/russia-liberal-intelligentsia-post-putin-consensus/> (дата обращения: 10.06.2023).

Корн, М. Г. Политический миф как значимая часть "образов прошлого" / М. Г. Корн. – Текст: непосредственный // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2007. – № 6. – С. 25–28.

Леонтович, В. В. История либерализма в России, (1762–1914) / В. В. Леонтович. – Москва : Русский путь, 1995. – 444 с. – Текст: непосредственный.

Рязанова, С. В. Социальный миф в пространстве гуманитарного знания: научный потенциал понятия / С. В. Рязанова – Текст: непосредственный // Религиоведение. – 2010. – № 1. – С. 78–89.

Рязанова, С. В. Политический миф как апогей развития социального мифа / С. В. Рязанова. – Текст : непосредственный // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2013. – № 4 (71). – С. 35–38.

Соломатина, Е. Д. История эволюция российского либерального политического сознания в начале XX века, 1905—1914 гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Соломатина Елена Дмитриевна; Курский государственный технологический университет. – Курск, 2003. – 27 с. – Текст: непосредственный.

Фишман, Л. Г. Политический миф и идеология: опасное сближение? / Л. Г. Фишман – Текст : непосредственный // Полис. Политические исследования. – 2006. – № 4. – С. 74–86.

Флад, К. Политический миф. Теоретическое исследование / К. Флад. – Москва : Прогресс-Традиция, 2011. – 263 с. – Текст : непосредственный.

Шестов, Н. И. Политический миф теперь и прежде / Н. И. Шестов. – Саратов : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 214 с. – Текст : непосредственный.

Яркеев, А. В. Политический миф в учении Карла Шмитта / А. В. Яркеев. – Текст : непосредственный // Дискурс-Пи. – 2022. – Т. 19, № 2. – С. 10–23.

Elie, M. Les anciens détenus du Goulag: libérations massives, réinsertion et réhabilitation dans l'URSS poststalinienne, 1953-1964 / M. Elie. – Paris : Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, 2007. – 468 p. – Текст : непосредственный.

Ferri, E. The Myth of Western Civilization. The West as an Ideological Category and a Political Myth / E. Ferri. – New York : Nova Science Publishers, 2021. – 278 p. – Текст: непосредственный.

Shteynman, M. Political myth and political glory: shaping media reality / M. Shteynman. – Текст: непосредственный // Russian Sociological Review. – 2016. – Т. 15, № 4. – P. 96–113.

Получена: 07.09.2023

Принята: 13.10.2023

EVOLUTION OF THE MYTH OF LIBERALISM IN THE HISTORY OF RUSSIA

N. Yu. Mochalova

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
mochalova_n2008@mail.ru

D. A. Popov

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
danil-p2003gr@mail.ru

Annotation. The current political situation in Russia and the instability of social structures allow researchers to raise the question of the unilinearity of the traditional approach to considering the history of liberalism. The authors of the article use structural-systemic and comparative-historical methods, which made it possible to reach a new conceptual level of assessing political myths about the liberal regime. The history of Russian liberalism is examined in a comparative context with traditional Western liberalism. Unlike early European (English) liberalism, which expressed individual freedom of capital from state control, Russian liberalism defended the positive role of the state as a guarantor of civil liberties and advocated the gradual achievement of social justice through reforms. Both forms of liberalism experienced a similar evolution as systems of values and symbols necessary for the reproduction of social institutions and political ideologies. The problem of assessing the truth of the idea of a liberal world order takes on new relevance in the context of modern reality.

Keywords: political myth, myth-making, liberalism, opposition, power structures.

References

- Belov, S. I. (2018). Sootnoshenie kontseptov «politicheskiy mif» i «istoricheskiy mif» [Correlation of the concepts “political myth” and “historical myth”]. *Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Science*, 3, 39–48.
- Berdiaev, N. A. (1994). *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva* [Philosophy of creativity, culture and art]. Moscow: Iskusstvo. Vol. 2. Russkie filosofy XX veka.
- Elie, M. (2007). *Les anciens détenus du Goulag: libérations massives, réinsertion et réhabilitation dans l'URSS poststalinienne, 1953-1964*. Paris: Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales.
- Ferri, E. (2021). *The Myth of Western Civilization. The West as an Ideological Category and a Political Myth*. New York: Nova Science Publishers.
- Fishman, L. G. (2006). Politicheskiy mif i ideologiya: opasnoe sblizhenie? [Political myth and ideology: a dangerous convergence?]. *Polis. Political studies*, 4, 74–86.

Flood, K. (2011). *Politicheskii mif. Teoreticheskoe issledovanie* [Political myth. Theoretical research]. Moscow: Progress-Tradition.

Gorbachev, M. S. *Perestroika i novoe myshlenie: Retrospektiva* [Perestroika and new thinking: Retrospective]. Retrieved from <https://eng.globalaffairs.ru/articles/perestroika-and-new-thinking/>

Klimova Yu. (2001). Russkie liberaly [Russian liberals]. In S. Itenberg, V. V. Shelokhaev (Eds.), *Rossiiskie liberaly* (pp. 112–134). Moscow: ROSSPEN.

Kobrin, K. (2020). *Rossiiskaia liberal'naia intellegentsiia i postputinskii consensus* [Russian liberal intelligentsia and the post-Putin consensus]. Retrieved from <https://www.opendemocracy.net/en/odr/russia-liberal-intelligentsia-post-putin-consensus>.

Korn, M. G. (2007). Politicheskii mif kak znachimaya chast' "obrazov proshlogo" [Political myth as a significant part of the “images of the past”]. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, 6, 25–28.

Leontovich, V. V. (1995). *Istoriia liberalizma v Rossii, (1762–1914)* [History of liberalism in Russia, (1762–1914)]. Moscow: Russkii put'.

Riazanova, S. V. (2010). Sotsial'nyi mif v prostranstve gumanitarnogo znaniia: nauchnyi potentsial poniatii [Social myth in the space of humanities: scientific potential of the concept]. *Religiovedenie*, 1, 78–89.

Ryazanova, S. V. (2013). Politicheskii mif kak apogey razvitiya sotsial'nogo mifa [Political myth as the apogee of the development of social myth]. *Humanitarian and socio-economic sciences*, 4 (71), 35–38.

Shestov, N. I. (2005). *Politicheskii mif teper' i prezhe* [Political myth now and before]. Saratov: OLMA-PRESS.

Shteynman, M. (2016). Political myth and political glory: shaping media reality. *Russian Sociological Review*, 15(4), 96–113.

Solomatina, E. D. (2003). *Istoriia evoliutsiia rossiiskogo liberal'nogo politicheskogo soznaniia v nachale XX veka, 1905–1914 gg.* [History of the evolution of Russian liberal political consciousness at the beginning of the 20th century, 1905–1914]. [Candidate Dissertation, Kursk State Technological University].

Yarkeev, A.V. (2022). Politicheskii mif v uchenii Karla Shmitta [Political myth in the teachings of Carl Schmitt]. *Discourse-Pi*, 19(2), 10–23.

Zakharova, T. I. (2008). Instrumenty sakralizatsii: politicheskii mif [Tools of sacralization: political myth]. *News of Saratov University. Series: Sociology. Political science*, 8(1), 148–151.

Zavershinskiy, K. F. (2015). Politicheskii mif v strukture sovremennoy simbolicheskoy politiki [Political myth in the structure of modern symbolic politics]. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 6. Political science. International relationships*, 2, 16–25.

Submitted: 07.09.2023

Accepted: 13.10.2023

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'373

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АМЕРИКАНСКОГО СЛЕНГА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕСЕННЫХ ТЕКСТОВ)

Т. В. Аникина

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
anikishna@mail.ru

Е. В. Головина

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
elena.golovina.011@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению словообразовательных особенностей американского сленга в песенных текстах. Так как сленг несет в себе экспрессивную специфику, его часто используют авторы песен для создания какого-либо образа или определенной атмосферы, которую трудно выразить без сленга. В рамках данной статьи рассматриваются различные подходы к определению сленга и выявляются его особенности (употребление в устной речи, яркая эмоциональная окраска сленгизмов, экономия речевых усилий). Далее анализируются способы образования сленговых единиц на материале песенных текстов популярных американских исполнителей. Анализ проводится на материале различных музыкальных жанров – рэп, панк, поп-музыка, хип-хоп, рок. Исследование показало, что самым продуктивным способом словообразования сленгизмов является изменение значения слова, далее следуют сокращения и смешанный тип (сочетание различных способов словообразования). Наименее продуктивными способами словообразования являются аффиксация, конверсия, словосложение и звукоподражание.

Ключевые слова. Сленг, песенный текст, музыкальный жанр, заимствования, изменения значения слова, способы словообразования.

1. Введение

Языки постоянно изменяются. Слова и выражения, которые были недопустимы когда-то, сейчас являются неотъемлемой частью нашей жизни. Язык изменяется параллельно с изменениями в общественной жизни людей, а сленг становится все более употребительным среди людей по всему миру вне зависимости от пола, возраста или расы [Багдасарова, 2016; Горшунов,

2016; Мазирка, 2018; Redkozubova, 2021; Decharne, 2017; Zhou, Fan, 2013]. Сленг представляет собой определенный набор слов, который используют люди в процессе речи. В настоящее время унифицированного определения понятия «сленг» нет, практически каждый лингвист объясняет данное явление по-своему. Рассмотрим, как трактуется определение «сленг» в русско-язычном и англоговорящем пространстве.

В. А. Хомяков рассматривает сленг как «особый периферийный пласт нелитературной лексики и фразеологии, лежащий как вне пределов литературной разговорной речи, так и вне пределов границ диалектов общенационального английского языка» [Хомяков, 2009, с. 8].

В американском словаре, который был издан бостонским издателем Х. Миффлином, предложена следующая трактовка понятия «сленг»: «A kind of language occurring chiefly in casual and playful speech, made up typically of short-lived coinages and figures of speech that are deliberately used in place of standard terms for added raciness, humor, irreverence, or other effect» [The American Heritage Dictionary, 1992, с. 6742]. В соответствии с этим определением сленг представляет собой разновидность языка, которая встречается в разговорной (непринужденной) речи, состоящей из кратковременных элементов, и намеренно используется вместо литературных вариантов с целью придания пикантности, юмора или других эффектов.

Следует отметить, что понятие сленг не только не имеет точного определения, но и одинакового отношения у лингвистов разных стран. Советские и российские ученые рассматривают сленг скорее с отрицательной стороны и не желают его принимать. И. Р. Гальперин выделяет сленг в качестве отдельной группы разговорной лексики и отделяет это понятие от понятия «жаргон» по ряду принципов, в том числе по степени их понятности говорящему; общему использованию / применимости в определенных социальных группах [Гальперин, 1958].

Большой вклад в исследование сленга внесли труды И. В. Арнольд, которая определила сленг как «генетически весьма неоднородный слой лексики и фразеологии, имеющий ярко выраженный эмоциональный, оценочный и экспрессивный характер, бытующий в разговорной речи и находящийся вне пределов литературной нормы». Далее она подчеркивает, что «слова и выражения сленга имеют, как правило, синонимы в нейтральной литературной или специальной лексике, и специфичность их можно выявлять по сопоставлению с этой нейтральной лексикой» [Арнольд, 2002, с. 358].

В словаре-справочнике Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой сленг отождествляется с такими понятиями как жарго и арго. Под сленгом авторы понимают лексические единицы и словосочетания, которые употребляют в речи представители определенных профессией или социальных групп [Розенталь, 1985, с. 126].

Таким образом, сленг – это динамично развивающийся пласт языка, выявление сущности понятия сленга является весьма сложной задачей в лингвистике.

В данной статье вслед за И. В. Арнольд под сленгом понимается неоднородный слой лексики и фразеологии, имеющий ярко выраженный эмоциональный, оценочный и экспрессивный характер, бытующий в разговорной речи и находящийся вне пределов литературной нормы.

На основе анализа рассмотренных определений выделим следующие особенности сленга.

1) сленг не является частью литературного языка. Это значит, что он не подходит под современные литературные нормы языка.

2) сленг употребляется чаще всего в устной речи.

3) сленг обладает очень яркой экспрессивной и эмоциональной окраской. Он помогает с точностью описать ситуацию или объект и при этом очень точно передает любые эмоции, как положительные, так и отрицательные.

4) сленг является своего рода способом экономии речевых усилий.

Таким образом, пласт сленга постоянно пополняется. Существуют два источника пополнения сленга: внешний и внутренний. Внешний источник – это заимствования. Внутренний источник – это наиболее эффективный источник пополнения, и он включает в себя изменение значения слов и словообразование. Способами словообразования являются: аффиксация, сокращение, словосложение, звукоподражание, редупликация, рифмование, конверсия.

Далее рассмотрим наиболее продуктивные способы словообразования американского сленга в песенных текстах. Нами были проанализированы сленговые единицы из различных музыкальных жанров, далее проведен сравнительный анализ выявленных способов образования сленгизмов.

2. Материал и методология исследования.

Материалом исследования послужили 150 сленговых единиц из песенных текстов наиболее популярных американских исполнителей:

– 50 сленговых единиц из различных песен рэп и хип-хоп исполнителей: Big Sean, Bless, Cardi B, Clipse, Drake, Eminem, Future, Jay-Z, Kendrick Lamar, Lil Wayne, Machine Gun Kelly, Nicki Minaj, Post Malone, 21 Savage, Sean Paul, The Carpenters, Tory Lanez, Juice WRLD.

– 50 сленговых единиц из различных песен поп-исполнителей: Adam Lamber, Ariana Grande, Beoynce, Billie Eilish, Blackbear, Bruno Mars, Christina Aguilera, Demi Lovato, Dua Lipa, Katy Perry, Ke\$ha, Lizzo, Miley Cyrus, Oliver Tree, Rihanna, Usher.

– 50 сленговых единиц из различных песен рок и панк-исполнителей: Blink 182, Fall Out Boy, Hollywood Undead, Maroon 5, Panic! At The Disco, Papa Roach, Paramore, The Pretty Reckless, Twenty One Pilots.

Методологическую базу исследования составили труды следующих авторов: Н. И. В. Арнольд, Э. М. Берестовской, И. Р. Гальперина, В. А. Хомякова и других.

В работе были использованы следующие методы: сравнительный и описательный методы, теоретический анализ литературы, метод сплошной выборки.

3. Словообразовательные особенности англоязычных сленгизмов в песенных текстах

Рассмотрим сленговые единицы в песенных текстах разных жанров.

3.1. Рэп / хип-хоп музыка

Из 50 сленговых единиц, которые были выявлены в песнях рэп и хип-хоп-исполнителей, более половины (56%) составляют слова, которые изменили свое значение. Далее следует смешанный тип словообразования, то есть слова и выражения, которые были образованы с помощью нескольких способов словообразования (20%), далее следуют сокращения (16%).

Количественное соотношение групп представлено в таблице 1.

Таблица 1. – Способы пополнения сленга в американской рэп/хип-хоп-музыке

Способы пополнения сленга	Процентное соотношение, %
Изменение значения слова	56
Смешанный тип	20
Сокращения	16
Заимствования	4
Аффиксация	2
Словосложение	2

Изменение значения слов

To brush off в литературном языке означает «отмахиваться», «смахивать», «устранять», «удалять». На сленге – «забыть», «забить на что-то», «не обращать внимание». Можно заметить, что значение сленговой единицы происходит от первоначального значения глагола. Post Malone в песне «I fall apart» пишет: «Try **to brush it off** but it keep on goin'» – «Пытаюсь забыть, но это продолжается».

Noodle – обозначает лапшу. На сленге данное слово интерпретируется как «мозги», «голова», «ум». Подобное значение появилось из-за внешнего сходства мозга человека с лапшой. Eminem использовал данное слово в песне «Rap God» в строчке «I'm out my ramen **noodle**, we have nothing in common» – «Я выжил из ума, у нас с тобой ничего общего».

Commas – обозначает знак пунктуации – запятую. Comma на сленге имеет значение большой суммы денег. В Америке тысячи, миллионы, миллиарды и так далее в целом числе могут отделяться на письме запятыми. Например: 100, 000. Обычно таким способом записывают крупные суммы

денег. Eminem в песне «Not Alike» пишет: «I'm into stuff like doublin' **com-mas**» – «Я профи в таких делах, как преумножение капитала» или «Я умею делать деньги».

Смешанный тип

A *diss* образовано при помощи конверсии и усечения. Слово произошло от глагола «to disrespect» – не уважать. Слово обозначает ситуацию, при которой сталкиваются двое или более рэп-артистов и один рэпер в своем тексте выражает неуважение ко второму. Machine Gun Kelly употребил слово в песне «Rap Devil». «Took you six years and a surprise album just to come with **a diss**» – «Тебе нужно было шесть лет, чтобы вбросить свой альбом с диском».

Shady образовано при помощи изменения значения слова и усечения. Shady образовано от shadow, что значит «тень». В сленге shady обозначает человека, который ведет себя подозрительно, загадочно; человека, которого трудно понять. Eminem употребил слово в песне «The Real Slim Shady» в строчке «I'm Slim Shady, yes I'm the real **Shady**» – «Я – Slim Shady, я реальная загадка». Eminem играет со словами, так как один из его псевдонимов – это Slim Shady.

Сокращения

– аббревиатуры

ASAP – акроним от «As Soon As Possible». Значение – как можно скорее, быстрее или усерднее, лучше. Eminem в песне «8 Mile» употребил данный акроним в строчке «Tryin to chase rap, gotta move **ASAP**» – «Я пытаюсь угнаться за рэпом, мне нужно двигаться быстрее». Исполнитель говорит, что он пытается быть лучше в данном жанре музыки и для этого ему необходимо усерднее трудиться и практиковаться.

– словослияние

Trill – образовано от слов true и real. Данное прилагательное используется для описания человека, который является «настоящим», не «фальшивым». Сленгизм обозначает человека, которого очень уважают за честность. Этот человек крут, но своей искренностью или простотой. Big Sean употребил слово в песне «I Don't F*ck with You». «Ain't nothing but **trill** in me, aw, man» – «Оу, мужик, во мне только честность».

– усечения

L's – усечение от слова «losses» – потери. Данное слово означает моменты, когда человек терпит неудачи, несет большие потери, когда что-то плохое случается с человеком. «But you're losin' the fight you picked. Who else want it? Kells – attempt fails! Budden – **L's!**». Строчка взята из песни «Kill-shot», Eminem. Она может быть переведена как: «Ты проигрываешь битву, которую затеял. Кто следующий? Келлс – провальная попытка. Бадден, ты провалился».

Molly – усечение от слова «3,4-Methylenedioxy methamphetamine». Представляет собой название наркотического вещества. Данное понятие употребляется именно к порошкообразной форме данного препарата (экстази тоже самое вещество, но в форме таблеток). Это усечение можно найти в песне Juice WRLD «Wasted». «I don't want the money, I just want the **molly**» – «Мне не нужны деньги, только наркотики».

Заемствованные слова и выражения

Ou vey – было заимствованно из еврейского языка. В зависимости от ситуации данное восклицание может переводиться по-разному. Обычно оно применяется в отрицательных ситуациях и выражает негативные эмоции, например, раздражение или недовольство, недоумение, тревогу или горе. Дословно оно переводится как «О, горе!». Eminem использовал данное восклицание в песне «Rap God» в строчке «**Ou vey**, that boy's gay, that's all they say». Перевод может быть следующим: «О, какой кошмар, этот пацан – гей, это все, что они говорят».

Hakuna matata – было заимствованно из языка суахили, который является одним из самых распространенных языков на африканском континенте. Дословно выражение переводится как «никаких проблем» или «без проблем». Оно стало достаточно популярно после выхода мультфильма «Король Лев». Juice WRLD употребил это выражение в песне «Wasted» в строчке «Lil' boy I'm your father, **hakuna matata**» – «Пацан, я твой папа, но не парься об этом».

Аффиксация

The realest образованно с помощью суффикса -est и выражает превосходную степень прилагательного *real*. Стоит напомнить, что указанное прилагательное нарушает правило образования превосходной степени прилагательного *real*. По правилам, данное односложное прилагательное образуется с помощью слов *more* и *most*. *The realest* может быть переведено как: «реально». Строчка из песни Kendrick Lamar «All the stars»: «On my momma that's **the realest** shit» – «Я клянусь, это реальное д*рьмо».

Словосложение

To go apeshit. Слово «*apeshit*» складывается из *ape* и *shit*. Есть визуальная ассоциация с обезьянами. Некоторые обезьяны, например, шимпанзе бросаются фекалиями. Одной из причин данного явления может послужить высвобождение энергии или эмоций. Некоторые люди, когда находятся в гневном состоянии, начинают бросать предметы. Таким образом, данное выражение означает: быть в гневе или ярости, быть очень злым или сердитым, вести себя дико. *The carters* в песне «*Apeshit*» употребили это выражение в строчке «Have you ever seen the crowd **goin' apeshit**?» – «Ты когда-нибудь видел толпу, которая сходит с ума?».

3.2. Поп-музыка

Из 50 сленговых единиц, которые были выявлены в песнях поп-исполнителей, более половины (56%) составляют слова, которые изменили свое

значение. Далее идут сокращения (24%). На третьем месте по количеству следует смешанный тип (16%).

Количественные данные представлены в таблице 2.

Таблица 2. – Способы пополнения сленга в американской поп-музыке

Способы пополнения сленга	Процентное соотношение, %
Изменение значения слова	56
Сокращения	24
Смешанный тип	16
Заимствования	2
Рифмование	2

Изменение значения слов

To drop a bomb – дословный перевод «Сбросить бомбу». А *bomb* на сленге означает очень неожиданную новость. Происходит ассоциация неожиданных новостей с бомбой, так как бомбу сбрасывают без предупреждения, к такому едва ли можно подготовиться. Выражение «*to drop a bomb*» значит ошеломлять новостями, огорошить. «*I'm turning my back, I'm dropping a bomb on you!*» – «Я отвернусь от тебя, а затем огорошу одним известием» (Из песни Miley Cyrus «*Kicking and screaming*»).

Juice может обозначать сок, энергию или горячее. В сленге слово обозначает славу, популярность или влияние. Возможно, это связано с тем, что считают славу и популярность, такими же сладкими, как и сок. Также существует аббревиатура *JUICE* от предложения «*Join Us in Creating Excellence*». При этом *excellence* выступает синонимом к *success*. На русский язык эта фраза переводится как «раздели с нами успех». Возможно, значение последнего слова перенесли на аббревиатуру, а потом и просто на слово «*Juice*». Ariana Grande употребила это слово в песне «*7 rings*». «*Never mind, I got the juice*» – «Забей, я популярна».

Gucci – это название итальянской компании, которая производит одежду, аксессуары, парфюмерию. Этот бренд ассоциируется у молодежи с качеством, люксом и считается, что носить что-то от этого бренда – это круто. На сленге данное слово употребляется, чтобы сказать, что что-то очень крутое, классное, великолепно. «*All my feelings Gucci*» – «Я чувствую себя великолепно» (Из песни Lizzo «*Exactly How I Feel*»).

Сокращения

– аббревиатуры

IDGAF – аббревиатура от «*I Don't Give a F*ck*» – мне наплевать, мне все равно. Dua Lipa в песне «*IDGAF*» поет «*'Cause if you think I care about you now. Well, boy, IDGAF*» – «Ты думаешь, что я волнуюсь о тебе. Пацан, мне плевать».

– словослияние

Whataya – образовано слиянием слов *what do you*. «But now here we are. So **whataya** want from me?» – «И теперь мы здесь. Что тебе нужно?» (Из песни Adam Lambert «Whataya Want From Me»).

Whatcha – образовано слиянием слов *what are you*. Katy Perry в песне «Dark Horse» использовала это слово. «Boy, you should know **whatcha** falling for» – «Парень, знай во что ты ввязываешься».

– *усечения*

Rehab – представляет собой усечение от слова «rehabilitation» – реабилитация, восстановление, исправление. Слово используют для обозначения центра реабилитации людей с наркотической зависимостью или для обозначения центра исправления осужденных. «It's like I checked into **rehab**» – «Как будто я попала в реабилитационный центр» (Из песни Rihanna «Rehab»).

'em – усечение от слова «them» – их. «Then make **'em** bounce like a basket ball» – «Затем я заставлю их скакать вокруг себя, словно баскетбольный мяч» (Из песни Demi Lovato «Heart Attack»).

Смешанный тип

Swish-swish образован при помощи редупликации и изменения значения слова. В баскетбольной терминологии есть понятие «Swish» (или «Splash», «Nothing-but-net»). В русском языке говорят: «Чистый мяч» – момент, при котором попадает в кольцо, но при этом не задевает кольцо или самого щита. Мяч задевает только сетку, при этом издается характерный звук. Само понятие «Swish» образовано с помощью звукоподражания. Swish-swish происходит от этого слова. Баскетболисты и ценители данного вида спорта считают такие попадания зрелищными, красивыми и успешными, для той команды, которая забила такой мяч. В сленге это понятие означает успех, достижение, победу. Katy Perry в песне «Swish-swish» использует это слово. «**Swish, swish, bish!**» – «Очередная удача, с*чка».

Po-po образовано при помощи усечения и редупликации. *Po* является усечением от *police officer*. «**Po-po** shut us» – «Копы остановят нас» (Из песни Ke\$ha «Tik Tok»).

Заемствование

Amigo – заимствовано из испанского языка. Слово обозначает друга или подругу, товарища. Katy Perry использовала слово в песне «Swish Swish». «My life is a movie, I'm never off set, me and my **amigos**» – «Моя жизнь – сказка, я никогда не проигрываю, я и мои друзья».

Рифмование

La-la land означает фантазии, вымышленный мир, который создал человек у себя в голове. Вероятно, это название навеяно мюзиклами или сказками, в которых обычно поют персонажи. В таких произведениях обычно все хорошо, и они заканчиваются счастливым финалом. В фантазиях человека тоже все всегда прекрасно. «Well, everything's the same. In the **la-la land**» – «Что же, в мире грез все по-прежнему». (Из песни Demi Lovato «La-la Land»).

3.3. Рок / панк-музыка

Из 50 сленговых единиц, которые были выявлены в песнях рок и панк-исполнителей, более половины (54%) составляют слова, которые изменили свое значение. Далее идут сокращения (20%). На третьем месте по количеству идет смешанный тип (12%).

Количественные данные представлены в таблице 3.

Таблица 3. – Способы пополнения сленга в американской рок/панк-музыке

Способы пополнения сленга	Процентное соотношение, %
Изменение значения слова	54
Сокращения	20
Смешанный тип	12
Звукоподражание	6
Конверсия	4
Заимствования	2
Редупликация	2

Изменение значения слов

Hell обозначает ад, преисподнюю. Данное слово описывает очень неприятную ситуацию или жизненный опыт. На сленге это слово обозначает конец чего-либо. Возможно, это связано с тем, что ад ассоциируется с концом, дальше ничего нет и выбраться оттуда нельзя. Группа «Paramore» использовала это слово в песне «C'est Comme Ça» в строчке «Sit still long enough to listen to yourself or maybe just long enough for you to atrophy to **hell**» – «Сидела тихо достаточно долго, чтобы услышать себе или окончательно атрофироваться».

Bottle обозначает бутылку, контейнер для жидкости из пластика или стекла. На сленге обозначает алкоголь. Дело в том, что алкоголь продают в бутылках, поэтому произошел перенос понятия. «I wanna go with this **bottle** in my veins» – «Я хочу уйти с алкоголем в крови» или «Я хочу умереть с алкоголем в крови» (Из песни The Pretty Reckless «Death by Rock And Roll»).

To put something on a billboard можно перевести как «разместить что-то на рекламном щите». Рекламный щит обычно большого размера, его устанавливают вдоль дорог, в многолюдных местах. Трудно не обратить внимания на рекламный щит. Именно поэтому данное выражение на сленге обозначает «выставить что-то на показ» или «сделать что-то достоянием общест-венности». Обычно носит отрицательную окраску, так как имеется ввиду, что что-то, что не должно было демонстрироваться, было продемонстриро-вано. Fall Out Boy употребили данное выражение в песне «Bob Dylan». «Come down from your holy mountain. I'm down, I'm down **to put your shame on a billboard** for a second» – «Спустись со своего пьедестала. Я здесь, внизу, чтобы хоть на мгновение продемонстрировать твой позор человечеству».

Сокращения

– словослияние

Mighta состоит из слов *might have* и выражает возможность действия в прошлом. «I think I **mighta** got in a fight because my knuckles were bloody and I don't feel alright» – «Думаю, вчера я ввязался в драку. Мои костяшки разодраны, и я чувствую себя не очень» (Из песни Papa Roach «Be Free»).

C'mon – усечение от фразового глагола *come on*. Может выражать призыв к действию «давай!», «ну же!», недоверие или удивление, переводится как «появляться», «приближаться». «**C'mon, c'mon** with everything falling down around me I'd like to believe in all the possibilities» – «Ну же, вперед, когда все вокруг рушится, я хочу верить, что все в мире возможно» (Из песни Panic! At The Disco «C'mon»).

– усечение

Bld – представляет собой усечение от слова «boulevard» – бульвар, аллея, дорога для прогулок. Hollywood Undead в песне «Been to Hell» использовали усечение в строчке «We're all rollin' down the **bld**, full of pimps and sharks» – «Мы катимся вдоль бульвара, который полон сутенеров и мошенников».

Biz – это усечение от слова «business» – бизнес, дело. «I got yo back, you got my back and that's the **biz**» – «Я прикрываю тебя, а ты – меня. Это бизнес» (Из песни Papa Roach «Blood Brothers»).

Смешанный тип

A baller образовано при помощи изменения значения слова и суффикса существительного *-er*, который обозначает должность, название рода занятости, человека. Дело в том, что в Америке многие известные баскетболисты и футболисты были рождены и воспитаны в бедных семьях, например, Леброн Джеймс и Бэрн Дэвис. *A baller* – это человек, который вышел с самых низов, но сумел добиться успеха и славы. Такой человек ведет роскошный образ жизни и может многое себе позволить. «So many dollars stuffed in my wallet. Chain so bling yeah you know that I'm **a baller**» – «Мой кошелек полон денег. Цепочка блестит, ты же знаешь, что я богат» (Из песни Hollywood Undead «Apologize»).

A prep образовано при помощи изменения значения слова и усечения. Слово исходит от существительного «*preparation*», что значит приготовление. В школьной жизни слово используют для описания подготовки к урокам или экзаменам. *A prep* на сленге обозначает ботаника, заучку, того, кто только учится. «Hate the jocks, the **preps**, the hippie-f*ckin scumbags» – «Мы ненавидим качков, заучек и придурочных хиппи» (Из песни Blink 182 «Give Me One Good Reason»).

Звукоподражание

Buzz означает гудеть или жужжать, что пошло от жужжания пчел. Сейчас слово часто используется для обозначения любого шума или сплетен.

«My sunshine is a **buzz** and a light, I'll be singing out» – «Моя радость – это шум и свет, я буду петь» (Из песни Twenty one Pilots «Good Day»).

Boo на сленге означает неодобрение или освистывание. Слово произошло от звука, который издают зрители, когда недовольны спектаклем или представлением. Fall Out Boy употребили это слово в песне «Alpha Dog». «Clap until your hands hurt, standing ovations or **boos**» – «Хлопай, пока руки не заболят, аплодируй стоя или освистывай».

Zoom подражает звуку быстро движущегося автомобиля, который проносится мимо людей. На сленге означает шум, гул. «You can hear us comin' with the **zoom**. Listen to the «Boom, boom» we are breaking through» – «Ты можешь слышать наш гул. Слушай, мы врываемся с громким «Бум, бум»» (Из песни Fall Out Boy «Dear Future Self»).

Конверсия

A drop-out происходит от фразового глагола «to drop out», который означает выбывать, выпадать. Данное существительное приобретает значение фразового глагола и обозначает человека, который выпадает из определенного круга лиц, то есть, это отброс, отвергнутый, тот человек, который не подходит. Группа Blink 182 в песне «Pathetic» употребила слово в строчке «And I'll try not to argue. No one, no one, no one likes a **drop-out**» – «Я не буду спорить, потому что никому не нравятся отбросы».

To blackout происходит от существительного «blackout», которое означает затемнение или маскировку. Этот глагол означает уходить в тень, уходить в себя, замыкаться, прятаться. «I fall down and I **blackout**. I'm a closed down» – «Я падаю и прячусь. Я замкнут внутри самого себя» (Из песни Papa Roach «9th Life»).

Заимствования

Bong – заимствовали из тайского языка. Слово обозначает бамбуковую или водяную трубку. Это устройство для курения различных веществ, например, табака, конопли или марихуаны. Иногда слово может использоваться для обозначения одной затяжки. «Because I, I need to be stable ... Talking about my Jesus, my daddy, and **bongs**» – «Потому что мне нужно быть сильным ..., говоря о моем Боге, отце и бонге» (Из песни Papa Roach «829»).

Редупликация

Tip-top ранее обозначало, что у человека все хорошо. Данное значение появилось, когда благородные люди приподнимали и наклоняли (to tip) свою шляпу в знак того, что у них все хорошо. На сленге слово изменило свое значение и передает понятия успеха, вершины, триумфа. «Time is running out on my way to the **tip-top**» – «Время подходит к концу на моем пути к успеху» (Из песни Hollywood Undead «Dark Places»).

4. Заключение

Таким образом, анализ 150 сленговых единиц показал, самым продуктивным способом пополнения сленга является изменение значения слова.

Следует отметить, что в большинстве случаев слово приобретает негативную характеристику. Изменение значения слова, происходящее внутри слова, обусловлено прежде всего развитием новых значений слова в процессе переноса названия с одного предмета на другой по их сходству или по наличию устойчивых связей между ними.

Сокращения и смешанный тип словообразования являются менее продуктивными способами словообразования во всех рассматриваемых музыкальных жанрах. Во многих словах, которые были отнесены ко смешанному типу словообразования, одним из словообразующих компонентов было усечение. Сленг используется в разговорной речи, а разговорная речь стремится к упрощению. Чем быстрее, короче, но при этом ярко, мы высказжемся, тем лучше.

Самыми непродуктивными способами словообразования являются: аффиксация, словосложение, редупликация, рифмование. Данные способы словообразования делают слова громоздкими. Такие слова не часто используются в разговорной речи из-за своей сложности.

Исследование показало, что музыкальный жанр не влияет на выбор способа словообразования. Сленгизмы привносят в песенные тексты многообразие, свободу выражения и делают песенные тексты яркими и запоминающимися.

Очевидно, что сленгизмы возникают в любом языке непрерывно и динамично, соответственно нельзя говорить об исчерпывающем исследовании какого-либо аспекта в их изучении. Все это составляет перспективу исследований данного вопроса.

Список литературы

Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык / И. В. Арнольд. – Москва : Издательство «Флинта», 2002. – 309 с. – Текст : непосредственный.

Багдасарова, Э. В. Влияние хип-хоп сленга на развитие американского сленга / Э. В. Багдасарова. – Текст : непосредственный // Перевод и сопоставительная лингвистика. – 2016. – № 12. – С. 51–53.

Берестовская, Э. М. Молодежный сленг: формирование и функционирование / Э. М. Берестовская. – Москва : МГУ, 2012. – 354 с. – Текст : непосредственный.

Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – Москва : Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 457 с. – Текст : непосредственный.

Горшунов, Ю. В. Региональные и местные формы рифмованного сленга (на примере шотландского рифмованного сленга) / Ю. В. Горшунов. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2016. – № 4 (58). – С. 172–175.

Мазирка, И. О. Сленг на территории Британии в контексте проблем межкультурной коммуникации (на материале британских разновидностей сленга) / И. О. Мазирка. – Москва : Московский государственный областной университет, 2018. – 110 с. – Текст : непосредственный.

Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – Москва : Просвещение, 1985. – 399 с. – Текст : непосредственный.

Хомяков, В. А. Введение в изучение сленга – основного компонента английского просторечия / В. А. Хомяков. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. – 102 с. – Текст : непосредственный.

Decharne, M. *Vulgar Tongues: An Alternative History of English Slang* / M. Decharne. – New York : Pegasus Books, 2017. – 352 p. – Текст : непосредственный.

Redkozubova, E. A. Toxic discourse, language ecology and slang / E. A. Redkozubova. – Текст : непосредственный // Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – № 3. – С. 165–172.

The American Heritage Dictionary of the English Language. – Boston : Houghton Mifflin Harcourt, 2015. – 8652 p. – Текст : непосредственный.

Zhou, Y. Sociolinguistic Study of American Slang / Y. Zhou, Y. Fan. – Текст : непосредственный // *Theory and Practice in Language Studies*. – 2013. – Vol. 3(12). – P. 2209–2213.

Статья получена: 03.09.2023

Статья принята: 04.10.2023

WORD-FORMATION PECULIARITIES OF AMERICAN SLANG (BASED ON THE MATERIAL OF SONG TEXTS)

T. V. Anikina

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
anikishna@mail.ru

E. V. Golovina

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
elena.golovina.011@mail.ru

Abstract. The article deals with the study of word-formation features of American slang in song texts. Since slang carries expressive specificity, it is often used by songwriters to create an image or a certain atmosphere that is difficult to express without slang. Within the framework of this article, various approaches to the definition of slang are considered and its features are identified (use in oral speech, bright emotional coloring of slangisms, economy of speech effort). Next, the methods of formation of slang units are analyzed based on the song texts of popular American performers. The analysis is carried out on the material of various musical genres – rap, punk, pop music, hip-hop, rock. The study showed that the most productive way of word formation of slangisms is to change the meaning of the word, followed by abbreviations and the mixed type (a combination of different methods of word formation). The least productive methods of word formation are affixation, conversion, compounding and onomatopoeia.

Key words: slang, song text, musical genre, borrowings, word meaning changes, word formation methods.

References

Arnol'd, I. V. (2002). *Stilistika. Sovremennyy anglijskij jazyk* [Stylistics. Contemporary English]. Moscow: Flinta Publ.

Bagdasarova, E. V. (2016). Vliyanie khip-khop slenga na razvitie amerianskogo slenga [The influence of hip-hop slang on the development of American slang]. *Perevod i sopostavitel'naya lingvistika*, 12, 51–53.

Berestovskaya, E. M. (2012). *Molodezhnyj sleng: formirovanie i funkcionirovanie* [Youth slang: formation and functioning]. Moscow: MGU Publ.

Decharne, M. (2017). *Vulgar Tongues: An Alternative History of English Slang*. New York: Pegasus Books.

Gal'perin, I. R. (1958). *Oчерки по stilistike anglijskogo jazyka* [Essays on English Stylistics]. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannyh jazykah.

Gorshunov, Yu. V. (2016). Regional'nye i mestnye formy rifmovannogo slenga (na primere shotlandskogo rifmovannogo slenga) [Regional and local forms of rhyming slang (using the example of Scottish rhyming slang)]. *Politicheskaya lingvistika*, 4 (58), 172–175.

Homjakov V. A., (2009). *Vvedenie v izuchenie slenga – osnovnogo komponenta anglijskogo prostorechija* [Introduction to the study of slang: basic component of English vernacular]. Moscow: LIBROKOM Publ.

Mazirka, I. O. (2018). *Sleng na territorii Britanii v kontekste problem mezhkul'turnoy kommunikatsii (na materiale britanskikh raznovidnostey slenga)* [Slang on the territory of Britain in the context of problems of intercultural communication (based on the material of British varieties of slang)]. Moscow: Moscow State Regional University.

Redkozubova, E. A. (2021). Toxic discourse, language ecology and slang. *Gumanitarnye i social'nye nauki*, 3, 165–172.

Rozental, D. E. (1985). *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [The dictionary of linguistic terms]. Moscow: Prosveshenie.

The American Heritage Dictionary of the English Language. Retrieved from <https://studylib.net/doc/25726943/the-american-heritage-dictionary-of-the-english-language>.

Zhou, Y. & Fan, Y. (2013). Sociolinguistic Study of American Slang. *Theory and Practice in Language Studies*, 3(12), 2209–2213.

Submitted: 03.09.2023

Accepted: 04.10.2023

УДК 811.111'42

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭВФЕМИЗМОВ И ПРИЕМОВ ЭВФЕМИЗАЦИИ (НА ОСНОВЕ НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЫ)

Д. А. Диденко

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
daria.didenko.02@mail.ru

Е. В. Южанинова

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
elena-yuzh@yandex.ru

Аннотация. В статье представлена семантическая характеристика немецких политических эвфемизмов и классификация приемов эвфемизации. Целью данного исследования является выявление семантических особенностей немецких политических эвфемизмов, отобранных из текстов немецкоязычных средств массовой информации за последние пять лет (2018-2023 гг.). В ходе исследования были применены метод механической выборки, метод систематизации, структурный метод и метод компонентного анализа. В ходе анализа отобранных языковых единиц было выделено 4 тематических группы. Сделан вывод о том, что наиболее частотной группой эвфемизмов является «Деятельность органов власти, армии и полиции» (43,3% от общей выборки примеров), наименее частотной следует признать тематическую группу «Репрессивные действия власти» (5%). Анализ политических эвфемизмов по способу их образования показал, что в процессе эвфемизации используются разнообразные стилистические механизмы. Отобранные примеры систематизированы с точки зрения определённых стилистических фигур или тропов. Было установлено, что самый продуктивный способ образования эвфемизмов – это замена слова обобщенным названием (42,3% выборки). Показано, что наименее продуктивный способ образования политических эвфемизмов – это антифразис (3,3% выборки).

Ключевые слова: политический эвфемизм; речевой этикет; средства массовой информации; семантическая классификация; эвфемизация.

1. Введение

В настоящее время большой интерес для исследования представляют политические эвфемизмы, являющиеся неотъемлемой частью политической коммуникации и играющие важную роль в формировании общественного мнения [Ванюшина, 2011; Донской, 2002; Кара-Мурза, 2009; Кипрская, 2005; Крысин, 2016; Миронина, 2010; Москвин, 2016; Торопцева, 2003;

Bechmann, 2016; Halmari, 2011; Koretskaya, 2021; Wu, 2023; Zhao, 2010]. Эвфемизмы, представляющие собой «отражение нравственной и духовной культуры, ценностных установок, особенностей мышления и мировоззрения отдельной личности и этнокультурной общности», служат для уменьшения негативного воздействия некоторых политически острых тем и смягчения тона коммуникации [Мухамедьянова, 2005, с. 19]. При этом, политические эвфемизмы могут использоваться для манипулирования общественным мнением и искажения фактов. Таким образом, исследование данной темы позволяет лучше понять механизмы воздействия на массовое сознание.

2. Материал и методика исследования

В качестве материала для исследования послужили 60 примеров употребления политических эвфемизмов, отобранных методом сплошной выборки из электронных источников газетных текстов немецкого языка (Welt.de, Taz.de) за период с 2018 по 2023 год. В работе используется методика исследования эвфемизмов с применением методов семантического и стилистического анализа.

3. Анализ

В настоящем исследовании эвфемизм определяется как «универсальное лингвистическое явление, которое обычно обуславливается социально-историческими и морально-этическими нормами, национальными и языковыми традициями того или иного общества» [Кипрская, 2005, с. 9]. По мнению Т. В. Жеребило, эвфемизм понимается как единица языка и речи: «Эвфемизмы в узком значении слова – это лексические единицы, употребляемые вместо грубых, некультурных слов. Эвфемизмы в широком понимании – это единицы, ориентированные на замену некультурных слов, словосочетаний, предложений, фрагментов текста более культурными, более грубых наименований менее грубыми, смягчающими, прямых наименований вуалирующими, иносказательными, откровенных, прямых названий более скромными, сдержанными, не затрагивающими чести и достоинства человека, замену прямых названий наименованиями более общего характера, применение намеков вместо прямых номинаций с целью дипломатии, использование недоговоренностей, словесного «камуфляжа», выражений, имеющих неопределенный общий смысл» [Жеребило, 2010, с. 462]. Использование эвфемизмов обусловлено необходимостью быть корректным по отношению к собеседнику и соблюдать речевой этикет, под которым понимается «общепринятая совокупность правил речевого поведения, соблюдение которых является обязательным для участников социальных отношений» [Донской, 2002, с. 22].

По утверждению лингвистов, понятие эвфемии тесно связано с понятием коммуникативного табу. Л. П. Крысин называет табуизмами или табуированной лексикой такие слои лексики в языке, которые являются табу

«по соображениям религиозным, мистическим, моральным, по политическим соблюдениям хорошего вкуса в обществе или в каких-то его слоях, либо при конкретных ситуациях» [Крысин, 1994, с. 31]. Можно считать, что «эвфемизм служит языковым воплощением табу, позволяющим избегать прямого, запретного наименования, но отражающим суть описываемого явления» [Ванюшина, 2011, с. 7]. Между тем, В. Ф. Донской полагает, что эвфемизмы находятся с табу в причинно-следственных отношениях. Это значит, что если не было бы табу, то не было бы необходимости в возникновении эвфемизмов [Донской, 2002].

Политические эвфемизмы широко представлены в языке средств массовой информации (СМИ), которые являются значительной частью образовательной, культурной и духовной жизни каждого современного общества. Именно в языке СМИ мгновенно становятся видимыми социальные и культурные изменения в обществе, появляются и закрепляются в языке новые слова, понятия и выражения. Поскольку главными целями газетно-публицистического стиля является передача информации о последних актуальных событиях в стране и мире и воздействие на аудиторию [Тепляшина, 2014, с. 94], то политические эвфемизмы могут оказывать непосредственное влияние на формирование общественного мнения. Как отмечает Н. А. Ванюшина, политические эвфемизмы выполняют преимущественно прагматическую функцию, их употребление ориентировано на сокрытие неприятных фактов действительности [Ванюшина, 2011, с. 9].

Таким образом, на сегодняшний день процесс эвфемизации играет значительную роль в социально-важных темах, так как он отражает стремление общества к более толерантному и дипломатичному общению. В семантической классификации Л. П. Крысина выделяются следующие темы:

- 1) Сфера дипломатии. Дипломатам и политикам в силу специфики своей не принято использовать лишь прямые номинации. В этой сфере невозможно обойтись без намеков, перефразы и недоговорённостей.
- 2) Репрессивные действия власти.
- 3) Деятельность органов власти, а также армии и полиции.
- 4) Отношения между различными национальными и социальными группами, статус этих групп [Крысин, 2016, с. 280].

В. П. Москвин предлагает классификацию эвфемизмов по способу их образования, т.е. приемов эвфемизации:

- 1) эвфемизация на основе нарочито двусмысленной речи (метафора, антифразис);
- 2) эвфемизация на основе нарочитой неясности (замена слова именованием соответствующего родового понятия, эллипсис);
- 3) эвфемизация на основе нарочито неточной речи (перенесение с вида на вид, мейозис);
- 4) иноязычия [Москвин, 2016, с. 110].

На основе указанных выше классификаций нами были проанализированы отобранные примеры политических эвфемизмов. В ходе исследования нами были выделены 4 основные тематические группы политических эвфемизмов.

Результаты анализа отображены в таблице «Семантическая классификация политических эвфемизмов» (см. табл. 1).

Таблица 1 – Семантическая классификация политических эвфемизмов

Название группы	Процент
Деятельность органов власти, армии, полиции	43,3%
Сфера дипломатии	41,6%
Отношения между национальностями или социальными группами	10%
Репрессивные действия власти	5%

СМИ часто используют эвфемизмы при освещении важных политических событий, таких как выборы, военные операции и т.д. Это связано с явлением политической корректности, толерантности, а также стремлением к сокрытию информации. Например, вместо слова "война" могут использовать более мягкий термин "военная операция". Данную мысль можно подтвердить примером из газеты «Welt.de»:

IS-Anführer bei US-Militäroperation in Somalia getötet (<https://www.welt.de/politik/ausland/article243458971/IS-Anfuhrer-bei-US-Militaeroperation-in-Somalia-getoetet.html>). – Лидер Исламского Государства убит в ходе военной операции США в Сомали.

В данном примере заменено слово «*der Krieg*» (война) на эвфемизм «*Militäroperation*», потому что слово «война» обычно воспринимается обществом как крайняя мера, которая сопряжена с большими жертвами и страданиями. Военная операция же может быть представлена как временное, целевое и более гуманное действие, что позволяет смягчить отрицательное общественное мнение и снизить давление на правительство. Данный пример освещает эвфемизацию внешнеполитических событий в сфере дипломатии, конкретно задевает военные действия, которые, на сегодняшний день, находятся под особым вниманием прессы.

Следующий пример также охватывает внешнеполитическую сферу, характеризует напряженные отношения между европейскими государствами, входящими в состав неформального международного клуба «Большая семёрка», и Китаем:

Die Gruppe hatte China wirtschaftliche Zwangsmaßnahmen vorgeworfen (<https://taz.de/Selenski-auf-dem-G7-Gipfel/!5933147/>). – Группа (она же «Большая семёрка») обвинила Китай в экономических мерах принуждения.

В данном примере используется эвфемистическое словосочетание wirtschaftliche Zwangsmaßnahmen, что в переводе на русский обозначает

«экономические меры принуждения». Термин "экономические меры принуждения" используется как более общее и объективное определение вместо «санкций» (нем. *Sanktionen*). Это связано с тем, что экономические меры принуждения охватывают широкий спектр различных действий, направленных на ограничение или изменение экономической деятельности страны. В то время как санкции обычно ассоциируются с негативными последствиями и понимаются как наказание со стороны одного государства другого. Кроме того, использование термина "экономические меры принуждения" может быть более приемлемым в международных отношениях, так как оно позволяет сохранить дипломатическую нейтральность и не делает акцент на дискриминирующем характере санкций (<https://taz.de/>).

Следующий пример иллюстрирует репрессивные действия властей чужой страны:

Die Terroristen des ukrainischen Regimes haben versucht, Alexander Dugin zu liquidieren und haben seine Tochter in die Luft gesprengt...» (<https://taz.de/Nachrichten-zum-Ukrainekrieg-/15875808/>). – Террористы украинского режима пытались ликвидировать Александра Дугина и взорвали его дочь...

Данные действия отражаются на жизни и здоровье деятелей, с определёнными политическими взглядами. В данном заголовке используется эвфемизм «*liquidieren*» (ликвидировать), вместо некорректного слова «*töten*» (убить). Слово "ликвидировать" обладает более нейтральным значением и может иметь разные оттенки.

Во-первых, "ликвидировать" может означать не только убийство, но и нейтрализацию или устранение опасности или угрозы.

Во-вторых, это слово часто используется в официальных, юридических или политических контекстах, где более грубое слово "убить" может быть нежелательным или неприемлемым.

В-третьих, "ликвидировать" может обозначать деятельность специальных служб или военных, которые выполняют свою миссию в рамках закона или военного задания, в то время как "убить" является более общим понятием, которое не имеет оправдания в рамках закона. Данный пример иллюстрирует репрессивные действия украинской власти по отношению к гражданам Российской Федерации (<https://taz.de/>).

Отношения между разными национальностями демонстрирует пример из статьи газеты «Taz.de», суть которой заключается в том, что женщины, чьи права ущемляются в Иране, яростно борются за них. Некоторые женщины бегут из страны в Европу за «западными» ценностями, которые кажутся им справедливыми, но и на западе беженцам не оказывают должного внимания, так как эмигранты из Ближнего Востока имеют совершенно иное мировоззрение, ценности и культуру. Ср.:

Völlig absurd, wenn man bedenkt, dass in ihrer rechtsextremen Ideologie alle aus Europa geworfen werden sollen, die nicht in den europäischen Kulturkreis passen, und dass diese Gruppen seit Jahr und Tag gegen Geflüchtete aus

der Region des sogenannten Nahen Ostens hetzen (<https://taz.de/Feministische-Proteste-in-Iran/!5916133/>). – Совершенно абсурдно, если учесть, что их крайне правая идеология направлена на то, чтобы изгнать из Европы всех, кто не вписывается в европейский культурный круг, и что эти группы годами и днями борются с беженцами из так называемого ближневосточного региона.

Данный пример иллюстрирует неблагоприятное отношение европейских правительств и самих европейцев к выходцам из ближневосточного региона и объясняет наличие межнациональных конфликтов между европейцами и представителями национальностей Передней Азии.

В немецкой ежедневной газете «Taz.de» была опубликована статья «*Verfassung reif für die Rente*» (Конституция созрела для пенсии), которая посвящена французской пенсионной реформе, реакция на которую была неоднозначной со стороны членов Парламента Франции:

Der rechtsextreme Rassemblement National (RN) wettet im Parlament gegen die Rentenreform, will es sich aber nicht mit seinen vielen Wähler:innen (<https://taz.de/Politische-Krise-in-Frankreich/!5933064/>). – Крайне правое национальное объединение (РН) выступает в парламенте против пенсионной реформы, и не хочет портить отношения со своими многочисленными избирателями.

Неоднозначная реакция на эту реформу совершенно ясна, ведь под эвфемизмом *die Rentenreform* (пенсионная реформа) понимается *Kürzung der Rentenleistungen* (сокращение пенсионных пособий) и *Erhöhung des Rentenalters* (повышение пенсионного возраста) (<https://taz.de/>).

В одноимённой газете выпущена статья, посвящённая повышению государственного долга в Соединённых Штатах Америки. В статье описываются переговоры американских политиков о сокращении государственных расходов:

Auch wenn letzte Details zum Deal und die genaue Position des Weißen Hauses unklar blieben, sprach McCarthy davon, dass sich die Demokraten zu historischen Ausgabenkürzungen bereit erklärt hätten und der Text keine neuen Steuern oder Regierungsprogramme enthalte (<https://taz.de/Verhandlungen-zu-US-Schuldenobergrenze/!5937083/>). – Хотя окончательные детали сделки и точная позиция Белого дома оставались неясными, Маккарти говорил о том, что демократы согласились на историческое сокращение расходов и что текст не включает никаких новых налогов или правительственных программ.

В данном высказывании используется эвфемизм *historischen Ausgabenkürzungen* (историческое сокращение расходов), под которым понимается не реальное сокращение расходов, а дополнительная печать долларовых купюр. Таким образом, расходы не сокращаются, а поднимается «потолок» допустимых государственных трат. Приведённые выше два примера в полной мере иллюстрируют деятельность органов государственной власти.

Таким образом, в ходе исследования было определено, что наиболее частотными семантическими группами эвфемизмов являются «Деятельность органов власти, армии и полиции» и «Дипломатическая сфера», наименее частотной следует признать тематическую группу «Репрессивные действия власти».

Как указывалось выше, эвфемизмы, являясь неотъемлемой частью лексической системы любого языка, отражают тенденцию к языковому смягчению или уклонению от прямого выражения нежелательных, неприятных или табуированных понятий. При образовании эвфемизмов используются разнообразные стилистические механизмы. Для определения способа образования отобранных примеров политических эвфемизмов был проведён анализ на основе описанной ранее классификации В. П. Москвина, в которой он предлагает систематизировать эвфемизмы с точки зрения определённых стилистических фигур или тропов. Отобранные языковые единицы были распределены на 6 групп. Полученные результаты представлены в таблице «Классификация политических эвфемизмов по способу образования» (см. табл. 2).

Таблица 2 – Классификация политических эвфемизмов по способу образования

Название группы	Процент
Замена обобщением	42,3%
Мейозис	28,1%
Метафора	10%
Иноязычия	10%
Эллипсис	6,3%
Антифразис	3,3%

Данную классификацию проиллюстрируем следующими примерами

В статье немецкой газеты «Taz.de» представлен такой пример:

Die Stadt ist nur 45 Kilometer von Bachmut entfernt, derzeit der heißeste Punkt an der Front (<https://taz.de/Slowjansk-nach-einem-Raketenangriff!/5928203/>). – Город находится всего в 45 километрах от Бахмута, который в настоящее время является самой горячей точкой на линии фронта.

Эвфемизм «*der heißeste Punkt*» является метафорой, который сравнивает место, в котором ожесточённо проходят военные сражения, с горячей точкой (<https://taz.de/>).

В статье, которая посвящена конфликту на севере Косово, был выделен такой пример:

Um so verwunderlicher ist es, dass seit einigen Monaten Diplomaten der EU und der USA die linke Reformregierung im Kosovo zu Kompromissen zwingen wollen» (<https://taz.de/Konflikt-im-Norden-des-Kosovo!/5934956/>). – Тем более удивительно, что в течение нескольких месяцев дипломаты ЕС и США

пытались заставить левое реформаторское правительство Косово пойти на компромисс.

В данном примере используется приём антифразиса, суть которого заключается в высказывании противоположного тому, что подразумевается. В контексте становится очевидно истинное намерение употребления эвфемизма: под словом «компромисс» подразумевается выполнение исключительно условий США.

Следующий пример посвящён роли Запада в регуляции отношений между Россией и Украиной:

Kujiv sei zu einer Geisel und Verhandlungsmasse der westlichen Herren geworden (<https://taz.de/Gedenken-zum-9-Mai/!5933094/>). – Киев превратился в заложника и переговорную площадку для западных господ.

Словосочетание «westlichen Herren» является обобщённой эвфемистической конструкцией, под «западными господами» подразумеваются руководители Европейского союза и президент Соединённых Штатов Америки (<https://taz.de/>).

Von daher wird Deutschland jede Hilfe leisten, die es leisten kann – «as long as it takes» – so lange dies nötig sei, ergänzte Pistorius (<https://taz.de/Ruestungspaket-fuer-die-Ukraine/!5934218/>). – Поэтому Германия будет оказывать всю возможную помощь – до тех пор, пока это необходимо“ – до тех пор, пока это будет необходимо, добавил Писториус.

В этом примере раскрывается суть стилистического тропа – эллипсис. В статье, которая описывает военные действия на Украине, говорится, что Германия будет оказывать Украине всю необходимую помощь. Но из контекста понятно, что Германия намерена предоставлять Украине именно военную помощь. Слово «военная» в данной ситуации было опущено, чтобы в более корректной форме донести информацию для читателей.

В статье, характеризующей напряжённую политическую ситуацию во всём мире, приведён пример, в котором присутствует стилистический троп – мейозис:

Nach ihrem völkerrechtswidrigen, als «humanitäre Intervention» gerechtfertigten Luftkrieg gegen Serbien im Frühjahr 1999 machte sich die Nato in ihrem im selben Jahr veröffentlichten sechsten Strategiekonzept einen erweiterten Sicherheitsbegriff zu eigen (<https://taz.de/Neues-strategische-Konzept-der-Nato/!5864774/>). – После своей воздушной войны против Сербии, противоречащей международному праву и оправданной как гуманитарная интервенция весной 1999 года, НАТО в своей шестой стратегической концепции, опубликованной в том же году, приняла расширенный подход к безопасности.

Данный пример отображает явное преуменьшение военного вторжения Вооружённых Сил США на территорию Сербии. В нём используется словосочетание «humanitäre Intervention» (гуманитарная интервенция), которое,

на наш взгляд, совершенно неуместно, потому что в 1999 году США проводило настоящую военную операцию на территории южно-европейского государства.

Нужно отметить, что в немецкой прессе используются иноязычия в качестве эвфемистических конструкций. Например, в статье известной немецкой газеты «Welt.de», которая посвящена военному конфликту в Судане, используется английское слово «Engagement», которое означает «участие»:

Der Abzug von Hilfskräften aus dem Sudan ist ein weiterer Tiefpunkt des europäischen Engagements in Afrika» (<https://www.welt.de/politik/ausland/plus245010458/Afrika-Was-Frankreichs-Rueckzug-als-Ordnungsmacht-bedeutet.html>). – Вывод гуманитарной помощи из Судана – это еще одна низкая точка европейского участия в Африке.

В немецком языке существует тенденция использовать в газетных статьях иноязычные слова, чтобы отвлечь внимание читателей от серьезности ситуации, т.к. многие иностранные слова не закреплены в языке. В данном случае авторы статьи использовали вместо прямолинейного немецкого слова «Eingriff» (вмешательство) – английское слово «Engagement», которое является здесь эвфемизмом.

Подводя итог, следует отметить, что наиболее продуктивным способом образования эвфемизмов является замена слова обобщенным названием, продуктивность данного способа составляет 42,3%. Следующим по частотности является стилистический троп – мейозис, его продуктивность – 28,1%. Равное распространение имеют иноязычные слова и метафора (по 10%). 6,3% из отобранных примеров составляет эллипсис. Наименее продуктивным способом образования политических эвфемизмов можно признать антитефразис (3,3% выборки).

4. Заключение

Таким образом, исследование показало, что наиболее частотной семантической группой являются эвфемизмы, описывающие деятельность органов власти, армии и полиции (43,3% от общей выборки примеров). Среди способов образования эвфемизмов можно назвать самым продуктивным замену слова наименованием соответствующего родового понятия (42,3% выборки примеров). Можно сделать вывод о том, что политические эвфемизмы – это важный инструмент для эффективной коммуникации в политике и сфере средств массовой информации, но их использование должно быть умеренным и не должно нарушать этические и моральные нормы.

Список литературы

Ванюшина, Н. А. Семантическая и прагматическая характеристики эвфемизмов в современных немецких и российских печатных СМИ : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореферат диссертации на соискание ученой

степени кандидата филологических наук / Ванюшина Наталья Анатольевна ; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2011. – 23 с. – Текст : непосредственный.

Донской, В. Ф. О табу и эвфемизмах / В. Ф. Донской. – Иркутск : Наука, 2002. – 175 с. – Текст : непосредственный.

Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Назрань : Пилигрим, 2010. – 487 с. – Текст : непосредственный.

Кара-Мурза, С. Манипуляция сознанием / С. Кара-Мурза. – Москва : Эксмо, 2009. – 864 с. – Текст : непосредственный.

Кипрская, Е. В. Политические эвфемизмы как средство камуфлирования действительности в СМИ (на примере конфликта в Ираке 2003-2004 гг.) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кипрская Екатерина Викторовна ; Удмуртский государственный университет. – Ижевск, 2005. – 20 с. – Текст : непосредственный

Крысин, Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин. – Москва : Языки русской культуры, 2016. – 408 с. – Текст : непосредственный.

Миронина, А. Ю. Эвфемизм как явление языка и культуры (лингвистический и лингвокультурологический анализ) / А. Ю. Миронина. – Текст : непосредственный // Вестник ВятГУ. – 2010. – № 2. – С. 85–87.

Москвин, В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка / В. П. Москвин. – Москва : Ленанд, 2016. – 264 с. – Текст : непосредственный.

Мухамедьянова, Г. Н. Эвфемия в общественно-политической лексике : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Мухамедьянова Гульшат Насибулловна ; Уфимский государственный институт сервиса. – Уфа, 2005. – 194 с. – Текст : непосредственный.

Тепляшина, А. Н. Этический базис профессиональной культуры журналиста / А. Н. Тепляшина. – Текст : непосредственный // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – 2014. – № 6. – С. 93–96.

Торопцева, Е. Н. Эвфемистические наименования в аспектах языка, истории и культуры: 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Торопцева Екатерина Николаевна ; Московский государственный областной университет. – Москва, 2003. – 193 с. – Текст : непосредственный.

Bechmann, S. Sprachwandel-Bedeutungswandel: Euphemismen und Bedeutungsverschlechterung / S. Bechmann. – Tübingen : Narr Francke Attempto Verlag, 2016. – 324 S. – Текст : непосредственный.

Halmari, H. Political correctness, euphemism, and language change: The case of 'people first' – Текст : непосредственный // Journal of Pragmatics. – 2011. – Vol. 43(3). – P. 828–840.

Koretskaya, O. V. On Some Political Euphemisms in the Post-Truth Era (a Case Study of the English Language). – Текст : непосредственный // Linguistics & Polyglot Studies. – 2021. – Vol. 7(3). – P. 16–23.

Wu, Y. Formation of political euphemisms: Stages, methods, dynamics / Y. Wu. – Текст : непосредственный // Philology Theory & Practice. – 2023. – Vol. 16(5). – P. 1411–1415.

Zhao, X. Study on the Features of English Political Euphemism and its Social Functions / X. Zhao, J. Dong. – Текст : непосредственный // English Language Teaching. – 2010. – Vol. 3(1). – P. 118–121.

Получена: 15.09.2023

Принята: 19.10.2023

SEMANTIC CHARACTERISTICS OF POLITICAL EUPHEMISM AND EUPHEMIZATION TECHNIQUES (BASED ON GERMAN PRESS)

D. A. Didenko

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
daria.didenko.02@mail.ru

E. V. Yuzhaninova

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
elena-yuzh@yandex.ru

Abstract: The article deals with the semantic characteristics of German political euphemisms and the classification of euphemization techniques. The purpose of this study is to identify the semantic features of German political euphemisms selected from texts in German-language media over the past five years (2018-2023). During the study, the mechanical sampling method, systematization method, structural method and component analysis method were used. During the analysis of the selected language units, 4 thematic groups were identified. It was concluded that the most frequent group of euphemisms is "Activities of authorities, army and police" (43.3% of the total sample of examples), the least frequent is the thematic group "Repressive actions of authorities" (5%). An analysis of political euphemisms based on the method of their formation showed that various stylistic mechanisms are used in the process of euphemization. The selected examples are systematized from the point of view of certain stylistic

figures or tropes. It was found that the most productive way of forming euphemisms is replacing a word with a general name (42.3% of the sample). It is shown that the least productive way of forming political euphemisms is antiphrase (3.3% of the sample).

Key words: political euphemism; speech etiquette; mass media; semantic classification; euphemization.

References

Bechmann, S. (2016). *Sprachwandel-Bedeutungswandel: Euphemismen und Bedeutungsverschlechterung*. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag.

Vanyushina, N. A. (2011). *Semanticheskaja i pragmaticheskaja harakteristiki evfemizmov v sovremennyh nemezkih I rossijskih pechatnyh SMI* [Semantic and pragmatic characteristics of euphemisms in modern German and Russian print media] [Candidate dissertation, Volgograd State Pedagogic University].

Donskoy, V. F. (2002). *O tabu i evfemizmah* [About taboos and euphemisms]. Irkutsk: Nauka.

Halmari, H. (2011). Political correctness, euphemism, and language change: The case of 'people first'. *Journal of Pragmatics*, 43(3), 828–840.

Kara-Murza, S. (2009). *Manipuljacija soznaniem* [Manipulation of consciousness]. Moscow: Eksmo.

Kiprskaya, E. V. (2005). *Politicheskie evfemizmy kak sredstvo kamuflirovanija dejstvitel'nosti v SMI (na primere konflikta v Irake 2003-2004 gg.)* [Political euphemisms as a means of camouflaging reality in the media (using the example of the conflict in Iraq 2003-2004)] [Candidate dissertation, Udmurt State University].

Koretskaya, O. V. (2021). On Some Political Euphemisms in the Post-Truth Era (a Case Study of the English Language). *Linguistics & Polyglot Studies*, 7(3), 16–23.

Krysin, L. P. (2016). *Evfemizmy v sovremennoj russkoj rechi* [Euphemisms in modern Russian speech]. Moscow: Languages of Russian Culture.

Mironina, A. Yu. (2010). *Evfemizm kak javlenie jazyka i kul'tury (lingvisticheskij i lingvokul'turologicheskij analiz)* [Euphemism as a phenomenon of language and culture (linguistic and linguocultural analysis)]. *Herald of Vyatka State University*, 2, 85–87.

Moskvin, V. P. (2016). *Evfemizmy v leksicheskoy sisteme sovremennogo russkogo jazyka* [Euphemisms in the lexical system of the modern Russian language]. Moscow: Lenand.

Mukhamedyanova, G. N. (2005). *Evfemija v obshhestvenno-politicheskoj leksike* [Euphemism in socio-political vocabulary] [Candidate dissertation, Ufa State Institute of Service].

Teplyashina, A. N. (2014). *Eticheskij bazis professional'noj kul'tury zhurnalista* [Ethical basis of professional culture of a journalist]. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University*, 6, 93–96.

Toroptseva, E. N. (2003). *Eufemisticheskie naimenovanija v aspektah jazyka, istorii i kul'tury* [Euphemistic names in aspects of language, history and culture] [Candidate dissertation, Moscow State Regional University].

Wu, Y. (2023). Formation of political euphemisms: Stages, methods, dynamics. *Philology Theory & Practice*, 16(5), 1411–1415.

Zhao, X. & Dong, J. (2010). Study on the Features of English Political Euphemism and its Social Functions. *English Language Teaching*, 3(1), 118–121.

Zherebilo, T. V. (2010). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Nazran: Pilgrim.

Submitted: 15.09.2023

Accepted: 19.10.2023

ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ В ВЫСТУПЛЕНИЯХ КАНЦЛЕРА ФРГ АНГЕЛЫ МЕРКЕЛЬ

И. П. Зырянова

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
zyryanovairena@gmail.com

Аннотация. Настоящая работа посвящена исследованию категории политкорректности, ее социальных и политических истоков. Данный вопрос вызывает широкий интерес среди лингвистов, что обуславливает актуальность данного направления исследования. В статье анализируются особенности данной категории в выступлениях канцлера ФРГ Ангелы Меркель, опубликованных в качественной немецкой прессе и на официальных сайтах с 2016 по 2019 гг. Для изучения данных прецедентных феноменов применялись следующие методы: описательный метод, метод сплошной выборки, метод классификации, метод дискурсивного анализа, метод статистической и типологической обработки полученных данных. В результате проведенного исследования выявлены следующие тематические группы лексики: социальная, гендерная, профессиональная, политическая, национальная, этическая, физическая. Каждая из представленных групп изучена с точки зрения наличия политически корректных и некорректных высказываний.

Ключевые слова: политический дискурс, политкорректность, политический лидер, А. Меркель, политический дискурс Германии

1. Введение

«Политкорректность» происходит от английского «political correctness». В своем обычном понимании этот термин представляет собой завуалированную игру, отличающуюся проявлением абсолютной вежливости, в которой происходит замена одного слова другим, более подходящим и не задевающим чувства слушателя [Гуманова, 1999, с. 3].

Понятие «политкорректность» в своем современном значении появилось в Соединенных Штатах Америки в 70-80-х годах XX века. В 1990-е «политкорректностью» стали называть *neutral language*, обозначающий язык говорящих, которые стремятся избежать определенных выражений или слов, задевающих чувства отдельных групп людей, которые объединены между собой национальными, половыми или возрастными особенностями.

Многие исследователи считают, что политкорректность возникла и распространилась в Америке среди студентов, обучающихся в колледжах и университетах. Причиной послужили этническое и культурное многообразие студенческих групп.

Так, С. Г. Тер-Минасова говорит о «мощной культурно-поведенческой и языковой тенденции, получившей название «политическая корректность»,

которая отличается стремлением поиска новых способов лексического выражения вместо тех, которые способны обидеть окружающих людей привычной языковой бестактностью в отношении расы, пола, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида человека и др.» [Тер-Минасова, 2002, с. 6]. Уже в 90-ые гг. XX в. понятие политкорректности оформилось и приобрело свое окончательное значение, совпадающее с современным значением. Данный термин выражался следующими понятиями в английском языке: *inclusive* или *neutral language* [Тер-Минасова, 2000, с. 6].

Следует отметить, что политическая корректность является культурной и языковой категорией, что позволяет ее рассматривать с двух позиций:

1) с точки зрения культуры и социума. Политкорректность является системой взаимосвязанных либеральных воззрений, которые защищают равноправие всех членов общества. Она должна устранять укоренившиеся в обществе отрицательные стереотипы в отношении к определенным социальным группам и должна формировать новую культуру поведения, позволяющую избегать конфликтов в межличностном и межкультурном общении;

2) с точки зрения языка. Политкорректность является концепцией, согласно которой язык необходимо освободить от всех слов и выражений, которые несут оскорбительную или унижительную человеческое достоинство функцию. Она способна создать для людей, ведущих диалог, оптимальную стратегию речевого поведения в конфликтных ситуациях. При этом политическая корректность стремится защитить дискриминируемые объекты средствами языка [Шляхтина, 2009, с. 29].

Значение политкорректности определяется существующими в обществе на данной ступени развития культурными и языковыми нормами и может быть определено следующим образом: “чужой” (лицо иной национальности, цвета кожи, пола, внешнего вида, социального статуса) ассимилируется путем преобразования языкового кода как “близкий, свой”. Данный концепт антропоцентричен, поскольку денотатом является человек [Панин, 2004, с. 64].

Согласно В. В. Панину политическая корректность, являясь системой норм и правил, принятых в обществе, направлена на преодоление негативных предрассудков по отношению к дискриминируемым группам людей: сексуальные меньшинства, инвалиды, пожилые, люди с нестандартной внешностью или низкого социального статуса и др [Панин, 2004, с. 65]. Данные нормы реализуются при помощи:

а) введения программ “позитивных действий”. Она предусматривает льготы для представителей меньшинств при поступлении в учебные заведения и приеме на работу;

б) введения специальных речевых кодексов, запрещающих оскорбления и выпады в сторону различных меньшинств;

с) принятия идей мультикультурализма. Отказ от признания западно-европейской культуры в качестве образца для подражания.

А. Ю. Палкин считает, что политкорректность – это средство построения толерантного общества, живущего в соответствии с демократическими принципами и ценностями. Преобразования в языке являются первым и основным этапом изменений, поскольку язык – основное средство общения между людьми, позволяющее выразить отношение человека к другому индивиду или группе индивидов [Палкин, 2007, с. 145].

Д. Е. Циммер понимает под «политкорректностью» желание отразить в речи позитивное отношение к жертвам дискриминации. Он призывает перестать употреблять в своей речи любые определения, которые могут обидеть и унижить жертв дискриминации, напомнить им о «недостатках» [Zimmer, 1998, с. 133].

После окончания Второй мировой войны в Германии начались лингвистические исследования и были предприняты первые попытки очищения языка от нацистского наследия.

С. В. Погорельская считает, что потребность немцев в политкорректности возникла во время объединения Германии, когда речь зашла о необходимости «возвращения к нормальности» [Погорельская, 2010, с. 51]. Но полномасштабную языковую политкорректность активизировало желание ФРГ войти в Европейский Союз с его желанием добиться «открытых границ без ксенофобии и расизма» и дальнейший приток мигрантов из стран третьего мира [Zimmer, 1998, с. 159]. В Федеративной Республики Германии феномен политкорректности в 90-е годы стал фактором общественной жизни, политики, науки и языка. Материальная, политическая и духовная зависимость Германии от США привела к американизации многих сфер жизни общества, что проявилось в заимствовании не только лексики, но и образа мыслей, что привело к переосмыслению и переоценке немецких слов, корректировке языковой нормы [Wierlemann, 2002, с. 104].

Хотя феномен политкорректности вызывает широкий интерес лингвистов [Бондаренко, 2012; Бондаренко, 2012; Данчук, 2020; Дьяченко, 2014; Карпухина, 2018; Кауфова, Кауфова, 2017; Кондакова, Принципалова, 2021; Кузнецова, 2016; Лакофф, 2014; Лукавченко, 2008; Майба, 2012; Романова, 2015; Чигашева, 2020], представляется интересным изучение феномена политкорректности в речи политиков, представляющих страну на мировой арене. Так, в настоящем исследовании проанализированы выступления бывшего канцлера ФРГ Ангелы Доротеи Меркель, первой и пока единственной женщины занимающей данный пост.

2. Методы и материал исследования

Материалом для исследования послужили публикации, размещенные в интернет-версиях немецких газет и журналов в период с 2016 по 2019 гг. (перечень указан в списке источников). Итоговая выборка составила 100 высказываний. Анализ практического материала позволил выявить ряд групп,

в рамках которых мы зафиксировали проявление политкорректности или ее нарушение. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Соотношение (не)политкорректных высказываний в выступлениях канцлера Германии Ангелы Меркель

Название группы	Всего	Процентное соотношение
Политическая	36	36%
политкорректные	35	90%
неполиткорректные	1	10%
Этическая	16	16%
политкорректные	15	90%
неполиткорректные	1	10%
Отношения с Россией	14	14%
политкорректные	13	90%
неполиткорректные	1	10%
Национальная	7	7%
политкорректные	7	100%
неполиткорректные	0	0%
Профессиональная	5	5%
политкорректные	5	100%
неполиткорректные	0	0%
Гендерная	4	4%
политкорректные	3	90%
неполиткорректные	1	10%
Физическая	3	3%
политкорректные	3	100%
неполиткорректные	0	0%
Социальная	15	3%
политкорректные	15	100%
неполиткорректные	0	0%
Итого		100%

3. Анализ политкорректности в выступлениях А. Меркель

Наиболее частотная группа связана с политической политкорректность, она составляет 35%. Сюда мы включили высказывания, связанные с политическими высказываниями канцлера и средствами, которыми она при этом использовала (например, *auf den Tisch legen*, *Status Quo*).

Следующая группа – это этическая политкорректность, она составляет 16%. В эту группу мы включили просторечную лексику, вульгаризмы и высказывания с неоднозначным смыслом (в частности, *Juden*, *Neuland*).

Следующую группу мы обозначили как – отношения с Россией. Она составляет 14%. В эту группу мы включили высказывания, связанные с Россией (например, *Russland muss wissen, die von Russland hervorgerufen wurden*).

Социальная политкорректность насчитывает 15 % высказываний. Сюда мы включили высказывания, связанные с мигрантами и беженцами (в частности: Flüchtlinge, Asylbewerber). Здесь же представлены выражения, изображающие социальную ситуацию в Европе (например: humanitäre Notlage, Arbeitslose).

Следующая группа – примеры национальной политкорректности, составляющие 7%. Сюда мы включили высказывания, связанные с национальностью (к ним относятся: syrische Mitbürger, Europäer).

Гендерная политкорректность составляет 4%. Сюда мы включили высказывания, связанные с обращением и гендерными различиями (например, Damen und Herren, Mütter und Väter). Категория профессиональной политкорректности составляет 4%, сюда мы включили высказывания, связанные с обозначением наименований профессий в зависимости от гендерной принадлежности того, кто осуществляет профессиональную деятельность (например, Kraftfahrer, Physikerin). Категория физической политкорректности составляет всего 3%. Сюда были включены выражения, связанные с физическими недостатками в речи людей (в частности: Behinderte Menschen, Menschen mit Behinderungen).

3.1. Национальная политкорректность.

Национальная политкорректность подразумевает избегания слов и выражений, задевающих чувства и достоинство представителей различных национальностей. Ср.:

Unser Dank und unsere Anerkennung gelten aber auch dem Mann aus Syrien, der die Polizei über den Aufenthaltsort des Verdächtigen informiert hat und somit entscheidend zur Festnahme beigetragen hat (<https://deutsche-wirtschafts-nachrichten.de>). – Политкорректное обозначение людей, приехавших из Сирии.

Ich danke ausdrücklich dem mutigen und verantwortungsbewussten syrischen Mitbürger, der durch den entscheidenden Hinweis und sein Handeln den schnellen Erfolg möglich gemacht hat (<https://deutsche-wirtschafts-nachrichten.de>). – Этим политкорректным выражением канцлер назвала сирийских сограждан проживающих в Германии.

Das eine EU mit 500 Millionen menschen nicht eine Million Syrer aufnehmen kann, das leuchtet mir nicht ein. Das wird kein gutes Bild unseres Kontinents abgeben (<https://deutsche-wirtschafts-nachrichten.de>). – Политкорректное обозначение жителей Сирии.

Aber dass plötzlich alle deutschen Kinder – nach Jahren ohne jeden äußeren Einfluss – auf die Idee kommen, dass man diesen Protest machen muss, das kann man sich auch nicht vorstellen (<https://www.spiegel.de>). – Политкорректное обозначение детей родившихся и выросших в Германии.

Wenn die Münchner rufen «Wir fahren nach Berlin», das ist was tolles (<https://www.spiegel.de>). – Политкорректное определение жителей немецкого города Мюнхен.

Ich bin Ossi, ich bin Brandenburgerin, und da bin ich stolz drauf (<http://www.bundespraesident.de/>). – Первое выделенное слово является разговорным обозначением жителей бывшего ГДР, поэтому неуместно в политическом дискурсе. Второе выделенное слово является политкорректным обозначением жителей города Бранденбург.

Die Zeiten, in denen wir uns auf andere völlig konnten, die sind ein Stück vorbei, und deshalb kann ich nur sagen: Wir Europäer müssen unser Schicksal wirklich in unsere Hand nehmen (<http://www.bundespraesident.de/>). – Политкорректное обозначение жителей Европы.

3.2. Социальная политкорректность.

В последние годы в Германии особенно остро стоит проблема миграции, что требует от канцлера регулярного освещения вопроса. Ср.:

Ja. Deutschland und Österreich haben in einer humanitären Notlage entschieden, unsere Grenzen nicht zu schließen, so dass diese Menschen zu uns kommen konnten, so wie in den Monaten zuvor schon Hunderttausende andere über Ungarn gekommen waren (<https://www.bunte.de>). – Этим политкорректным словосочетанием канцлер обозначила сложную социальную ситуацию в Германии и Австрии.

Ganz sicher haben wir in Europa zu spät die Augen dafür geöffnet, wie unerträglich die Situation in den Herkunftsländern oder nahe der Heimat geworden war, sodass die Menschen keinen anderen Ausweg mehr sahen, als ihr Schicksal in die Hände von kriminellen Schleppern und Schleusern zu legen (<https://www.bundeskanzlerin.de>). – Этим политкорректным определением канцлер описала тяжелую ситуацию, сложившуюся в соседних странах.

Angesichts von fünf Millionen Arbeitslosen muss gefragt werden, was sich bewährt hat und was auf den Prüfstand gehört. (<https://www.bundeskanzlerin.de>). – Политкорректный термин для обозначения нетрудоустроенных лиц.

Wer bei uns Schutz sucht, muss unsere Gesetze und Traditionen achten und er muss Deutsch lernen. Multikulti führt in Parallelgesellschaften und Multikulti bleibt damit eine Lebenslüge (<https://www.spiegel.de>). – Здесь вопросительным местоимением канцлер политкорректно заменила слово беженцы на нейтральное, на то которое никого не оскорбит.

Tausende Flüchtlinge waren in Budapest gestrandet, sie machten sich zu Fuß über die Autobahn nach Österreich. Das war eine Lage, die unsere europäischen Werte auf den Prüfstand gestellt hat. Das war nicht mehr und nicht weniger als ein humanitärer Imperativ (<https://www.spiegel.de>). – Политкорректный термин из сферы юриспруденции, для обозначения лиц, покинувших свою страну в силу чрезвычайных ситуаций.

Wir müssen unsere Kräfte auf den humanitären Schutz konzentrieren, deshalb müssen wir abgewiesene Asylbewerber konsequenter zurückführen (<https://www.spiegel.de>). – Политкорректное выражение из сферы юриспруденции для людей, ищущих политическое убежище в другой стране.

Europa befindet sich im Augenblick vielleicht in einer Schicksalssituation. In den nächsten Jahren wird sich entscheiden, ob wir im 21. Jahrhundert mit den aufsteigenden Schwellenländern der Welt und mit den besten Industrieländern der Welt mithalten können oder ob wir das nicht mehr schaffen. Dafür ist Europa eine große Hilfe, denn wir sind zusammen 500 Millionen Menschen und wir sind im Eurobereich 17 Staaten... Dabei ist die Wirtschaft unser Partner (<https://www.bundeskanzlerin.de>). – Этим политкорректным высказыванием канцлер провозглашает единое европейское пространство.

Was wir im Fernsehen gesehen haben, kommt nun buchstäblich bis an unsere Haustür. Das ist eine historische Bewährungsprobe für Europa. Ich möchte, wir möchten, dass Europa diese Bewährungsprobe besteht. Manchmal ist es zum Verrücktwerden, es war aber nie einfach in Europa (<https://www.spiegel.de>). – В этом высказывании канцлер Германии провозглашает единство людей и стран в Европе при помощи политкорректного местоимения «wir».

Die schwerste Prüfung ist ohne Zweifel der islamistische Terrorismus, der auch uns Deutsche seit vielen Jahren im Visier hat (<https://www.spiegel.de>). – Политкорректное обозначение жителей Германии.

Und – ja – es ist besonders bitter und widerwärtig, wenn Terroranschläge von Menschen begangen werden, die in unserem Land angeblich Schutz suchen (<https://www.spiegel.de>). – Политкорректное обозначение террористов, которые приехали в Европу под видом беженцев.

Die genau deshalb die Hilfsbereitschaft unseres Landes erlebt haben und diese nun mit ihren Taten verhöhnen. Wie sie auch diejenigen verhöhnen, die tatsächlich unseren Schutz brauchen und verdienen (<https://www.spiegel.de>). – Политкорректное определение беженцев, которые ищут убежище в европейских странах.

Auch indem wir zum Beispiel mit den Bildern des zerbombten Aleppo in Syrien vor Augen noch einmal sagen dürfen, wie wichtig und richtig es war, dass unser Land auch im zurückliegenden Jahr denjenigen, die tatsächlich unseren Schutz brauchen, geholfen hat, hier bei uns Tritt zu fassen und sich zu integrieren (<https://www.spiegel.de>). – Политкорректное обозначение мигрантов, которые ищут политическое убежище на территории европейских стран.

Die Frage der Flüchtlinge ist eine Frage, die uns alle angeht. Deutschland hat immer deutlich gemacht, dass wir Griechenland hier nicht alleine lassen können (<https://www.spiegel.de>). – Политкорректный термин из сферы юриспруденции, для обозначения лиц, покинувших свою страну из-за чрезвычайной ситуации.

Der Ansatz für Multikulti ist gescheitert, absolut gescheitert! Man müsse Migranten nicht nur fördern, sondern auch fordern (<http://www.bundespraesident.de/>). – Политкорректное обозначение людей, которые хотят сменить место жительства.

Die deutsche Wirtschaft braucht die Zuwanderung von qualifizierten Fachkräften (<https://www.spiegel.de>). – Политкорректное понятие, которое обозначает смену места жительства.

3.3. Профессиональная политкорректность.

Данную группу составляют контексты, посвященные описанию профессиональной деятельности. Ср.:

Natürlich hat ein Flüchtling nicht sofort 500 Euro. *Es werden überall Kraftfahrer gesucht* (<https://www.focus.de>). – Для немецкого языка это политкорректное обозначение профессии, не разделяя на тех, кто будет осуществлять данный род деятельности.

Sie alle, die Minister, die Militärs, die Abgeordneten hatten sich gefragt, ob diese alte Bekannte etwas Neues mitbringen würde in den Festsaal des Bayerischen Hofes (<https://www.sueddeutsche.de>). – Политкорректное обращение ко многим, включая мужчин и женщин, которые занимают данные посты.

Es ist mein Verständnis als Bundeskanzlerin, dass unsere Demokratie von der mehrheitlich getragenen Übereinkunft lebt, dass ihre Staatsdiener alles in ihrer Macht stehende für den inneren Frieden und den Zusammenhalt unseres Landes tun (<https://www.tagesschau.de>). – Политкорректное обозначение профессии выполняемой женщиной.

Als Physikerin geht es mir bei den Zahlen um die Wahrheit (<https://www.spiegel.de>). – Политкорректное обозначение рода деятельности, чьи обязанности выполняет женщина.

Ich wende mich selten nur an die Frauen, ich bin ja auch nicht allein die Bundeskanzlerin der Frauen in Deutschland, sondern die Bundeskanzlerin aller Menschen in Deutschland. (<https://www.zeit.de>) – Политкорректное обозначение профессии, которое обозначает лиц женского пола по роду деятельности.

3.4. Этическая политкорректность.

Данную группу составляют контексты, посвященные этическим характеристикам политической действительности. Ср.:

Es war eine große Leistung des ukrainischen Volkes, dass diese Wahlen so fair und frei verlaufen sind und dass sich die Bevölkerung unter schwierigen Bedingungen so gut an diesen Wahlen beteiligt hat. Wir sind angesichts der vielen Probleme, die das Land hat, sehr froh, dass die Entscheidung der ukrainischen Bevölkerung auch eine sehr weise war, da nur ein Wahlgang notwendig war, in dem schon eine deutliche Mehrheit erzielt wurde. (<https://www.bundeskanzlerin.de>). – Выделенные слова являются политкорректными и описывают ситуацию в стране как положительную, так как они имеют положительную коннотацию. Но эти слова исправляют ситуацию, которая имела место быть.

Ich habe nicht die Illusion, dass die großen Mächte in einem reformierten Sicherheitsrat ihr Vetorecht aufzugeben bereit wären.

(<https://www.bundeskanzlerin.de>). – Данный оборот носит нейтральный и политкорректный характер выражения собственного мнения и позволяет канцлеру менее категорично выразить свое отношение к сирийскому конфликту.

Wir in Europa sind derzeit kein sehr dynamisch wachsen der Markt, weder haben wir viel Geld auf der hohen Kante, noch sind wir rohstoffreich oder gar besonders jung. (<https://www.bundesregierung.de>). – При помощи политкорректной лексики канцлер заменяет описание негативных факторов посредством положительно окрашенных лексических единиц.

Es ist ganz offensichtlich, dass auf den Präsidenten eine Vielzahl von Aufgaben wartet, denn nach wie vor befindet sich das Land in einer schwierigen Situation. Es ist deutlich geworden, dass Präsident Poroschenko alles daransetzt, die territoriale Integrität der Ukraine zu erhalten und auch auf die Bedürfnisse der verschiedenen Teile der Bevölkerung einzugehen. (<https://www.bundesregierung.de>). – При помощи политкорректных выражений канцлер отмечает положительные качества украинского президента – Петра Порошенко. Таким образом, она формирует положительное представление о президенте Украины.

Ich maße mir kein Urteil über einen Menschen an, von dem ich nur das eine oder andere gelesen habe (<https://www.bundesregierung.de>). – Выделенная фраза говорит о том, что канцлер не располагает достаточной информацией, чтобы дать исчерпывающий ответ о данной личности. Она политкорректно смогла избежать четкого ответа.

Ist mir egal, ob ich schuld am Zustrom der Flüchtlinge bin, nun sind sie halt da. (<https://www.bundesregierung.de>). – Политкорректное высказывание с разговорным оттенком значения, в котором канцлер выразила свою позицию по беженцам в Европе.

Diese mörderischen Anschläge haben uns erneut vor Augen geführt, mit welcher vollständiger Menschenverachtung der islamistische Terrorismus vorgeht. (<https://www.welt.de>). – Этим политкорректным высказыванием, канцлер продемонстрировала свое отношение к «исламскому терроризму».

Leider ist es auch heute noch so, dass Antisemitismus und menschenfeindliche Hetze Teil unserer Gesellschaft sind und deshalb gehen wir dagegen natürlich entschieden vor. (<https://www.spiegel.de>). – Политкорректное обозначение и описание проблем существующих сегодня в европейском обществе.

Wir wissen auch, wie viel Leid wir über Griechenland gebracht haben als Deutschland in der Zeit des Nationalsozialismus. Deshalb ist die Lehre für uns, alles daran zu setzen, gute Beziehungen mit Griechenland zu haben und sich gegenseitig zu unterstützen zum Wohle beider, von Griechenland und von Deutschland. (<https://www.spiegel.de>). – Здесь Ангела Меркель этим политкорректным определением смягчила ущерб, который нанесла Германия Греции во время Второй Мировой Войны.

Kein Staat, keine Religion, keine Bevölkerungsgruppe und kein einzelner Mensch darf von uns abgeschrieben werden. (<https://www.spiegel.de>). – Этой

политкорректной конструкцией канцлер осложнила предложение для понимания.

Moralische Vorhaltungen müssen wir uns von Ihnen nicht machen lassen. Kommen Sie raus aus Ihren Glashäusern und hören Sie auf, mit Steinen zu werfen, die Sie selbst treffen. (<https://www.spiegel.de>). – В этом предложении канцлер использовала в измененном виде поговорку, которая не имеет аналога в русском языке.

Das Internet ist für uns alle Neuland, und es ermöglicht auch Feinden und Gegnern unserer demokratischen Grundordnung, mit völlig neuen Möglichkeiten und völlig neuen Herangehensweisen unsere Art zu leben in Gefahr zu bringen. (<https://www.spiegel.de>). – Это политкорректное слово с нейтральным стилистическим значением, канцлер шуточно использовала для обозначения «интернета».

Es ist wahr: Europa ist kein Christenklub. Aber wahr ist auch: Europa ist ein Grundwerteklub. Hier bei uns gelten Menschen- und Bürgerrechte. Diese Menschen- und Bürgerrechte beruhen bei uns ganz wesentlich auf dem Menschenbild des Christentums. (<https://www.spiegel.de>). – Слово употребленное канцлером в этом высказывании, можно считать политкорректным, хотя сложно понять, что под ним подразумевает канцлер.

Wir dürfen nicht vergessen. Das sind wir den vielen Millionen Opfern schuldig. (<http://www.bundespraesident.de>). – Политкорректный термин из сферы юриспруденции.

Nicht wenige Juden befürchten heute in unserem Land Beleidigungen oder gar Übergriffe – und das leider nicht ohne Grund. (<http://www.bundespraesident.de>). – Политкорректный архаизм. Оба слова являются политкорректными и являются юридическими понятиями.

Indem wir unserem Leben und unserer Arbeit nachgehen, sagen wir den Terroristen: Sie sind Mörder voller Hass, aber wie wir leben und leben wollen, das bestimmen nicht sie. Wir sind frei, mitmenschlich, offen. (<https://www.spiegel.de>). – Данное словосочетание имеет разговорную стилистическую окраску и неуместно в политическом дискурсе.

3.5. Физическая политкорректность.

Данную группу составляют контексты, посвященные людям с ограниченными возможностями здоровья. Ср.:

Viele Eltern haben große Angst vor einem behinderten Kind. Sie wissen oft gar nicht, dass es eine gute Förderung für die Kinder gibt. Es stecken so viele Fähigkeiten in jedem Menschen. Wenn Eltern sich für eine späte Abtreibung entscheiden, müssen sie sich beraten lassen (<https://www.nachrichtenleicht.de>). – Политкорректное обозначение людей с ограниченными возможностями.

Behinderte Menschen in die Gesellschaft mit einzubeziehen, ist vorrangige Aufgabe für die Bundesregierung und liegt auch mir persönlich ganz besonders am Herzen (<https://www.zeit.de>). – Политкорректное определение людей с ограниченными возможностями.

Wir wollen, dass Menschen mit Behinderungen auch aktiv mit dabei sind, wenn es um die Gestaltung des Nationalen Aktionsplans zur Umsetzung der Behindertenrechtskonvention geht. (<https://www.zeit.de>). – Политкорректное обозначение людей с ограниченными возможностями.

3.6. Гендерная политкорректность.

Рассмотрим примеры из сферы гендерной проблематики. Ср.:

Meine Damen und Herren, wie konnte es vor 100 Jahren zwischen den Völkern und Nationen soweit kommen? (<https://www.zeit.de>). – Политкорректное обращение, исключающее гендерные предрассудки.

Für mich sind Frauen wie Alice Schwarzer Feministinnen. Oder Marie Juchacz, die gemeinsam mit anderen vor 100 Jahren das Frauenwahlrecht erkämpft hat. Ich möchte mich nicht mit falschen Lorbeeren schmücken. (<https://www.zeit.de>). – Политкорректное обозначение женщин, которые борются за женские права.

Die Frauenfußball-Nationalmannschaft ist ja schon Fußballweltmeister, und ich sehe keinen Grund, warum Männer nicht das Gleiche leisten können wie Frauen. (<https://www.spiegel.de>). – В этом высказывании канцлер несколько принижает национальную мужскую сборную, говоря, разве мужчины не могут достичь того же, что и женщины.

Es gibt viele Mütter und Väter, die hierfür verantwortlich zeichnen: die Ideengeber, die Geldgeber in den Landesministerien und Bundesministerien, die Standortgesellschaft InfraLeuna, die Planer und Architekten, die Linde AG als An-lagenbauer, die vielen Firmen am Bau und nicht zuletzt natürlich die Fraunhofer-Gesellschaft. (<https://www.bundesregierung.de>). – В связи с некоторыми изменениями, связанными с дискриминацией однополых пар, это обращение является непolitкорректным.

3.7. Отношения с Россией.

Отдельное место в риторике А. Меркель отводится проблеме непротных отношений с Россией. Ср.:

Russland muss wissen, dass wir dann, wenn bestimmte weitere internationale Verträge überschritten werden, auch zu einer harten Reaktion bereit sind. Das ist, glaube ich, eine wichtige Botschaft, damit auch jeder weiß, was wir dann tun wollen. Es muss auch klar sein - und ich bin da ganz fest überzeugt: Europa wird einheitlich handeln, auch mit den Vereinigten Staaten von Amerika (<https://www.bundesregierung.de>). – Данным политкорректным высказыванием, канцлер выражает свою позицию по России. Она хочет запугать Россию, отметив, что Европа и США выступают единым фронтом.

Es geht hierbei gar nicht um Drohungen, sondern - ich wiederhole das, was ich gestern Abend gesagt habe, gerne noch einmal - es geht darum, deutlich zu machen, dass wir Lösungen über Gespräche erreichen wollen und dass wir nur dann zu anderen Mitteln greifen müssen, wenn solche Gespräche keinen Erfolg haben (<https://www.bundesregierung.de>). – В этом политкорректном высказывании канцлер выражает свое нежелание «давить» на Россию и надеется,

что «дипломатия возьмет вверх». Таким образом, А. Меркель показывает, что она вовсе не настроена враждебно по отношению к России.

Ich finde es schade, wenn ein solcher Tag genutzt wird, um in einem solchen Spannungsfeld eine Parade abzuhalten (<https://www.bundesregierung.de>). – В данном политкорректном высказывании канцлер выражает своё отрицательное отношение к тому, что Россия проведет Парад Победы на аннексированной территории (Крым), поскольку правительство ФРГ не признаёт Крым территорией РФ.

Präsident Putin und ich können auch in dieser schwierigen Phase immer wieder miteinander sprechen. Wir sehen viele Aspekte der ukrainischen Krise völlig unterschiedlich. Ich kann und will darüber nicht einfach zur Tagesordnung übergehen, denn wenn ein solches Verhalten unter den Staaten Schule machte, hätte das in Europa unabsehbare Auseinandersetzungen zur Folge (<https://www.bundesregierung.de>). – Отвечая на вопрос журналиста, канцлер политкорректно противопоставляет себя действиям российского президента. Таким образом, она подчёркивает негативное отношение к действиям России.

Wir werden weiter Gas aus Russland beziehen – das ist vollkommen klar! (<https://www.spiegel.de>). – Это, канцлер сказала американскому президенту Дональду Трампу, таким образом, она отметила, что не потерпит американского вмешательства в отношения между Россией и Германией.

Das sogenannte Referendum auf der Krim entsprach weder den Vorgaben der ukrainischen Verfassung noch den Standards des Völkerrechts. Das Ergebnis dieser sogenannten Abstimmung auf der Krim wird die internationale Völkergemeinschaft nicht anerkennen. Es handelt sich um einseitige Veränderungen von Grenzen (<https://www.bundesregierung.de>). – В своём политкорректном заявлении федеральный канцлер указывает на то, что Россия – агрессор, который поступает так, как считает нужным.

Russland verletzt die territoriale Integrität und die staatliche Souveränität der Ukraine. Ein Nachbarstaat Russlands, die Ukraine, wird als Einflussosphäre angesehen. Das stellt nach den Schrecken zweier Weltkriege und dem Ende des Kalten Krieges die europäische Friedensordnung insgesamt infrage. Das findet seine Fortsetzung in der russischen Einflussnahme zur Destabilisierung der Ostukraine in Donezk und Lugansk (<https://www.zeit.de>). – В своём политкорректном высказывании канцлер обвиняет Россию в агрессии и в нарушении международного права, она также считает, что действия России представляют угрозы для стран Европы.

Geostrategisch kann Europa kein Interesse daran haben, alle Verbindungen nach Russland zu kappen (<https://www.sueddeutsche.de>). – Этим политкорректным высказыванием Ангела Меркель подчёркивает, что ни она, ни кто-либо другой не сможет разорвать с Россией все отношения, а значит какое-либо давление.

Eine gemeinsame europäische Armee würde der Welt zeigen, dass es zwischen den europäischen Ländern nie wieder Krieg gibt. Das kann eine gute Ergänzung der Nato sein (<https://www.dw.com>). – В этом политкорректном высказывании канцлер сообщает, что европейская армия может предотвратить войну на континенте, но возможно она поддерживает позиции НАТО против российской агрессии.

Russland hat den INF-Vertrag verletzt (<https://www.bundeskanzlerin.de>). – Политкорректная аббревиатура из военной сферы, значение которой может быть не известно гражданам, осложняет предложение.

Bevor wir keine Fortschritte beim Minsker Abkommen sehen, kann nicht darüber gesprochen werden, dass die Sanktionen aufgehoben werden (<https://www.spiegel.de>). – Юридический термин, связанный с конфликтом, произошедшим на Украине.

Sollte sich tatsächlich herausstellen, dass Russland direkt für den Anschlag verantwortlich ist, sind Konsequenzen unerlässlich (<https://www.spiegel.de>). – Оба слова являются юридическими терминами.

Wir sehen im Grunde, dass fast alle früheren Sowjetrepubliken, die nicht zum Bereich der EU und Nato gehören, (...) innere Konflikte in sich tragen, die von Russland hervorgerufen wurden (<https://www.spiegel.de>). – Этот глагол связан с политикой и при помощи него канцлер обвинила Россию во вмешательстве во внутренние дела других государств.

Wir machen Sanktionen nicht der Sanktionen willen. Und auch ich wünsche mir möglichst gute Beziehungen zu Russland. Aber es gibt völkerrechtliche Grundsätze – und die dürfen wir nicht über Bord werfen (<https://www.spiegel.de>). – Данный фразеологизм с метафорой *über Bord werfen* (выбрасывать за борт) подчеркивает невозможность для Германии игнорировать нормы международного права.

3.8. Политическая политкорректность.

Рассмотрим примеры из сферы политической жизни общества. Ср.:

Ausländische Truppen hatten sich dort in der Geschichte schon früher schwer getan (<https://www.bundesregierung.de>). – Данное выражение является политкорректным. Обычно оно изображает достаточно негативный аспект того или иного явления, но используя этот оборот, канцлер смягчает реальные проблемы иностранного присутствия на территории чужого государства.

Wir müssen noch größeren politischen Druck aufbauen. Deutschland steht fest an der Seite Israels, aber das iranische Nuklearprogramm bedroht nicht nur Israel, sondern die ganze freie Welt. Deshalb müssen wir alle politischen Mittel gegen den Iran zum Tragen kommen lassen (<https://www.bundesregierung.de>). – При помощи использования этих политкорректных выражений, канцлер говорит о возможности применения дипломатических сил на территории другого государства, не исключая военного вмешательства.

Ich sehe wie die meisten Experten zwar eine Abkühlung der Konjunktur, aber keine Rezession. Unsere Wirtschaft wächst langsamer (<https://www.bundesregierung.de>). – Выделенные выражения являются политкорректными и не могут употребляться вместе, так как противоречат друг другу.

Wer viel Arbeit und überraschende Wendungen nicht mag, sollte wirklich nicht in die Politik gehen. Für mich kann ich sagen: Es sind große Aufgaben und anspruchsvolle Themen, ich arbeite sehr gerne daran» (<https://www.bundesregierung.de>). – Выделенное выражение имеет двоякий смысл. Оно может иметь положительное значение, так и негативное.

Blogger sind nicht gemeint, aber die, die sozusagen das gesamte Geld aus der Vermarktung von der geistigen Arbeit anderer verdienen, müssen da auch einen gewissen Obolus entrichten (<https://www.bundesregierung.de>). – Это устойчивое политкорректное выражение способствует созданию некоего объекта в качестве определенной денежной суммы, вносимой за использование интеллектуального труда.

Wir tagen im Bundessicherheitsrat geheim, weil es vor einer abschließenden Entscheidung außenpolitisch im Verhältnis zu unseren Partnern und auch mit Blick auf nachvollziehbare Interessen der betroffenen Unternehmen zum Schutz ihrer Betriebsinteressen gute Gründe für dieses seit langem bewährte Verfahren gibt (<https://www.bundesregierung.de>). – Основная часть предложения осложнена несколькими синтаксическими конструкциями, что затрудняет понимание всего высказывания. При этом оно является политкорректным.

Gemeinsame Interessen haben wir auch mit Blick auf die Stabilität in anderen Regionen. Die geopolitische Lage stellt sich derzeit teils sehr kritisch dar. Ich habe die Ukraine bereits erwähnt. Größte Sorgen haben wir darüber hinaus angesichts der Lage in Syrien und im Irak. Auch die schreckliche Krankheit Ebola ist zu nennen, die weite Teile Westafrikas heimsucht, eine zusehends globale Dimension annimmt und auch nur mit einer internationalen Kraftanstrengung eingedämmt werden kann (<https://www.zeit.de>). – Выделенное высказывание является политкорректным и в нем канцлер выражает свое мнение о том, что только с усилиями всех государств мира можно решить серию глобальных проблем, стоящих перед человечеством.

Und es gibt eine G20-Roadmap, um Schattenbanken besser zu überwachen und zu regulieren (<https://www.bundesregierung.de>). – Термин, заимствованный из английского языка, является политкорректным.

Deshalb haben wir das Leitmotiv «Shaping an Interconnected World» gewählt (<https://www.bundesregierung.de>) – Заимствованное англоязычное словосочетание, возможно канцлер использовала его, чтобы придать большее значение своему высказыванию, здесь является политкорректным.

Dabei ging es unter anderem um die Frage von E-Skills, also von digitalen Kenntnissen von Mädchen, und insbesondere um Unternehmensgründungen

(<https://www.bundesregierung.de>). – Политкорректное заимствование из английского языка, которое практически полностью ассимилировалось в немецком языке.

Meine Damen und Herren, deshalb hatten wir uns auch vorgenommen – das betrifft viele Ressorts der Bundesregierung; auch im Finanzminister-Prozess, bei Wolfgang Schäuble, spielt das eine große Rolle –, einen «Compact with Africa» zu entwickeln. Die Betonung liegt zwar auf «Compact» und natürlich auf «Africa», aber auch auf der Präposition. Es heißt «with» und nicht «for». Genau das zeigt das Umdenken (<https://www.bundesregierung.de>). – Англоязычные заимствования из разговорного английского языка. Они являются политкорректными в данном контексте, так, как призваны, усилить значение цели, о которой говорит канцлер.

Die Überschrift Ihres Dialogforums «Resilience, Responsibility, Responsiveness – Towards a Future-oriented, Sustainable World Economy» zeigt, dass Sie sich genau mit diesen Fragen auseinandersetzen (<https://www.bundesregierung.de>). – Англоязычное заимствование уместное в политическом дискурсе немецкого языка, так как является именем нарицательным.

Mit diesen Ländern werden wir über Entwicklungsprojekte diskutieren, für die diese Länder auch «ownership», also Verantwortung, übernehmen, und ihnen dann helfen, die Rahmenbedingungen zu finden, auch Kredite und anderes, das man braucht, um die Projekte umsetzen zu können; also kein Ex-cathedra-Herangehen – wir sagen euch, was gut für euch ist –, sondern eine gemeinsame Arbeit (<https://www.bundesregierung.de>). – Политкорректное англоязычное заимствование.

Da ist es fast einfacher, einen Sack Flöhe zu hüten, als die Leute hier zusammenzuhalten (<https://www.bundesregierung.de>). – Сложная идиома, заимствованная из английского языка и ассимилировавшаяся в немецкий язык.

So haben wir – das waren die ersten Schritte – auch Lehren aus der internationalen Finanzkrise gezogen (<https://www.bundesregierung.de>). – Вводная конструкция, которая не несет в себе смысла.

Das Ziel war – wir wissen heute, wie schwierig das zu erreichen ist; die Finanzminister sind immer noch dabei –, ein sogenanntes Level Playing Field, also vergleichbare Regelungen globaler Art, zu erarbeiten sowie für jeden Finanzplatz, für jeden Finanzmarktakteur und jedes Finanzmarktprodukt Regelungen zu finden (<https://www.bundesregierung.de>). – Первая выделенная фраза является вводной, она позволила канцлеру сделать ее высказывание более неопределенным. Второе выделенное словосочетание является заимствованной идиомой, она является политкорректной, хотя несет в себе оттенок разговорной речи.

Wir müssen zeigen – das war auch die Schwierigkeit bei der Entwicklung eines weltweiten Klimaschutzabkommens –, dass Ressourceneffizienz, Treibhausgaseinsparung und wirtschaftliche Entwicklung keine Widersprüche sind

(<https://www.bundesregierung.de>). – Вводная конструкция, которая является политкорректной и при помощи которой Ангела Меркель уходит от конкретности своего высказывания.

Ich treffe seit 2007 – damals war es noch die G8-Präsidentschaft, die wir erstmals hatten – regelmäßig jedes Jahr die Chefs dieser internationalen Organisationen. Man kann sagen, dass sich die Kooperation dieser internationalen Organisationen inklusive der OECD – sie hatte ich in der Aufzählung vergessen – sehr verstärkt hat und dass diese Institutionen auch wichtige Zulieferer für unsere Arbeit als G20 sind (<https://www.bundesregierung.de>). – Первое выделенное высказывание является вводной конструкцией, которая указывает на следующие слова канцлера; аббревиатура названия международной организации; еще одна вводная конструкция, которая не несет в себе смысловой нагрузки. И это все в одном предложении.

Man muss allerdings sagen, dass wir, gerade was ein multilaterales Handelssystem anbelangt – die WTO nimmt ja auch an den G20-Treffen teil –, in den letzten Jahren, obwohl das G20-Format aus einer Krise heraus entstanden ist, eine Zunahme protektionistischer Maßnahmen gesehen haben (<https://www.bundesregierung.de>). – Лирическое отступление, как дополнение к сказанному и тому, что будет сказано дальше.

Die Zahl der EU-Mitgliedsstaaten, die den Pakt angenommen haben, sei größer als die, die ihn abgelehnt haben. Tatsächlich haben nur sieben von derzeit noch 28 EU-Mitgliedsstaaten den Migrationspakt abgelehnt (<https://www.spiegel.de>). – Политкорректное высказывание, в котором канцлер говорит о числе стран Европейского Союза, не называя кто именно, которые приняли и, которые не приняли договор о мигрантах.

Mit dem Kopf durch die Wand wird nicht gehen. Da siegt zum Schluss immer die Wand (<https://www.spiegel.de>). – В этом высказывании канцлер использовала политкорректный фразеологизм, который она истолковала по-своему.

Politik heißt nicht, ständig nach dem Wetterhahn auf dem Dach zu schauen, sondern seine Überzeugungen umzusetzen (<https://www.spiegel.de>). – Политкорректное высказывание, в котором канцлер говорит о том, что заниматься политикой, это не следить за тем, как флюгер указывает направление ветра.

Nicht jede heilige Kuh kann mit einem Prinzip gerechtfertigt werden (<https://www.spiegel.de>). – Употребление этого фразеологизма затрудняет понимание высказывания, хотя сам фразеологизм является политкорректным.

Es hat im Augenblick keinen Sinn, Sanktionen zu machen, die die Zivilbevölkerung treffen (<https://www.spiegel.de>). – Первое выделенное слово является политкорректным и относится к сфере юриспруденции. Второе выделенное слово является общеупотребительным и стилистически нейтральным.

Wir wissen, dass wir die Dinge nur vernünftig und nur im Gespräch miteinander lösen können, weil es keine militärische Lösung all dieser Auseinandersetzungen gibt (<https://www.spiegel.de>). – Политкорректное слово из военной сферы.

Ich darf Ihnen, Herr Präsident, sagen, dass wir Ihnen als Freunde einer guten Entwicklung in der Ukraine hilfreich zur Seite stehen wollen und dass wir dann, wenn wir gefragt werden - die Ukraine bestimmt natürlich selber über ihren Weg -, mit Rat und Tat zur Seite stehen und das Unsrige dazu beitragen werden, dass bald alle Menschen der Ukraine unter friedlichen Bedingungen, unter sicheren Bedingungen leben können und auch die wirtschaftliche Entwicklung einen guten Verlauf nimmt, damit die Menschen den Erfolg ihres Kampfs für Freiheit auch spüren und sehen, dass sich das gesamte System der ukrainischen Politik erneuert (<https://www.dw.com>). – В этом синтаксически сложном предложении Ангела Меркель предлагает Украине руку помощи, говоря о том, что с поддержкой Германии, жители Украины будут жить в безопасности, а экономическое развитие пойдёт по верному пути. Федеральный канцлер Германии обещает дружественную помощь Украине. Предложение является политкорректным.

Die Regelmäßigkeit des deutsch-chinesischen Austausches auch über die Regierungskonsultationen sei wichtig. Damit könne nicht nur kontinuierlich die Zusammenarbeit verbessert werden, sondern es könnten auf diesem Fundament auch kritische Fragen besprochen werden (<https://www.bundeskanzlerin.de>). – Политический термин, так же высказывание осложнено сослагательным наклонением.

Ich habe die Mitgliedstaaten der Arabischen Liga gebeten, mit uns gemeinsam auf diesen politischen Veränderungsprozess hinzuwirken (<https://www.bundeskanzlerin.de>). – Первое выделенное словосочетание является юридическим термином. Второй термин из сферы менеджмента, поэтому канцлер уточнила, о каком виде сотрудничества будет идти речь.

Wenn man zum Multilateralismus steht, muss man auch den Multilateralismus anwenden – auch wenn es schwierig ist und sich die politischen Systeme unterscheiden (<https://www.bundeskanzlerin.de>). – Политкорректный политический термин.

Wir haben uns verpflichtet, alles dafür zu tun, dass daraus ein dauerhafter und nachhaltiger Waffenstillstand wird. Die Lösung des Konflikts könne nicht militärisch, sondern nur politisch unter der Ägide der UN gelingen. Am Ende müssten freie Wahlen stehen, an denen alle Syrer teilnehmen könnten (<https://www.bundeskanzlerin.de>). – Политкорректный военный термин.

Was uns jetzt Sorge macht, dass verschiedene Gruppen aus der Türkei sich zum Teil gegenseitig bespitzeln oder überwachen. Das wollen wir nicht. Wir wollen keine Konflikte aus der Türkei nach Deutschland bekommen. Wir werden auch darauf achten, dass alle Gruppen hier friedlich und unbehelligt leben können (<https://www.bundeskanzlerin.de>). – В данном контексте канцлер говорит о

преступниках, которые приезжают из Турции в Германию, что она хочет, чтобы они жили мирно, кажется, она не допускает мысли, что это может стать конфликтом на международном уровне.

Wir wissen, dass der jetzige Status Quo im Kosovo nicht dauerhaft ist (<https://www.bundeskanzlerin.de>). – Политкорректный термин из сферы юриспруденции.

Sie sind teils richtig und teils falsch. Bei manchen werden Fremdbilder zu Feindbildern (<http://www.bundespraesident.de/>). – Первое выделенное связано с психологией. Второе выделенное слово является политическим понятием. Оба являются политкорректными.

die Dinge ruhig zu halten, dass wir die Fakten von dem, was passiert ist, auf den Tisch legen, dass vor allem die Soldaten auch freigelassen werden, dass man auch nicht Geständnisse abpresst (<https://www.spiegel.de>). – Этот фразеологизм является политкорректным, хоть и является разговорным.

Um das zu verhindern, haben wir erst den Rettungsschirm EFSF verabschiedet und später auch den permanenten Stabilitätsmechanismus ESM, der im Augenblick von den einzelnen Mitgliedstaaten ratifiziert wird. Solidarität alleine reicht aber nicht (<https://www.bundesregierung.de>). – Использование политкорректных аббревиатур и терминов позволяет сформировать положительный взгляд на заключенные договоренности и соглашения.

Das Thema „too big to fail“ gibt es nicht mehr (<https://www.bundesregierung.de>) – Разговорный термин, заимствованный из английского языка и связанный с экономикой, неуместен в политическом дискурсе.

4. Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что политкорректность как языковая категория представляет комплекс языковых норм, необходимых для устранения оскорблений и унижений человека независимо от его индивидуальных признаков. Данное понятие обладает следующими категориальными признаками: интегральный признак (корректность по отношению к расе, нации, полу, состоянию здоровья, возрасту и имущественному статусу); дифференциальный признак (исключает проявление всех типов стигматизации). Как культурная категория политкорректность включает в себя стереотипы, символы, эталоны и другие знаки национальной и общечеловеческой культуры, которые характеризуют носителей определенного языка.

Политическая корректность является важной категорией в речи и обычно выражается с помощью освобождения языка от номинаций, обозначающих такие особенности личности, которые могут являться оскорбительными, дискриминирующими или могут быть принятыми за таковые. В этой связи явление политкорректности в речи политических лидеров представляется многогранным и неоднозначным феноменом, на который накладыва-

ются личностные особенности политиков. В своей речи Ангела Меркель использует различные нейтральные средства и конструкции в стремлении дать политически корректную оценку и окраску событий в своих высказываниях. Данный тезис получил свое подтверждение в полученной нами статистике: 96 % высказываний являются политкорректными и 4 % неполиткорректной лексики, что позволяет назвать бывшего канцлера ФРГ деликатным политиком.

Список литературы

Бондаренко, А. В. К вопросу о политкорректности в британской, американской и в российской прессе / А. В. Бондаренко. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 654. – С. 20–30.

Гуманова, Ю. Л. Политическая корректность как социокультурный процесс (на примере США) : специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» : автореферат диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Гуманова Юлия Леонидовна ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 1999. – 19 с. – Текст : непосредственный.

Данчук, О. В. Политкорректность: языковая репрезентация социальных групп (на материале газеты The Guardian) / О. В. Данчук. – Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 10 (153). – С. 164–170.

Дьяченко, И. А. Язык политкорректности как объект современных лингвистических исследований / И. А. Дьяченко. – Текст : непосредственный // Язык и культура. – 2014. – № 13. – С. 45–50.

Карпухина, Т. П. Феномен политкорректности в современном западном политическом дискурсе: начало конца новой либеральной идеологии? / Т. П. Карпухина, Н. В. Кузнецова. – Хабаровск : Издательство ТОГУ, 2018. – 226 с. – Текст непосредственный.

Кауфова, И. Б. Политкорректность в британском политическом дискурсе / И. Б. Кауфова, Л. А. Кауфова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – №10-1(76). – С. 111–114.

Кондакова, Е. А. Лингвокогнитивная структура немецкого дискурса о политкорректности: история и современность / Е. А. Кондаков, О. В. Принципалова. – Текст : непосредственный // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – Т. 19. – № 2. – С. 143–156.

Кузнецова, Н. В. Современные тенденции развития политкорректности во французском политическом дискурсе: градуированный характер политкорректности / неполиткорректности, разные степени их проявления /

Н. В. Кузнецова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2016. – № 5. – С. 129–134.

Лакофф, Р. Т. Вербальная агрессия vs. Политкорректность / Р. Т. Лакофф. – Текст : непосредственный // Жанры речи. – 2014. – № 1–2 (9–10). – С. 69–74.

Лукавченко, И. М. Особенности многословных эвфемизмов в языке политкорректности / И. М. Лукавченко. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2008. – № 552. – С. 187–192.

Майба, В. В. О структуре языка политкорректности (на примере английского и русского языков) / В. В. Майба. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2 (40). – С. 102–109.

Панин, В. В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореферат диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Панин Виталий Витальевич ; Тюменский государственный университет. – Тюмень, 2004. – 19 с. – Текст непосредственный.

Погорельская, С. В. Лиссабонский договор: проблемы политической консолидации ЕС / С. В. Погорельская. – Текст непосредственный // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – № 7. – С. 40–54.

Попова, Е. А. Культурно-языковые характеристики политического дискурса (на материале газ. интервью) : специальность 10.02.19 «Общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Попова Елена Александровна ; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 1995. – 236 с. – Текст непосредственный.

Романова, Т. В. Толерантность и политкорректность: аналитический обзор современного состояния проблемы (лингвистический аспект) / Т. В. Романова. – Текст непосредственный // Политическая лингвистика. – 2015. – № 2 (52). – С. 39–49.

Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – Москва : Слово/SLOVO, 2000. – 146 с. – Текст непосредственный.

Чигашева, М. А. Гендерная политкорректность в немецком языке (на материале публичных выступлений политических деятелей) / М. А. Чигашева. – Текст непосредственный // Филологические науки в МГИМО. – 2020. – № 3 (23). – С. 72–79.

Шляхтина, Е. В. Языковой аспект политкорректности в англоязычной и русской культурах : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Шляхтина

Елена Васильевна ; Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского. – Ярославль, 2009. – 213 с. – Текст непосредственный.

Wierlemann, S. Political Correctness in den USA und in Deutschland / S. Wierlemann. – Berlin : Erich Schmidt Verlag, 2002. – 244 S. – Текст непосредственный.

Zimmer, D. E. Deutsch und anders – die Sprache im Modernisierungsfieber / D. E. Zimmer. – Hamburg : Rowohlt Taschenbuch, 1998. – 384 S. – Текст непосредственный.

Список источников

<https://www.spiegel.de>
<https://www.bunte.de>
<https://www.bundestkanzlerin.de>
<https://www.sueddeutsche.de>
<https://www.zeit.de>
<https://www.bundesregierung.de>

Получена: 26.09.2023

Принята: 30.10.2023

POLITICAL CORRECTNESS IN PUBLIC SPEECHES OF ANGELA MERKEL, THE CHANCELLOR OF GERMANY

I. P. Zyryanova

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
zyryanovairena@gmail.com

Abstract. The research is devoted to studying the phenomenon of political correctness, its social and political roots. The author analyzes the way this category is represented in public speeches of the former chancellor of Germany Angela Merkel from 2016 to 2019. The following methods are used to analyze these precedent phenomena: descriptive method, continuous sampling method, classification method, method of discourse analysis, method of statistical and typological processing of the data. As a result there were found the following groups of vocabulary: social, gender, professional, political, racial, ethical, physical. Each of the presented groups was studied from the point of view of the presence of politically correct and incorrect statements.

Key words: political discourse, political correctness, political leader, A. Merkel, German political discourse

References

Bondarenko, A. V. (2012). K voprosu o polikorrektnosti v britanskoy, amerikanskoy i v rossiyskoy presse [To the question of political correctness in British, American and Russian press]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 654, 20–30.

Gumanova, Yu. L. (1999) *Politicheskaya korrektnost' kak sotsiokulturnyy protsess* [Political correctness as a social and cultural process]. [Candidate Dissertation, Moscow State University after M. V. Lomonosov].

Danchuk, O. V. (2020). Politkorrektnost: yazykovaya reprezentatsiya sitsialnykh grupp (na material gazety The Guardian). [Political correctness: language representation of social groups (based on The Guardian)]. *Izvestia Volgogradskogo pedagogicheskogo universiteta*, 10, 164–170.

Djyachenko, I. A. (2014). Yazyk politkorrektnosti kak obyekt sovremennykh issledovaniy [Language of political correctness as the object of modern researches in linguistics]. *Yazyk i kultura*, 13, 45–50.

Karpukhina, T. P. & Kuznetsova, N. V. (2018). *Phenomen politkorrektnosti v sovremennom zapadnom politicheskom diskurse: nachalo kontsa novoy liberalnoy ideologii?* [The phenomenon of political correctness in the modern western political discourse: is it the beginning of the end to the liberal ideology?]. Khabarovsk: TOGU.

Kaufova, I. B. & Kaufova, L. A. (2017). Politkorrektnost v britanskom politicheskom diskurse [Political correctness in British political discourse]. *Philologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 10, 111–114.

Kondakova, E. A. & Printsypalova, O. V. (2021). Lingvokognitivnaya struktura nemetskogo diskeursa o politkorrektnosti: istoria i sovremennost [Linguistic and cognitive structure of the German discourse on political correctness]. 2, 143–156.

Kuznetsova, N. V. (2016). Sovremennyye tendentsii razvitiya politkorrektnosti vo frantsuzskom politicheskom diskurse: graduirovannyi kharakter politkorrektnosti / nepolitkorrektnosti, raznye stepeny ikh proyavleniya [Modern tendencies of political correctness development in the French political discourse: gradient character of political (in)correctness, its various degrees]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta*, 5, 129–134.

Lakoff, R. T. (2014). Verbalnaya agressiya vs. Politkorrektnost [Verbal aggression vs. Political Correctness]. *Zhany rechi*, 1–2, 69–74.

Lukavchenko, I. M. (2008). Ossobennosti mnogoslovykh evphemizmov v yazyke politkorrektnosti [Unique features of compound euphemisms in the language of political correctness]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 552, 187–192.

Mayba, V. V. (2012). O structure yazyka politkorrektnosti (na primere angliyskogo i russkogo yazykov) [On the language structure of political correctness]. *Politicheskaya lingvistika*, 2, 102–109.

Panin, V. V. (2004). *Politicheskaya korrektnost' kak kulturno-povedencheskaya i yazykovaya kategoriya* [Political correctness as a cultural, behavioral and language category]. [Candidate Dissertation, Tumen State Pedagogical University].

Pogorelskaya, S. V. (2010). Lissobonskiy dogovor: problemy politicheskoy konsolidatsii [Lissobon agreement: problems of EU political consolidation]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 7, 40–54.

Popova, E. A. (1995). *Kulturno-yazykovye kharakteristiki politicheskogo diskursa (na materiale gazetnogo interview)* [Cultural and linguistic features of political discourse]. [Candidate Dissertation, Volgograd State Pedagogical University].

Romanova, T. V. (2015). Tolerantnost i politkorrektnost: analiticheskiy obzor sovremennogo sostoyaniy problem (lingvisticheskiy aspekt) [Tolerance and political correctness: analytical review of the issue]. *Politicheskaya lingvistika*, 2, 39–49.

Ter-Minasova, S. G. (2000). *Yazyk i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Language and intercultural communication]. Moscow: Slovo.

Chigishova, M. A. (2020). Gendernaya politkorrektnost v nemetskom yazyke (na materiale publichnykh vystupleniy politicheskikh deyateley) [Gender political correctness in the German language]. *Philologicheskiye nauki v MGIMO*, 3, 72–79.

Shlyakhtina, E. V. (2009). *Yazykovoy aspekt politkorrektnosti v angloyazychnoy i russkoy kulturakh* [Language aspect of political correctness]. [Candidate Dissertation, Yaroslavl State Pedagogical University after K. D. Ushinskiy].

Wierlemann, S. (2002). *Political Correctness in den USA und in Deutschland*. Berlin: Erich Schmidt Verlag.

Zimmer, D. E. (1998) *Deutsch und anders – die Sprache im Modernisierungsfieber*. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch.

Submitted: 26.09.2023

Accepted: 30.10.2023

УДК 811.111-26

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЭПИТЕТОВ ИЗ РОМАНА «ГАРРИ ПОТТЕР И ДАРЫ СМЕРТИ» ДЖ. РОУЛИНГ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Э. Э. Куликовская

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
elinamagiclo@yandex.ru

И. П. Зырянова

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
zryanovairena@gmail.com

Аннотация. Настоящая работа посвящена исследованию особенностей перевода эпитетов из романа «Гарри Поттер и дары смерти» Дж. Роулинг на русский язык. Цель исследования заключается в выявлении основных приемов перевода эпитетов в указанном произведении с английского на русский язык. Для анализа особенностей перевода эпитетов использовались методы сопоставительного, описательного и контекстуального анализа, а также метод случайной выборки и статистической обработки данных. В статье представлены особенности художественного дискурса, выявлены типы переводческих трансформаций, отдельно исследованы эпитеты как лингвистическое понятие. Согласно проведенному анализу, при переводе данного произведения используются как лексические, так и грамматические, и комплексные переводческие трансформации. Наиболее частотным приемом является калькирование. Результаты исследования вносят определенный вклад в теорию перевода, литературоведение, лексикологию, стилистику, могут быть использованы при подготовке переводчиков и специалистов со знанием иностранного языка.

Ключевые слова: художественный дискурс, перевод, эпитеты, Дж. Роулинг, Гарри Поттер, Гарри Поттер и дары смерти.

1. Введение

Художественный перевод текстов считается одним из сложнейших видов перевода. Каждый художественный текст призван выразить основную идею автора, передать уникальность его стиля и мировоззрения в целом. При этом важно учитывать, что разные языки и культура предполагают различный взгляд на одни и те же вещи и события. Именно поэтому любой профессиональный переводчик, посвятивший свою деятельность переводу художественных текстов, должен не только владеть языком оригинала на

высоком уровне, но и обладать творческой жилкой, становясь немного писателем при выполнении своей работы. Дословный перевод в данном случае невозможен, так как он не позволяет раскрыть всю суть исходного текста. Именно поэтому перевод художественных текстов неразрывно связан с рядом трудностей и особенностей. Любой художественный текст включает в себя многообразные выразительные средства, такие как, метафоры и эпитеты, сравнения и олицетворения и т.д. Выразительные средства помогают сделать текст более ярким, колоритным, придавая ему необходимые оттенки, раскрывая заложенную глубину и смыслы. Одним из самых распространенных выразительных средств можно считать эпитет. Стилистические функции эпитета разнообразны, поэтому он часто используется писателями, помогая в создании неповторимого авторского слога. При переводе выразительных средств, переводчик также встречается с трудностями. Основная трудность заключается в точной репрезентации выразительного средства на языке перевода. Многие выразительные средства очень сложно передать дословно, многие построены на едва уловимой игре слов, которая может быть понята только носителем оригинального языка. Поэтому задача переводчика заключается в подборе настолько подходящего по смыслу эквивалента выразительного средства, насколько это представляется возможным.

Теоретической базой данного исследования послужили работы в области стилистики, литературоведения, лингвистики и переводоведения таких ученых, как И. Р. Гальперин, В. Н. Комиссаров, Л. С. Бархударов, М. В. Алимova, Е. И. Баранчеева и др.

Научная новизна работы состоит в анализе эпитетов, представленных в финальной книге серии о Гарри Поттере, ранее не подвергавшихся рассмотрению.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью поиска адекватных приемов перевода эпитетов с английского языка на русский для обеспечения точности и высокого качества перевода.

Цель исследования состоит в выявлении основных приемов перевода эпитетов в художественном произведении Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и Дары Смерти» с английского на русский язык.

Объект исследования: эпитеты в художественном произведении жанра фэнтези «Гарри Поттер и Дары Смерти».

Предмет исследования: приемы, применяемые при переводе эпитетов.

Научная новизна работы состоит в том, что в качестве материала для исследования впервые была взята финальная часть из серии книг, посвященных приключениям юного волшебника.

2. Материал и методология

Материалом исследования послужили эпитеты (100 единиц), взятые из романа Дж. К. Роулинг «Harry Potter and the Deathly Hallows» [Rowling, 2007], и их перевод на русский язык, выполненный С. К. Аптом [Роулинг].

Для реализации цели исследования использовались методы сопоставительного, описательного и контекстуального анализа, а также метод случайной выборки и статистической обработки данных.

3. Виды переводческих трансформаций

Лингвисты приводят различные классификации переводческих трансформаций, которые могут быть использованы при переводе той или иной единицы языка. В данной работе будут приведены классификации В. Н. Комиссарова и Л. С. Бархударова, которые считаются наиболее признанными.

В. Н. Комиссаров делит переводческие трансформации на 3 большие группы:

1. Лексические трансформации;
2. Грамматические трансформации;
3. Комплексные (лексико-грамматические) трансформации.

По мнению В. Н. Комиссарова, лексические трансформации описывают формальные и содержательные отношения между словами и словосочетаниями в оригинале и переводе. Все лексические трансформации лингвист подразделяет следующим образом:

- 1) транскрипция;
- 2) транслитерация;
- 3) калькирование;
- 4) лексико-семантические замены (модуляция, конкретизация и генерализация) [Комиссаров, 2017, с. 212].

Транскрипцию определяют как формальное пофонемное воссоздание исходной лексической единицы с помощью букв языка перевода. Другими словами, это фонетическая имитация исходного слова. Например, George – Джордж, William – Уильям. Помимо имен собственных в группу единиц, переводимых посредством переводческой транскрипции, большинство специалистов включают также географические названия, названия народов и племен, наименования деловых учреждений, компаний, фирм, периодических изданий, названия спортивных команд, устойчивых групп рок-музыкантов, национально-культурных объектов (реалий).

Транслитерация – переводческий прием, основанный на передаче графического образа иностранного слова, т.е. на передаче букв при помощи русского алфавита. Этот прием заключается в следующем: заимствуется иностранное слово или термин, который на письме изображается буквами переводящего языка, а в устной речи произносится согласно произносительным нормам ПЯ.

Калькирование, согласно Виноградову, есть точная съемка морфемы за морфемой, иными словами, калькирование это приём перевода, при котором слова и выражения одного языка переводятся на другой путем точного воспроизведения. Например: land-based – наземное базирование, virtual machines – виртуальные машины, closed-source operating system – закрытая операционная система [Виноградов, 2001, с. 135]. Сущность калькирования

заключается в создании нового слова или устойчивого словосочетания в ПЯ, копирующего структуру исходной лексической единицы.

При конкретизации переводчик выбирает в переводящем языке слово с более конкретным значением: *good* – хороший, в русском языке, в зависимости от контекста, это прилагательное может быть переведено, как замечательный (опыт), качественный (материал), добрый (человек). Русское слово "красивый" в английском языке может быть представлено более конкретизирующими прилагательными: *gorgeous, magnificent, splendid, stunning, charming, appealing*.

Генерализация – один из видов лексической замены, прием перевода, когда единице перевода ИЯ подбирается соответствие в ПЯ с более широким референциальным значением по сравнению со словом языка оригинала. Например, английское предложение: *I saw a man 6 feet 2 inches tall* может быть переведено: «Я увидел высокого парня», т.к. в художественных произведениях в русском языке не принято указывать точный рост, вес персонажей. Обобщенный перевод здесь дается с учетом стилистических особенностей.

Грамматические трансформации так же являются одним из эффективнейших средств перевода. Такие трансформации используются в зависимости от грамматических и лексических факторов. Но разный строй языков является главной причиной их применения в процессе перевода.

Среди наиболее употребительных приемов грамматических трансформаций В. Н. Комиссаров выделяет:

- 1) дословный перевод;
- 2) членение предложения;
- 3) объединение предложений;
- 4) грамматические замены.

Согласно В.Н. Комиссарову, дословный перевод – это способ перевода, при котором синтаксическая структура предложения в исходном языке заменяется идентичной структурой в языке перевода [Комиссаров, 2017, с. 158].

Прием, который называется «членение предложения» заключается в разделении более длинного предложения в ИЯ на несколько небольших предложений в ПЯ. Прием грамматического объединения – процесс, обратный членению, т.е. происходит объединение небольших предложений на языке оригинала в одно единое предложение в ПЯ, это позволяет выразить основную мысль в одном сложном предложении.

Одной из важных грамматических трансформаций является грамматическая замена. Грамматическая замена, как это можно понять из названия способа перевода, заключается в замене грамматических структур при осуществлении перевода. Замене может подвергаться грамматическая категория, часть речи, член предложения, предложение определенного типа.

Кроме чисто лексических и грамматических трансформаций В. Н. Комиссаров выделяет еще лексико-грамматические, или по-другому, комплексные трансформации, к которым относит: антонимический перевод и экспликацию (описательный перевод).

Антонимический перевод представляет собой замену понятия, выраженного на языке оригинала, противоположным понятием на языке перевода. При этом совершается перестройка всего высказывания с целью сохранения неизменного содержания исходного текста [Самарин, 2017]. При переводе эпитетов эта трансформации встречается лишь в тех случаях, когда в оригинале отрицательная форма употреблена со словом, имеющим отрицательный префикс *not*.

I'm not kidding. – Я вам серьезно говорю.

Считается, что антонимический перевод следует применить в случае, если дословный перевод невозможен [Алексеева, 2004, с. 86].

Недостатком описательного перевода является его многословность. По определению А.В. Федорова описательный перевод «представляет собой лексическую замену, построенную по принципу определения понятия» [Федоров, 2002, с. 207].

Согласно классификации Л.С. Бархударова, к лексико-грамматическим трансформациям можно отнести методы добавления, опущения и перестановки [Бархударов, 2008, с. 124].

Перестановки – это изменение расположения слов, словосочетаний, частей сложного предложения и самостоятельных предложений в тексте перевода по сравнению с расположением элементов в тексте ИЯ.

Добавления – тип переводческой трансформации, который основан на восстановлении при переводе опущенных в ИЯ подходящих слов.

Опущение – это явление, полностью противоположное добавлению. В этом случае переводчик отказывается от использования тех или иных «избыточных» слов при переводе [Бархударов, 2008, с. 124].

Итак, переводческие трансформации – это преобразования, с помощью которых осуществляется переход от единиц оригинала к единицам перевода. Важно использовать трансформации там, где они необходимы, во избежание языковых несоответствий, нарушения адекватности перевода, которая основана на исчерпывающей передаче смыслового содержания текста [Федоров, 2002, с. 56]. Эпитет является одной из самых распространенных единиц перевода, чтобы понять, как осуществить адекватный перевод этого художественного средств выразительности, в следующих параграфах мы детально рассмотрим понятие эпитета и его классификации.

4. Эпитет как лингвистическое понятие

Исследование лингвистической природы эпитета предполагает учет комплекса показателей, охватывающих разные его аспекты, такие как семантика, структура, степень освоенности, количественный показатель, стилистическая окраска и образный потенциал [Любовская, 2013].

Весьма популярное в кругах исследователей определение предложил И. Р. Гальперин. Согласно его формулировке, эпитет – это «стилистический приём, основанный на взаимодействии предметно логического и контекстуального значений в определении, которое может быть выражено словом, фразой или даже предложением» [Гальперин, 2018, с. 139].

Н. П. Булахова в своей научной работе «К определению эпитета», называет это средство выразительности образным определением предмета или действия [2017].

В работе «Literary Text Analysis» авторы определяют эпитет, как «an attributive characterization of a person, thing or phenomenon. An epithet creates an image and reveals the emotionally coloured individual attitude of the author towards the object spoken of. There are the so-called conversational (standing) epithets, kind of literary cliché: green wood; true love; virgin land [Баяртурова, 2016, с. 157].

Согласно Г. К. Гималетдиновой, эпитет является одним из самых распространённых стилистических приёмов в художественном тексте, его специфика которого позволяет авторам не только использовать привычные для читателя клише, но и создавать новые (как по смыслу, так и по форме) эмоционально-оценочные единицы [Гималетдинова, 2016].

Т. М. Фадеева определяет эпитет как «художественное определение предмета (в широком понимании), конкретизирующее его значимый, с точки зрения автора, признак, актуализирующее в рамках контекста изобразительно-выразительный потенциал определяемого, обуславливая семантические приращения и трансформации» [Фадеева, 2014, с. 54].

По мнению О. Н. Емельяновой, эпитет есть художественное определение в широком смысле, основанное на переносе значения: образного, экспрессивного, стилистически значимого слова или словосочетания в синтаксической функции определения или обстоятельства, реже – сказуемого [Емельянова, 2014, с. 544].

Как показал обзор, ученые до сих пор не пришли к единому мнению касательно определения эпитета. В каждом толковании, автор отражает свою собственную точку зрения, причем одни излагают ее кратко, говоря об «образном сравнении», другие стараются провести разграничения между эпитетами и собственно именами прилагательными, или как их еще называют «логическими определениями». В английских же словарях, мы можем наблюдать такую картину, что эпитет определяется как «adjective» или «attributive categorization». Но, несмотря на различия, все определения сходятся в одном, благодаря эпитетам, в нашем сознании отображаются более полноценные образы событий и героев.

5. Классификации эпитетов.

В современном языкознании существует большое количество разнообразных классификаций эпитетов. Тем не менее, как и в случае с определением этого понятия, среди лингвистов так и не сложилось единого мнения,

какая же из классификаций может считаться универсальной. Остановимся на классификации, предложенной И. Р. Гальпериным [Гальперин, 2018, с. 105]. В первую очередь в своей классификации автор выделяет три принципа, на основе которых могут быть сформированы группы эпитетов:

1) по принципу закреплённости, незакреплённости в языке выделяют языковые (*language epithets*) и речевые (*speech epithets*) эпитеты;

2) по морфолого-синтаксическому выражению в английском языке приводится ряд структурных моделей эпитетов;

3) по семантическому признаку эпитеты делят на ассоциированные и неассоциированные. Последние придают характеристике предмета или явления несвойственные ему черты. В связи с этим неассоциированные эпитеты можно разделить еще на 2 группы: образные и безобразные.

Также, согласно классификации И. Р. Гальперина, эпитеты подразделяются на языковые и речевые эпитеты. К языковым эпитетам относятся:

1) эпитеты в словосочетаниях, ставшие литературными клише;

2) эпитеты, характерные для какого-либо определенного литературного жанра.

Речевые эпитеты – это группа эпитетов, к которым относятся собственно авторские, оригинальные эпитеты, использующиеся только в определенном произведении.

И. Р. Гальперин рассматривает эпитеты в аспекте их композиционной структуры (*compositional structure*) и их распределения в тексте (*distribution*). Такое разграничение позволяет выделить несколько структурных моделей эпитетов в английском языке.

С точки зрения композиционной структуры эпитетов выделяются следующие модели:

1) Эпитет выражен прилагательным в препозиции: A+N.

В данном случае прилагательное может быть простым одиночным определением (*simple*), например, *intelligent person* – «умный человек», *useful advice* – «полезный совет», *strong emotions* – «сильные эмоции», или сложным (составным) определением (*compound*). Сложные эпитеты строятся таким же путем, как и сложные прилагательные, поэтому для них так же актуальна модель A+N. Среди них наиболее распространенными эпитетами в английском языке являются прилагательные с суффиксом *-ed*, например, *hot-tempered woman* – «вспыльчивая женщина». Сложные прилагательные с элементом *-like*, отражающие свойства схожести, например, *his snake-like face* «его змееподобное лицо». Кроме того, встречаются сложные прилагательные, в которых сравнение выражается без помощи формальных показателей, например, *sea-deep eyes* «глаза глубокие, как море».

2) Модель, в которой эпитет выражен причастием, *Participle+N*. Эта модель является следующей по распространенности в английском языке. В данном случае эпитет выступает в качестве причастия настоящего (*low-*

growing brambles «низкорастущая ежевика»), или прошедшего времени (*a twisted face* «перекошенное лицо»).

3) Модель N+N, где в роли эпитета выступает существительное в функции определения. Эпитет может быть выражен нарицательным существительным в общем падеже, например, *a stone floor* «каменный пол»; в притяжательном падеже, например, *doopy-baset hound's eyes* «грустные, как у басета глаза»; существительное в конструкции с предлогом *of*, например, *the imminent threat of death* «неминуемая гибель»; *a curious gleam of silver* «странное серебристое свечение».

Эпитет, созданный на основе модели N+N с предлогом «*of*», И. Р. Гальперин называет «*reversed epithet*» (обратный эпитет). В данной конструкции эпитетом является существительное с предлогом «*of*». Кроме того, эпитетом может выступать имя собственное в общем или в притяжательном падеже, например, *her Gioconda smile* «её улыбка Джоконды»; *his loud Titan's laugh* «его громкий смех Титана». И. Р. Гальперин выделяет «фразовые эпитеты (*phrase epithets*)», где эпитет может быть выражен словосочетанием или целой фразой, написанной одним словом через дефис. Обычно в этой роли выступают индивидуально авторские эпитеты, например, *a speak-the-truth-only-manner of talking*, «говорящий только правду».

Необходимо отметить, что фразовые эпитеты практически всегда являются речевыми, созданными специально для определенного контекста. Авторы создают фразовые эпитеты в моменты, когда появляется необходимость описать признак, для которого в языке не существует отдельной лексемы.

4) Модель Adv.+A. Эпитет может быть выражен наречием при прилагательном, например, *his eyes were immensely deep* «его глаза были невероятно глубокими».

В семантическом аспекте И. Р. Гальперин разделяет эпитеты на ассоциированные и неассоциированные.

Ассоциированные эпитеты отражают природные, очевидные особенности предмета или явления, например: *pure-white peacock* «жемчужно-белый павлин», *silent people* «безмолвные люди», *roaring fire* «ревущее пламя». При употреблении вышеупомянутых эпитетов, автор выделяет из множества признаков предмета или явления один, наиболее очевидный. Этот способ писатель использует для того, чтобы выразить в предмете или явлении свое личное отношение к нему и заинтересовать читателя.

Неассоциированные эпитеты отражают в предмете особенности, характерные только для данных обстоятельств. Такие особенности могут выглядеть настолько нетипичными и даже непредсказуемыми, что способны поразить читателя своей новизной. Например, *angry purple blisters* «воспаленные багровые волдыри». Проанализировав смысловое содержание неассоциированных эпитетов, И. Р. Гальперин подразделяет их на два вида: образ-

ные эпитеты, в основе которых заложен какой-либо образ, например зрительный, звуковой, тактильный и т.п., и безобразные. В свою очередь образные эпитеты подразделяются на четыре группы эпитетов:

- 1) метафорические эпитеты;
- 2) сравнительные эпитеты;
- 3) синестетические эпитеты;
- 4) звукообразные эпитеты.

Наиболее многочисленной и богатой по содержанию является группа метафорических эпитетов. Метафорический эпитет объединяет в себе признаки метафоры и эпитета, и обычно отражает переносное значение. Например: *bushy hair* «густые волосы», *snake-like face* «змееподобное лицо» и др. Особый интерес среди метафорических эпитетов представляют лексемы, основанные на придании неодушевлённым предметам свойств и признаков живых существ. Такие эпитеты называются олицетворяющими или персонифицирующими. Например: *ugly truth* «неприятная правда», *silent streets* «безмолвные улицы».

Существует также разновидность метафорического эпитета, в которой, напротив, человеку могут быть приписаны качества неживых существ, например, *frozen glance* «застывший взгляд».

Сравнительные эпитеты – вид образных эпитетов, конструкция которых содержит элемент *-like*. Сравнительные эпитеты, как правильно, отражают определенную схожесть с предметом или явлением. Некоторые из эпитетов основаны на явлении, известном в науке, как «зоосемия». Такие эпитеты в первую очередь отличаются тем, что признаки, заложенные в значении эпитета, относятся к частям тела человека, что может отражаться в описании животных. Однако такие эпитеты лишь указывают на некоторое сходство между ними, но не описывают части человеческого тела, как животных. Например: *round, owl-like eyes* «круглые, как у совы глаза».

Синестетический эпитет – вид перцептивного эпитета. В лингвистической литературе под языковой синестезией понимается употребление слова, значение которого связано с одним органом чувств, в значении, относящемся к другому органу чувств. При синестезии всегда можно выделить первичное ощущение, по аналогии с которым рассматриваются другие. Под синестетическим эпитетом мы понимаем сочетания имени прилагательного с перцептивной семантикой с другими частями речи, в которых интегрируются семантические сферы различных видов ощущения [Иванова, 2015, с. 84–90]. Например: *agonizing black despair* «мучительное черное отчаяние»

Среди многообразия приёмов звуковой организации текстов в эпитетах нередко применяются звукоподражание, аллитерация и звуковой символизм. Исходя из этого, различают 3 разновидности эпитетов:

- 1) звукоподражательные,
- 2) аллитерирующие,
- 3) звукосимволические.

Звукоподражательные эпитеты обычно выражены словами, в которых заложен какой-то «звукоподражательный смысл». Такими звуками могут быть различные проявления человеческих особенностей, как кашель, смех, также это могут быть голоса животных, птиц, строительные звуки, такие как стук, скрежет, звуки природных явлений и т.д. Например: *roaring voice* «рычащий голос».

Аллитерирующие эпитеты являются подвидом звукообразных эпитетов. Такие эпитеты основаны на аллитерации, т. е. процессе повторения схожих или однородных согласных, с целью придания ему особой звуковой выразительности, усиления семантического единства между словами [Фомушкина, 2012]. Наиболее часто аллитерации подвергается впередистоящий согласный звук. Например: *baby blue eyes* «голубые, как у младенца глаза».

В звуко-символических эпитетах отражается идея звуковых образов, т.е. таких определений, которые вызывают в нашей голове особое представление предмета. Обязательным условием является то, что образы должны быть представлены в звуковых символах. Например: эпитет *drizzling* «моросающий» создает представление о мелком, не очень приятном дожде [Гальперин, 2018, с. 265].

Переходим к рассмотрению еще одной группы эпитетов, которые называют безобразными. В данной группе существует несколько подразделений. Это разделение осуществляется исходя из определенных признаков, основанных на взаимодействии значений определения и определяемого слова. И. Р. Гальперин выделяет четыре группы безобразных эпитетов:

- 1) перенесенные эпитеты,
- 2) оксюморонные эпитеты,
- 3) гиперболические эпитеты,
- 4) антономазийные эпитеты.

Перенесенные эпитеты являются самой многочисленной группой среди безобразных эпитетов. Данное понятие соотносится с античной фигурой речи – гипаллагой, стилистической фигурой, состоящей в переносе элемента одной синтаксической группы в другую, с ней смежную. Следовательно, смысл перенесенных эпитетов заключается в отражении переносного, метонимического значения на предмет или явление [Баранчеева, 2016]. Но, этот перенос не является явным. Обычно в группу перенесенных эпитетов входят определения, отражающие признаки человека (напрямую, испытываемые им чувства), на его теле. Например: *an angry back* «сердитая спина»; определения, раскрывающие эмоциональное состояние персонажа, его настроение, перенесенные на название одного из внешних выражений этих эмоций: *understanding gaze* «понимающий взгляд» [Павщук, 2007, с. 9].

Группа оксюморонных эпитетов является особой. Их отличие от обычных эпитетов заключается в том, что лексическое значение этих эпитетов противоположно значению определяемых ими слов. Кроме того, важно отметить, что оксюморон, как и эпитет, есть атрибутивное словосочетание;

еще одно сходство между оксюмороном и эпитетом заключается в том, что и то и другое выражает эмоциональное значение слова, которому часто полностью уступает логическое, например, *tolerant superiority* «терпимое превосходство»

Третьей разновидностью безобразных эпитетов являются эпитеты, в основе которых лежит процесс, заложенный в таком стилистическом приеме, как гипербола. Гипербола – явное, намеренное преувеличение какого-либо признака, использующееся с целью усиления выразительности, например: *indescribable offense* «неописуемая обида» [Гальперин, 2018, с. 267].

В основе антономазийных эпитетов лежит такой стилистический прием, как антономазия. Антономазия – это троп, в котором происходит замена нарицательного имени именем собственным, или наоборот. Такие эпитеты довольно часто встречаются в художественных произведениях, и представляют собой модель N+N, где эпитет выражен нарицательным существительным, либо прилагательным, образованным от такого существительного. Таким образом, эпитетом может стать историческая личность, выдуманный персонаж, мифологические герои или люди, которые чем-то известны всему миру. Например: *Gorgonglance* «взгляд медузы Горгоны», *Jokondasmaile* «улыбка Джоконды» [Гальперин, 2018, с. 268].

6. Лексические трансформации при переводе эпитетов.

В романе «Гарри Поттер и Дары смерти» фантастическая вселенная представлена очень красочно, в большей мере благодаря использованию разнообразных эпитетов. Мы рассмотрим примеры употребления данного художественного средства в описании окружения, эмоций, действий персонажей и их перевод, осуществленный при помощи лексических трансформаций.

Например, Джоан Роулинг предоставляет вниманию читателей детальное описание дома Малфоев – богатой семьи волшебников, вставшей на сторону главного антагониста серии – Волан-де-Морта. Автор рисует это место величественным и мрачным:

The high hedge curved with them, running of into the distance beyond the pair of impressive wrought-iron gates, barring the men's way. – Живая изгородь, повернувшая вместе с ними, вскоре оборвалась у высоких кованых ворот, преградивших двум мужчинам путь.

При переводе *impressive wrought-iron gates* был применен лексический прием генерализации, так как прилагательное *impressive*, обозначающее "впечатляющий, в ТП заменяется на "высокий".

Somewhere in the dark garden beyond the hedge, a fountain was playing.

«Где-то в темном парке журчал за тисовой изгородью фонтан».

Можно предположить, что переводчик использовал приемы калькирования и модуляции, оставив прилагательное «dark», но заменив существительное «garden». Данная замена здесь уместна, так как обладатели темного сада – богатые люди, их сад по размерам может быть сравним с парком.

Жуткие описания Волан-де-Морта приспешников позволяют по-настоящему почувствовать тот ужас, который он внушает:

As they drew nearer, however, his face shone through the gloom, hairless, snakelike, with slits for nostrils and gleaming red eyes whose pupils were vertical.

«Однако по мере их приближения лицо его выступало из мрака - голое, змеиное, с узкими прорезями вместо ноздрей и блестящими красными глазами с вертикалями зрачков».

Можно предположить, что описывая глаза Волан-де-Морта, переводчик использовал прием генерализации, если давать более точный перевод, то gleaming будет звучать как "сияющий"/"сверкающий", в тексте перевода мы видим более общее прилагательное "блестящий".

Voldemort's lipless mouth curved into something like a smile.

«...беззубый рот его господина искривился в подобии улыбки».

При переводе lipless mouth был применен лексический прием калькирования.

В произведении встречается большое количество интересных эпитетов, связанных с описанием внешности а также действий, ощущений, испытываемых персонажами при тех или иных обстоятельствах, которые С. Апта переводит с помощью калькирования:

- a pale young man – бледный юноша,
- the silent people – безмолвные люди,
- a squat man – коренастый мужчина,
- a large white hand – большая белая ладонь,
- bushy hair – густые волосы,
- a clean gaping hole – чистая зияющая дыра (об отсеченном ухе Джорджа),
- terrible drawn-out cry – ужасный, протяжный крик,
- a burning sensation – обжигающая боль.

В переводе С. К. Апта калькирование не является единственным лексическим средством перевода. Оно является основным, но на ряду с ним встречаются и другие приемы:

The lane was bordered on the left by wild, low-growing brambles, on the right by a high, neatly manicured hedge.

«Вооль тропы или слева низкие кусты дикой ежевики, а справа - высокая ухоженная живая изгородь».

В этом примере наблюдается применение генерализации; neatly-manicured более точное, выразительное прилагательное, чем подобранный русский эквивалент «ухоженный», с другой стороны, в данном случае генерализацию можно рассматривать как наилучший вариант, при полном калькировании neatly-manicured, перевод получился бы менее благозвучным.

В следующем примере тоже можно увидеть использование генерализации:

Thought I might be late, said Yaxley, his blunt features sliding in and out of sight as the branches of overhanging trees broke the moonlight.

«Я уже боялся, что опоздаю, - сказал Яксли, грубое лицо которого то освещалось светом луны, пробивавшимся между нависшими над тропой ветвями, то снова погружалось во тьму».

Генерализация заключается в том, что слово "features" - "черты лица", заменяется в ТП на существительное «лицо».

Ещё один случай генерализации наблюдается в предложении, приведенном ниже:

Yaxley drew his wand again, pointing it over his companion's head, but the source of the noise proved to be nothing more than a pure-white peacock, strutting majestically along the top of the hedge.

«Яксли снова извлек из-под мантии палочку, повел ею над головой своего спутника, но источником шума оказался всего лишь белый павлин, величаво вышагивавший по тисовой изгороди».

Pure-white можно перевести как «белоснежный», «чисто-белый», «нежно-белый», переводчик остановился на варианте "белый", что является менее конкретным определением.

Таким образом, проанализировав приведенные нами отрывки из произведения «Гарри Поттер и Дары Смерти», можно заключить, что самым употребительным лексическим приемом при переводе данной книги, является калькирование (32%). Реже встречается прием модуляции, или смыслового развития и генерализации (12%). Также было найдено небольшое количество примеров, где прослеживается применение конкретизации (2%). В следующем параграфе рассмотрим, какие грамматические трансформации при переводе эпитетов были использованы.

7. Грамматические трансформации при переводе эпитетов.

В теоретической части данной исследовательской работы было установлено, что к грамматическим трансформациям относятся: дословный перевод, членение предложений, объединение предложений и грамматические замены [Комиссаров, 2018, с. 56]. В практической части мы определим, какие грамматические трансформации применял при осуществлении перевода С.К. Апт.

There was a general cry of greeting as Hermione flung her arms around him, Ron clapped him on the back, and Hagrid said, All righ', Harry? Ready for the off?

«Раздался общий приветственный крик, Гермиона обняла Гарри, Рон похлопал его по спине, а Хагрид спросил: Порядок, Гарри? К отправке готов?»

В данном примере мы видим грамматическую замену существительное множественного числа «greetings» трансформировалось в прилагательное «приветственный»

Также грамматическая замена представлена в следующем примере:

Lupin's retort was lost: Finally succeeding in squeezing through the door, Hagrid staggered to a chair and sat down; it collapsed beneath him. Ignoring his mingled oaths and apologies, Harry addressed Lupin again .

«Ответа Люпина он не услышал - Хагрид, наконец пролезший в дверь, подошел к одному из стульев, сел, и стул тут же развалился. Не обращая внимания на смесь ругательств и извинений, Гарри вновь обратился к Люпину».

Причастие прошедшего времени «mingled» было трансформировано в существительное «смесь».

Ещё один случай применения грамматической замены можно увидеть в этом предложении, существительное «a hug» трансформируется в глагол «обнять»:

But James merely laughed, permitted his mother to kiss him, gave his father a fleeting hug, then leapt onto the rapidly filling train.

«Но Джеймс только засмеялся, позволил матери поцеловать себя, про-ворно обнял отца и нырнул в быстро заполнявшийся поезд».

Самый распространенный формат словосочетания A+N переводчик трансформировал в фразу, где используется наречие и глагол.

В этом примере также представлено использование грамматической замены:

Convinced as he was of his total solitude, this did not concern him, but it did intrigue him slightly.

«Будучи уверенным в том, что один, он не волновался, но был немного удивлен».

Существительное «solitude» в русском переводе было трансформировано в числительное. Также можно заметить применение опущения – переводчик убрал прилагательное «total».

All was hushed and still, except for those odd thumping and whimpering noises coming from somewhere close by in the mist. . .

«Вокруг царил тишина и спокойствие, за исключением тех странных хлопающих хныкающих звуков, доносившихся из тумана откуда-то неподалеку...»

В данной отрывке, С. П. Апта убирает членение составного эпитета. «Odd thumping and whimpering» трансформируется в единое сочетание, переведенное с помощью калькирования – «странные хлопающие хныкающие звуки».

В примере, приведенном ниже, переводчик вновь прибегает к изменению членения эпитета, опуская при переводе союз «и».

1) *Small and fragile and wounded though it was, he did not want to approach it .*

«Несмотря на то, что оно было маленьким, хрупким и израненным, приближаться не хотелось».

Подводя итоги по анализу грамматических трансформации, используемых переводчиком, можно выделить две основных: грамматическая замена (12%) и членение составных эпитетов (3%). Так как эпитеты являются лексическими единицами, то членение и объединение предложений на их примере рассматриваться не может. Далее рассмотрим, какие комплексные трансформации при переводе эпитетов были использованы С. К. Аптом.

8. Комплексные трансформации при переводе эпитетов.

Как отмечалось ранее, помимо лексических и грамматических трансформаций В. Н. Комиссаров выделяет еще комплексные (или лексико-грамматические) трансформации. К данному виду трансформации относятся: антонимический перевод, компенсация и экспликация (описательный перевод).

Для того, чтобы получить более детальное представление о комплексных приемах перевода, используемых в выбранном произведении, при осуществлении анализа классификация В. Н. Комиссарова была объединена с классификацией, предложенной И. Р. Бархударовым, в которой выделяются еще такие переводческие приемы, как добавление и опущение. Рассмотрим приемы, которые использовал переводчик С. К. Апт.

The light was fading rapidly now, the hall full of shadows in the evening light [Rowling, 2007].

Уже начинало смеркаться, прихожую заполняли вечерние тени.

Если рассматривать окончание этого предложения, можно предположить, что переводчик использовал антонимический перевод. *Evening light* трансформировалось в *вечерние тени* в тексте перевода.

A handsome manor house grew out of the darkness at the end of the straight drive, lights glinting in the diamond-paned downstairs windows .

В конце прямой дорожки вырос из темноты большой, красивый загородный дом с мерцающим в ромбовидных окнах первого этажа светом.

В данном случае С. К. Апт применил добавление, в тексте оригинала не было прилагательного «большой», с помощью него переводчик подчеркнул внушительные размеры семейного особняка Малфоев.

The eyes of the pale-faced portraits on the wall followed Snape and Yaxley as they strode past.

Снегг и Яксли пересекли его, проводжаемые взглядами бледных людей, изображенных на висевших по стенам портретах.

В этом предложении использован описательный перевод; *pale-faced portraits on the wall* трансформировалось в "бледные люди, изображенные на висящих по стенам портретах". Также использована грамматическая замена категории числа при переводе слова «wall». Кроме того, мы можем увидеть генерализацию, вместо возможного эпитета «бледнолицые», переводчик использовал "бледные".

Illumination came from a roaring fire beneath a handsome marble mantel-piece surmounted by a gilded mirror.

Освещало гостиную пламя, ревшее в мраморном камине, над которым висело большое зеркало в резной золоченой оправе.

В русском варианте мы можем увидеть применение опущения и добавления. В ТП нет акцента на том, что мраморный камин красивый, опущено слово «handsome» в то же время, С. К. Апт добавляет детали при описании зеркала – в исходном тексте не было сказано, что оно заключено в резную оправу.

...and Mundungus Fletcher, small, dirty, and hangdog, with his droopy beady hound's eyes and matted hair.

...и Наземникус Флетчер – маленький, грязный, вечно пристыженный, с грустными, как у бассета, глазами и спутанными волосами.

При описании внешности Наземникуса Флетчера, переводчик прибегает к использованию опущения, убирая прилагательное beady. При помощи сравнительной конструкции «с грустными, как у бассета, глазами», осуществлен описательный перевод.

The side of his head and neck were drenched in wet, shockingly scarlet blood.

Вся сторона головы и шея были залиты влажной, ярко-алой кровью.

Описывая страшную рану Джорджа, С. К. Апт применяет опущение и добавление. Опускается слово *shockingly*, но оно отображается в переводе путем добавления дополнительного оттенка к слову *алый*. В исходном тексте мы видим *scarlet blood*, в ТП – *ярко-алая кровь*.

Самыми часто используемой комплексной трансформацией в переводе С. К. Апта является описательный перевод (20%), реже применяется опущение и добавление (3%), самая редко встречаемая комплексная трансформация - антонимический перевод (1%). Результаты анализа комплексных трансформаций приведены ниже на рисунке 2.6.

На рисунке 2.7. приведен общие результаты анализа переводческих трансформаций в произведении «Гарри Поттер и Дары Смерти»:

Таким образом, осуществив анализ переводческих трансформаций, которые были использованы С. К. Аптом при переводе книги, можно прийти к

следующим выводам: среди лексических трансформаций наибольшее распространение получил прием калькирования (32%). Наиболее употребительной грамматической трансформацией стала грамматическая замена (12%), а из комплексных трансформаций переводчик отдал свое предпочтение применению описательного перевода (20%).

9. Заключение

Представленный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Самыми распространенными эпитетами по принципу закреплённости, незакреплённости в языке являются языковые эпитеты (72%).

2. Модель А+N является самой употребительной (69%). За ней следуют модели, в которых эпитет выражен причастием настоящего времени (14%),

причастием прошедшего времени (6%), наречием (6%), и самая малочисленная группа, в которой эпитеты выражены существительным (5%)

3. С точки зрения семантического аспекта, ассоциированные эпитеты распространены шире, чем неассоциированные (72% ассоциированных эпитетов от общей суммы). Среди неассоциированных в произведении больше всего метафорических эпитетов (71,5%), далее следуют звукообразные (11%), синестетические (7%), процент сравнительных, перенесенных и гиперболических эпитетов составляет равное количество – 3,5%. Антономазийные и оксюморонные: при анализе произведения не встретились.

Говоря о приемах перевода эпитетов, были выявлены следующие особенности:

1. Среди лексических трансформаций самым используемым приемом перевода эпитетов является прием калькирования (32%). Так же довольно часто С. К. Апт применял модуляцию и генерализацию (12%).

2. Среди грамматических трансформаций переводчик чаще всего использовал грамматическую замену (12%) и членение словосочетания (3%).

3. В группе лексико-грамматических трансформаций можно особенно выделить применение описательного перевода (20%).

Общий процент лексических трансформаций в произведении составил 58%, комплексных 27% и наименьшее количество составили грамматические трансформации, 15 % от общего количества примененных приемов перевода. Исходя из полученных результатов, можно предположить, что применение лексических трансформаций является наиболее простым и оптимальным способом перевода.

В ходе данного исследования были затронуты особенности англоязычного дискурса, которые внесли свою лепту во многие, как публицистические, так и художественные произведения, оригинальным языком которых является английский язык. Финальная книга о Гарри Поттере не стала исключением, англоязычный дискурс оказал на это произведение свое влияние. При написании этой исследовательской работы было всесторонне рассмотрено понятие «эпитет», как лингвистическое явление, также подробно были рассмотрены переводческие трансформации.

Практическая часть исследования позволила составить четкое представление о типах эпитетов, которые предпочитает использовать Дж. Роулинг, а также о приемах их перевода на русский язык С. К. Аптом.

Роулинг отдает предпочтение языковым эпитетам, при создании эпитета автор чаще всего использует структурную модель Noun+Adjective, также, большинство встречающихся в произведении эпитетов относятся к метафорической группе.

Переводчиком были использованы как лексические, так и грамматические, и комплексные переводческие трансформации. Излюбленным приемом оказалось калькирование. Можно сказать, что все вышеперечисленные

трансформации были использованы уместно, что позволило обеспечить адекватность перевода.

Список литературы

Алексеева, И. С. Введение в переводоведение / И. С. Алексеева. – Москва : Академия, 2004. – 352 с. – Текст непосредственный.

Алимова, М. В. Особенности и основные критерии перевода художественного текста / М. В. Алимова. – Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2012. – № 2. – С. 47–52.

Баранчеева, Е. И. Семантические механизмы английского перенесенного эпитета / Е. И. Баранчеева. – Текст : непосредственный // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2016. – Т. 6, № 2. – С. 94–103.

Бархударов, Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – Москва : ЛКИ, 2008. – 238 с. – Текст : непосредственный.

Баяртурова, Е. П. *Literary Text Analysis: a manual for advanced learners of English* / Е. П. Баяртурова. – Улан-Удэ : Бурятский государственный университет, 2016. – 96 с. – Текст : непосредственный.

Булахова, Н. П. К определению понятия эпитет / Н. П. Булахова, А. П. Сковородников. – Текст : непосредственный // Экология языка и коммуникативная практика. – 2017. – № 2 (9). – С. 122–143.

Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – Москва : Изд-во Ин-та общ. и сред. образования РАО, 2001. – 224 с. – Текст непосредственный.

Гальперин, И. Р. *English Stylistics: стилистика английского языка* / И. Р. Гальперин. – Москва : Либроком, 2018. – 336 с. – Текст : непосредственный.

Гималетдинова, Г. К. Трудности художественного перевода английских эпитетов (на примере романа Н. Хорнби «Как стать добрым») / Г. К. Гималетдинова, М. А. Перминова. – Текст : непосредственный // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 158, № 5. – С. 1392–1403.

Емельянова, О. Н. Эпитет. Эффективное речевое общение (базовые компетенции) / О. Н. Емельянова. – Красноярск : Сибирский Федеральный Университет, 2014. – 760 с. – Текст непосредственный.

Иванова, Р. П. Функционирование синестетических эпитетов в произведении Э. Фрейд «The Sea House» / Р. П. Иванова. – Текст : непосредственный // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. – 2015. – № 4. – С. 84–90.

Комиссаров, В. Н. Лингвистика перевода / В. Н. Комиссаров. – Москва : ЛКИ, 2017. – 176 с. – Текст непосредственный.

Любовская, О. Л. Метафорический двуступенчатый эпитет и способы его перевода с английского на русский язык / О. Л. Любовская. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 2 (20). – С. 131–136.

Павшук, А. В. Языковая природа и функции эпитета в художественном тексте (на материале романа Асорина «Воля») : специальность 10.02.05 «Романские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Павшук Анна Владимировна ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2007. – 21 с. – Текст : непосредственный.

Самарин, Д. А. Антонимический перевод как особый переводческий приём / Д. А. Самарин. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 11(77). – Ч. 1. – С. 158–161.

Фадеева, Т. М. Сложный эпитет – ядерная единица художественного пространства в русском языке: специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Фадеева Татьяна Михайловна ; Московский государственный педагогический университет. – Москва, 2014. – 460 с. – Текст непосредственный.

Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) / А. В. Федоров – Москва : ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. – 416 с. – Текст : непосредственный.

Фомушкина, О. В. Аллитерация как средство усиления семантического единства (на материале древне и среднеанглийских поэтических текстов) / О. В. Фомушкина. – Текст : непосредственный // Армия и общество. – 2012. – № 1. – С. 127–130.

Список источников

Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и Дары Смерти в переводе С. Апта. – Текст электронный // Гарри Поттер и Дары Смерти в переводе С. Апта. [сайт] — URL: <https://www.rulit.me/books/garri-potter-i-dary-smerti-read-114101-1.html> (дата обращения 18.06.2022)

Rowling, J. K. Harry Potter and the Deathly Hallows / J. K. Rowling. – London: Bloomsbury, 2007. – 760 p. – Текст непосредственный.

Получена: 17.08.2023

Принята: 13.10.2023

**PECULIARITIES OF TRANSLATING EPITHETS FROM THE NOVEL
"HARRY POTTER AND THE DEATHLY HALLOWS"
BY J. ROWLING INTO RUSSIAN LANGUAGE**

E. E. Kulikovskaya

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
elinamagiclo@yandex.ru

I. P. Zyryanova

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
zyryanovairena@gmail.com

Abstract. The article is devoted to studying ways of translating epithets in the novel "Harry Potter and the Deathly Hallows" from English into Russian. The purpose of the research is to highlight the main techniques applied in the Russian edition. The theoretical part of the research focuses on the features of literature discourse, types of translation transformations and an epithet as a linguistic notion. The following methods are used to analyze ways of translating epithets: descriptive method, continuous sampling method, classification method, method of discourse analysis, method of statistical and typological processing of the data. The analyses shows that the translator uses lexical, grammar and complex transformations of the analyzed epithets. The research results can be applied in the field of translation theory, literature studies, lexicology, stylistics, while training translators and students.

Key words: literature discourse, translation, epithet, J. Rowling, Harry Potter, Harry Potter and the Deathly Hallows.

References

Aleksieva, I. S. (2004). *Vvedenie v perevodovedenie: uchebnoe posobie dlya studentov filologicheskogo i lingvisticheskogo fakulteta vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Introduction to Translation Studies: a textbook for students of the Philological and Linguistic Faculty of higher educational institutions]. Moscow: «Akademiya».

Alimova, M. V. (2012). Osobennosti i osnovnye kriterii perevoda khudozhestvennogo teksta [Features and main criteria of literary text translation]. *Vestnik RUDN. Seriya: Russkij i inostrannye jazyki i metodika ih prepodavaniya*, 2, 47–52.

Barancheeva, E. I. (2016). Semanticheskie mekhanizmy angliyskogo perenosnogo epiteta [Semantic mechanisms of the English transferred epithet]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 6(2), 94–103.

Barkhudarov, L. S. (2008). *Yazyk i perevod: voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda* [Question of general and specific theory of translation]. Moscow: LKI.

Bayarturova, E. P. (2016). *Literary Text Analysis: a manual for advanced learners of English*. Ulan-Ude: Buryat State University.

Bulakhova, N. P. (2017). K opredeleniyu ponyatiya epiteta [On the definition of the concept of epithet]. *Ekologija jazyka i kommunikativnaja praktika*, 2(9), 122–143.

Emelyanova, O. N. (2014). *Epitet. Effektivnoe rechevoe obshchenie* [Effective speech communication]. Krasnoyarsk: Sibirskiy Federal'nyy Universitet.

Fadeeva, T. M. (2014). *Slozhnyy epiteta – yadernaya yedinita khudozhestvennogo prostranstva v russkom yazyke* [Complex epithet - the core unit of artistic space in the Russian language]. [Candidate Dissertation, Moscow State Pedagogical University].

Fedorov, A. V. (2002). *Osnovy obshchey teorii perevoda* [Fundamentals of the general theory of translation]. Moscow. FILOLOGIYA TRI.

Fomushkina, O. V. (2012). Alliteratsiya kak sredstvo usileniya semanticheskogo edinstva [Alliteration as a means of strengthening semantic unity]. *Armiya i obshchestvo*, 1, 127–130.

Galperin, I. R. (2018). *English Stylistics*. Moscow: Librokom.

Gimaletdinova, G. K. (2016). Trudnosti khudozhestvennogo perevoda angliyskikh epiteta (na primere romana N. Khornbi «Kak stat' dobrym») [Difficulties of artistic translation of English epithets, on the example of N. Hornby's novel "How to Be Good"]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 158(5), 1392–1403.

Ivanova, R. P. (2015). Funktsionirovanie sinesteticheskikh epiteta v proizvedenii E. Freyd «The Sea House» [The functioning of synesthetic epithets in the work by E. Freud «The Sea House»]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova*, 4, 84–90.

Komissarov, V. N. (2017). *Lingvistika perevoda* [Linguistics of translation]. Moscow: LKI.

Lyubovskaya, O. L. (2013). Metaforicheskiy dvustupenchatyy epiteta i sposoby ego perevoda s angliyskogo na russkiy yazyk [Metaphorical two-step epithet and its translation from English to Russian]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2(20), 131–136.

Pavshchuk, A. V. (2007). *Yazykovaya priroda i funktsii epiteta v khudozhestvennom tekste (na materiale romana Asorina «Volya»)* [The linguistic nature and functions of the epithet in the literary text, based on the novel «Will» by Asorin]. [Candidate Dissertation, Moscow State Pedagogical University].

Samarin, D. A. (2017). Antonimicheskiy perevod kak osobyi perevodcheskiy priyom [Antonymous translation as a special translation technique]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 11(77), 158–161.

Vinogradov, V. S. (2001). *Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy)* [Introduction to Translation Studies; general and lexical issues]. Moscow: RAO.

Submitted: 17.08.2023

Accepted: 13.10.2023

Информация для авторов

Правила предоставления рукописей

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству специалистов в области истории и филологии.

К рассмотрению принимаются статьи, представляемые к публикации впервые, не опубликованные ранее и не находящиеся на рассмотрении в других изданиях. Статья должна содержать результаты выполненного авторами самостоятельно оригинального исследования, характеризующиеся отчетливой научной новизной, актуальностью, теоретической и практической значимостью.

Все статьи проходят проверку на плагиат.

Редакция принимает материалы объемом от 20 до 40 тыс. знаков с пробелами (1 авт. л.). Объём сообщений, рецензий и других подобных материалов — до 8 тыс. знаков. По согласованию с редакцией журнала объем текста может быть увеличен.

В редакцию высылаются:

1. Файл с текстом статьи (именуется «Фамилия_первые слова названия статьи»).

2. Файл «Фамилия_данные об авторе», в которой помещается следующая информация:

- Фамилия, имя, отчество автора полностью.
- Официальное наименование места работы, должность, учёная степень, учёное звание автора.
- Контактная информация (служебный адрес с почтовым индексом, номер телефона, электронная почта).
- Название статьи.

3. Подписанный текст согласия (сканированная копия) на опубликование в открытой печати текста статьи и индивидуальных сведений автора (авторов). Образец бланка согласия представлен в Приложении 2.

4. Для работ авторов, не имеющих ученой степени, требуется рекомендация научного руководителя или рекомендация кандидата/доктора наук по специальности статьи в виде сканированного текста с подписью и контактными данными. Файл именуется «Фамилия_Рекомендация».

Тексты высылаются в форматах .doc, .docx, .rtf. Электронные версии рисунков (в форматах .bmp, .png, .jpg, .tif) высылаются отдельными пронумерованными файлами (названия файлов: «рис. 1.», «рис. 2» и т.д.).

Адрес для отправки материалов по электронной почте: uzntgspi@yandex.ru

Статьи, оформленные с нарушением требований журнала, возвращаются авторам на доработку.

Требования к оформлению статей в журнале «Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология»

Параметры страницы: верхнее и нижнее поля — 2 см, левое и правое — 2,5 см. Шрифт Times New Roman, кегль 14. Интервал одинарный, абзацный отступ 1 см.

Ссылки оформляются согласно ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Например: [Иванов, 1999, с. 56], [Теория метафоры, 1990, с. 67], [Лаккофф, 2001; Чудинов, 2001].

В лингвистических статьях иллюстративный материал (слово, фразеологическая единица, словосочетание, предложение и т. п.) в тексте статьи выделяется курсивом. Толкование значения слова и семы заключается в одинарные кавычки ‘...’. Ссылка на источник приводимого иллюстративного материала дается после примера в круглых скобках (внутритекстовая ссылка): *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках* (Новая газета. 2007. № 7).

Источники оформляются в виде нумерованного списка литературы в алфавитном порядке. Библиографические записи в списке литературы оформляются согласно ГОСТ 7.80-2000 «Библиографическая запись. Заголовок», ГОСТ Р 7.0.100-2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

Примеры оформления библиографических записей в списке литературы

Книги одного автора

Скляревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. – Санкт-Петербург : Наука, 1993. – 151 с. – Текст : непосредственный.

Книги двух авторов

Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Москва : Наука : Флинта, 2008. – 248 с. – Текст : непосредственный.

Книги трех авторов

Антрушина, Г. Б. Лексикология английского языка / Г. Б. Антрушина, О. В. Афанасьева, Н. Н. Морозова : учебное пособие. – 2-е изд. – Москва : Дрофа, 2000. – 288 с. – Текст : непосредственный.

Книги четырех авторов

Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 245 с. – Текст : непосредственный.

Книги пяти и более авторов

Распределенные интеллектуальные информационные системы и среды / А. Н. Швецов, А. А. Сукошников, Д. В. Кочкин [и др.]. – Курск : Университетская книга, 2017. – 196 с. – Текст : непосредственный.

Книги под заглавием

Теория метафоры : сборник научных статей / Под ред. Н. Д. Арутюновой. – Москва : Прогресс, 1990. – 512 с. – Текст : непосредственный.

Диссертации

Кушнерук, С. Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование в британской и российской коммерческой рекламе : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Кушнерук Светлана Леонидовна ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2016. – 567 с. – Текст : непосредственный.

Авторефераты диссертаций

Величковский, Б. Б. Функциональная организация рабочей памяти : специальность 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук / Величковский Борис Борисович ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2017. – 44 с. – Текст : непосредственный.

Многотомное издание в целом

Голсуорси, Д. Сага о Форсайтах : в 2 томах. / Д. Голсуорси ; перевод с английского М. Лорне [и др.]. – Москва : Время, 2017. – Текст : непосредственный.

Статьи из журналов

Серио, П. От любви к языку до смерти языка / П. Серио. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2009. – № 29. – С. 118–123.

Вепрева, И. Т. Перегрузка / И. Т. Вепрева, Н. А. Купина. – Текст : непосредственный // Русский язык за рубежом. – 2009. – № 3. – С. 119–122.

Влияние психологических свойств личности на графическое воспроизведение зрительной информации / С. К. Быструшкин, О. Я. Созонова, Н. Г. Петрова [и др.]. – Текст : непосредственный // Сибирский педагогический журнал. – 2017. – № 4. – С. 136–144.

Статьи из сборников, книг

Кибрик, А. А. Функционализм / А. А. Кибрик, В. А. Плунгян. – Текст : непосредственный // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. – Москва : Издательство МГУ, 1997. – С. 276–339.

Электронные ресурсы локального доступа

Основы системного анализа и управления : учебник / О. В. Афанасьева, А. А. Клавдиев, С. В. Колесниченко, Д. А. Первухин. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2017. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.

Романова, Л. И. Английская грамматика : тестовый комплекс / Л. Романова. – Москва : Айрис : MagnaMedia, 2014. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст. Изображение. Устная речь : электронные.

Электронные ресурсы сетевого распространения

Яницкий, М. С. Ценностная детерминация инновационного поведения молодежи в контексте культурно-средовых различий / М. С. Яницкий. – Текст : электронный // Сибирский психологический журнал. – 2009. – № 34. – С. 26–37. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13024552> (дата обращения: 29.05.2018).

В статье приводятся данные об авторах, аннотация (100–150 слов), ключевые слова и список литературы на английском языке, оформленный согласно требованиям APA Style. На сайте <http://translit.ru/> можно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу (последовательность действий: выбираем стандарт VGN, помещаем библиографические ссылки из русскоязычного списка в рабочее поле и нажимаем кнопку «в транслит», копируем получившийся текст). После транслитерации названия источника приводится его перевод на английский язык в квадратных скобках.

Примеры оформления библиографических записей в списке литературы на английском языке (APA Style)

Книги

Mitchell, J.A., Thomson, M., & Coyne, R.P. (2017). *A guide to citation*. London: Publisher.

Jones, A.F. & Wang, L. (2011). *Spectacular creatures: The Amazon rainforest* (2nd ed.). San Jose: Publisher.

Williams, S.T. (Ed.). (2015). *Referencing: A guide to citation rules*. New York: Publisher.

Глава в книге

Troy, B.N. (2015). APA citation rules. In S.T. Williams (Ed.), *A guide to citation rules* (pp. 50–95). New York: Publishers.

Статьи в журналах

Mitchell, J.A. (2017). Citation: Why is it so important. *Journal*, 67(2), 81–95.

Диссертация

Kabir, J. M. (2016). *Factors influencing customer satisfaction at a fast food hamburger chain* [Doctoral dissertation, Wilmington University].

Электронный текст

Mitchell, J.A., Thomson, M., & Coyne, R.P. (2017). *A guide to citation*. Retrieved from <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager>

Mitchell, J.A. (2017). Citation: Why is it so important. *Journal*, 67(2), 81-95. Retrieved from <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager>

Образец оформления статьи

УДК 811.111'42

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРСОНАЖИ КАК СФЕРА-ИСТОЧНИК ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В СМИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

А. Б. Иванов

Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия
ivanov@gmail.com

П. Н. Петров

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
petrov@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются прецедентные имена из сферы-источника «Литература» в СМИ Великобритании (The Guardian, The Times, The Daily Mail, The Daily Telegraph, The Independent) за последние десять лет (2010—2019). Для изучения данных прецедентных имен применялись когнитивно-дискурсивный анализ и приемы лингвокультурологического описания. Сделан вывод о том, что сфера-источник «Литературные персонажи» является наиболее востребованным источником прецедентности в СМИ Великобритании (26 % от общего корпуса примеров, составляющего 400 прецедентных имен). Выявлено, что британские журналисты регулярно обращаются в своих текстах к именам героев из классических произведений английской литературы. Вместе с тем показано, что ведущее место по частотности актуализации и продуктивности занимают прецедентные имена, ставшие популярными в последние десятилетия, что в первую очередь относится к героям романов Дж. Роулинг о Гарри Поттере. Таким образом, анализ показал, что функционирование прецедентных имен зависит не только от когнитивных и культурных, но и от дискурсивных факторов.

Ключевые слова: прецедентное имя; прецедентные феномены; интертекстуальность; СМИ Великобритании; дискурс СМИ; литературные персонажи.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 01-234-56789.

1. Введение

Отличительной чертой современной массовой коммуникации является активное использование прецедентных имен (далее — ПИ) [Богоявленская, 2015; Будаев, 2019; Гудков, 2020; Зырянова, 2016; Нахимова, 2011]. Согласно определению В. В. Красных, ПИ — «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом (например, Печорин, Теркин), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин, Стаханов). Это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется

апелляция не к собственно денотату (в другой терминологии — референту), а к набору дифференциальных признаков данного ПИ» [Красных, 2002, с. 172].

2. Материал и методика исследования

В качестве материала для настоящего исследования послужили ...

В настоящей работе используется методика исследования ПИ, объединяемых сферой-источником «Литературные персонажи».

3. Анализ

Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст.

Таблица 1 – Название таблицы

U	A (%)	B (%)
X	8	14,6
Y	92	85,4
Всего:	100	100

Текст. Текст.

4. Заключение

Итак, наши наблюдения показывают, что сфера-источник «Литературные персонажи» является наиболее востребованным ресурсом прецедентности в СМИ Великобритании (26 % от общего корпуса примеров ПИ). Особенность функционирования ПИ из данной сферы-источника заключается в том, что...

Список литературы

Богданович, Г. Ю. Библейские мотивы как источник формирования медийного образа Крыма / Г. Ю. Богданович, Е. А. Нахимова, Н. А. Сегал. – Текст : непосредственный // Язык и культура. – 2019. – № 47. – С. 8–20.

Гудков, Д. Б. Люди и звери. Русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе. Лингвокультурологический словарь / Д. Б. Гудков. – Москва : Ленанд, 2020. – 200 с. – Текст : непосредственный.

Budaev, E. V. Transformations of precedent text: Metaphors We Live by in academic discourse / E. V. Budaev, A. P. Chudinov. – Текст : непосредственный // Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki. – 2017. – Vol. 1. – P. 60– 67.

Kennedy, V. Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo / V. Kennedy. – Текст : непосредственный // Metaphor and Symbol. – 2000. – Vol. 15. – № 4. – P. 252– 265.

LITERARY CHARACTERS AS A SOURCE DOMAIN OF PRECEDENT NAMES IN THE UK MEDIA

A. B. Ivanov

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
ivanov@gmail.com

P. N. Petrov

Ural State Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia
petrov@gmail.com

Abstract. The article deals with precedent names from the source domain “Literature” in the UK media (The Guardian, The Times, The Daily Mail, The Daily Telegraph, The Independent) over the past ten years (2010–2019). The methods of cognitive-discourse analysis and cultural description of language were used to study the precedent names. It is concluded that the source domain “Literary characters” is the most demanded source of precedent names in the British media (26 % of the total body of examples, which is 400 precedent names). It was revealed that British journalists regularly refer to the names of characters from the classical works of English literature in their texts. At the same time, it is shown that the leading place in terms of frequency of actualization and productivity is occupied by precedent names that have become popular in recent decades and which primarily refer to the characters of J. Rowling’s Harry Potter novels. Thus, the analysis showed that the functioning of precedent names depends not only on cognitive and cultural, but also on discursive factors.

Key words: precedent name; precedent phenomena; intertextuality; UK media; media discourse; literary characters.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR according to the research project № 01-234-56789

References

- Bogdanovich, G. Yu., Nakhimova, E. A., & Segal N. A. (2019). Bibleyskiye motivy kak istochnik formirovaniya mediynogo obraza Kryma [Biblical motives as the source of the creation of media image of the Crimea]. *Yazyk i kultura*, 47, 8–20.
- Budaev, E. V., & Chudinov, A. P. (2017). Transformations of precedent text: Metaphors We Live by in academic discourse. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistik*, 1, 60–67.
- Gudkov, D. B. (2003). *Teoriya i praktika mezhkulturnoy kommunikatsii* [Theory and Practice of Intercultural Communication]. Moscow: Gnozis.

Kennedy, V. (2000). Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo. *Metaphor and Symbol*, 15, 252–265.

